

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Слободенюк Екатерина Дмитриевна

**БЕДНЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРУКТУРА
ГРУППЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные
институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Научный руководитель
доктор социологических наук,
профессор
Тихонова Н.Е.

Москва – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1. Основные теоретико-методологические подходы к анализу бедности	8
1.2. Проблема бедности в публичном пространстве России	21
1.3. Методические основания и эмпирическая база исследования	31
ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	49
2.1. Численность бедных и динамика бедности в России в 2005-2011 гг.	49
2.2. Социально-демографическая специфика групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям»	51
2.3. Особенности экономического положения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям»	71
ГЛАВА 3. ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В ГРУППАХ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ	86
3.1. Специфика бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» с учетом сроков нахождения в бедности.	88
3.2. Состав и образ жизни подгруппы застойной бедности	104
3.3. Проблема «входа» в бедность и «выхода» из нее	115
3.4. Факторы риска бедности с учетом ее гетерогенности	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	128
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	133
<i>ПРИЛОЖЕНИЯ</i>	139
Приложение 1. Список регионов, вошедших в исследование	139
Приложение 2. Группировка регионов, выделенных в рамках абсолютного и относительного подходов к бедности	140
Приложение 3. Частота использования терминов, касающихся проблемы бедности, в заголовках научных публикаций.	141
Приложение 4. Полный список научных публикаций, посвященных проблеме бедности, вышедших в 1998-2009 гг.	144
Приложение 5. Контекст, в котором проблематика бедности фигурирует в посланиях Президента Федеральному Собранию.	148
Приложение 6. Тематика новостных сообщений официального сайта российской коалиции «Движение против бедности»: графическое отображение силы связи между понятиями, полученное на основе контент-анализа	151

ВВЕДЕНИЕ

В последние два десятилетия российское общество претерпело существенные экономические и социальные изменения, которые оказали очень большое влияние на состав бедности и мобильность ее представителей. Произошедшая в это время смена типа социальной структуры повлекла за собой интенсивное перемещение людей между новыми статусными позициями и массовое обеднение значительной части общества. Возник феномен так называемой «новой бедности». И, хотя многие «новые бедные» в 2000-е годы вышли из состояния бедности, другие вместе со «старыми бедными» сформировали довольно значительную по численности группу застойной хронической бедности. К дефициту текущих доходов у членов этой группы добавился их накопленный дефицит, что отражается на объеме испытываемых ими лишений. Более того - к настоящему времени группа хронических бедных не просто окончательно сформировалась. У нее начала формироваться особая культура, а значит – свои нормы, ценности, типичные для нее модели поведения и т.д.

Однако проблема бедности не ограничивается только хроническими бедными - ведь к числу бедных относятся и миллионы людей, бедность которых носит ситуационный, временный характер. Причины их бедности несколько иные, чем в группе хронической бедности, как и пути борьбы с бедностью такого типа.

В этих условиях исследования, направленные на изучение состава и социальной динамики представителей бедных слоев населения, оказываются особенно актуальными – ведь при отсутствии информации о специфике этого процесса формирование дифференцированной социальной и экономической политики, адресованной сектору домашних хозяйств, является трудновыполнимой задачей.

Подобная ситуация обосновывает **актуальность** выбранной темы исследования.

В этой связи **цель исследования** состояла в выявлении внутренней структуры группы бедных, а также особенностей их мобильности. Реализация поставленной цели потребовала решения ряда **задач, в т.ч.:**

1. Выделение группы бедных россиян в соответствии с двумя основными теоретико-методологическими подходами к бедности – абсолютным и относительным (в его депривационной версии);

2. Определение особенностей выделенных групп российских бедных в зависимости от концептуализации феномена бедности;

3. Исследование динамики положения представителей бедных слоев населения и выделение на этой основе групп бедных, которым свойственно краткосрочное, среднесрочное или длительное пребывание в бедности;

4. Анализа «факторов риска» попадания в группы бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», различающихся длительностью пребывания в бедности.

5. Анализ факторов устойчивого выхода из бедности после нескольких лет нахождения в ней и факторов «сползания» в бедность из сравнительно благополучного состояния.

Объектом исследования являлось население России. **Предметом исследования** выступала структура группы бедного населения, в том числе – с учетом разной динамики положения ее представителей за последние годы.

Теоретико-методологические основания исследования.

В теоретико-методологическом плане диссертационное исследование строилось в неовеберинской традиции анализа социальных групп с изучением особенностей их состава, экономического положения, в том числе на рынке труда, а также их поведения, социально-психологического состояния и мобильности. Для выделения бедных были использованы два основных теоретико-методологических подхода к пониманию и анализу бедности – абсолютный (в его монетарной версии) (Б. Раунтри) и относительный (в его депривационной версии) (П.Таунсенд, Д. Мак, С. Лэнсли, Л. Овчарова. Н. Тихонова). Методика

выделения группы бедных в рамках абсолютного подхода заключалась в сопоставлении совокупных доходов домохозяйств с совокупным прожиточным минимумом, рассчитанным с учетом местности проживания и состава домохозяйств. Для выделения группы бедных в рамках депривационного подхода был составлен индекс депривации, основанный на списке лишений П. Таунсенда (с учётом результатов его адаптации к российскому обществу исследовательскими группами под руководством Л. Овчаровой и Н. Тихоновой) и возможностей инструментария РМЭЗ.

Эмпирическая база исследования.

Эмпирической основой для решения поставленных задач стала база данных РМЭЗ (Российский Мониторинг экономического положения и здоровья населения). Для анализа были отобраны раунды за 2005 – 2011 гг. В каждом раунде РМЭЗ имеются две выборки (репрезентативная и панельная). Первая репрезентирует население страны по месту проживания. Вторая выборка состоит из всех респондентов, опрошенных в данной волне, включая тех, кто к моменту опроса переехал с адресов выборки 1994 года, но были найдены и опрошены по их новому адресу. Для решения поставленных исследовательских задач использовались оба типа выборок: репрезентативная – для количественных оценок масштабов групп и выявленных тенденций, панельная – для анализа динамики положения бедных и факторов, влияющих на изменения их положения.

В ходе диссертационного исследования использовались также данные Федеральной службы государственной статистики (ФСГС РФ).

Научная новизна диссертации:

1. Разработана методика выделения группы бедных в соответствии с депривационной версией относительного подхода на основе списка деприваций, учитывающего характерные для российских условий лишения в потреблении материальных и нематериальных благ бедными и позволяющего единообразно

рассчитать относительную черту бедности на основе баз данных РМЭЗ в промежутке с 2005 по 2011 гг.

2. Проведены сравнения специфики и состава групп бедных, выделяемых как на основе применения в России абсолютного и депривационного подходов к бедности, так и в зависимости от продолжительности пребывания в бедности и векторов изменения их положения на протяжении ряда лет. Это позволило:

➤ получить портреты бедных «по доходам» и «по лишениям» и оценить эвристические возможности двух основных подходов к бедности в современной России, показав, что они позволяют зафиксировать разные типы бедности, и что при выделении бедных нельзя ограничиваться только одним из них;

➤ оценить масштабы различных подгрупп бедных, в совокупности составляющих концентрическую структуру группы бедных в целом, продемонстрировав, в частности, что ее ядро, а также его ближняя и дальняя периферия, различающиеся длительностью пребывания в бедности ее членов, составляют по состоянию на начало 2010-х гг. соответственно 43%, 34% и 23%;

➤ определить особенности и перспективы группы бедных в составе социальной структуры российского общества (показана в частности, устойчивость численности этой группы в последние годы при резком сокращении ее численности в середине 2000-х гг., рост в ее составе в последние годы доли хронических бедных и т.д.).

3. Определены особенности социальной динамики представителей бедных слоев населения. Установлено, что основным путем пополнения группы хронических бедных выступает для общества в целом траектория, когда дефицит текущих доходов в течение длительного времени приводит к накоплению лишений и формированию многомерной депривации. Однако в крупных городах, а также у людей с плохим здоровьем вектор «сползания» в бедность чаще бывает иным – постепенный рост числа лишений, приводящий к многомерной депривации независимо от того сопровождается он или нет низкими (ниже ПМ) текущими доходами.

4. На основании регрессионного анализа показано, что факторы риска, оказывающие наиболее сильное влияние на попадание в бедность сегодня – это негородские типы поселений, наличие детей в составе домохозяйств, плохое состояние здоровья, незанятость трудоспособных и низкий уровень заработной платы занятых. При этом в отношении факторов, влияющих на выход из бедности, можно говорить скорее о том, что общему улучшению положения оказавшихся в бедности домохозяйств способствует прекращение или ослабевание влияния факторов, способствовавших попаданию в бедность.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Комплексное изучение (с точки зрения масштабов, структурных характеристик и социальной динамики) бедного населения как особой группы российского общества позволяет лучше понять некоторые особенности эволюции его социальной структуры в целом и особенности одного из важных элементов этой структуры в частности. О практической значимости исследования свидетельствует тот факт, что проведенный в нем анализ гетерогенности бедного населения России может способствовать также совершенствованию системы мер по борьбе с бедностью в рамках государственной политики. Основные результаты исследования были включены в итоговый отчет по проекту «Научно-методическое обеспечение государственной политики оказания адресной помощи нуждающимся категориям граждан и домохозяйств, в том числе на основании социального контракта», проводившемуся в 2013 г. в рамках фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, а также использовались в промежуточных отчетных материалах экспертной группы «Сокращение неравенства и борьба с бедностью», работавшей над «Стратегией 2020».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Основные теоретико-методологические подходы к анализу бедности

Для формирования теоретических концепций, отражающих сущность того или иного феномена, необходимо существование более-менее сформированного в научном сообществе консенсуса касательно сущности этого явления. Подобный консенсус применительно к бедности представлен в определении, данном Экономическим и социальным советом ООН в 1984 г.¹: «К бедным относятся лица, семьи, группы лиц, ресурсы которых являются столь ограниченными, что не позволяют вести минимально приемлемый образ жизни в государствах, в которых они живут» [ЕЕС, 1985]². Эта формулировка скрывает в себе важнейший «камень преткновения» теоретических подходов к бедности: с одной стороны в формулировке четко прослеживается экономическая детерминанта (ограниченность ресурсов), с другой стороны - социологическая, скрывающаяся за понятием «минимально-приемлемого образа жизни».

Такая двойственность не случайна - в мировой науке на сегодняшний день существует несколько основных теоретико-методологических подходов к бедности: абсолютный, относительный и субъективный; эти подходы возникали и развивались в разные годы, в соответствии с развитием самого феномена бедности, однако на сегодняшний день все они используются как в России, так и в зарубежных странах, хотя и для решения различных задач.

Исторически раньше остальных возникла концепция «абсолютной» бедности, в логике которой заложено сравнение уровня жизни домохозяйств или индивидов с неким абсолютным, рассчитанным экспертами показателем. Эта кон-

---

¹ The poor shall be taken to mean persons, families and groups of persons whose resources (material, cultural and social) are so limited as to exclude them from the minimum acceptable way of life in the Member State in which they live".

² В формулировке определения ООН опирается на ресурсный подход А. Сена, в соответствии с которым измеряются не ресурсы, а возможности доступа к ним, которые включают как имеющиеся ресурсы, так и нереализованные возможности.

цепция основана на рассмотрении бедности как невозможности поддерживать нормальный процесс жизнедеятельности в силу нехватки денежных средств, иными словами, обеспечить себе нормальное физическое выживание. Такое восприятие бедности свойственно обществам, находящимся на относительно ранних ступенях развития, и в большей степени характерно сейчас для экономического подхода к бедности. Бедные при таком понимании этого феномена – это люди, которым отсутствие денежных ресурсов не позволяет покупать необходимые для жизни продукты питания, одежду и т.п. Соответственно, бедными считаются те, кто по математическим подсчетам оказываются ниже черты бедности (а именно, доходы которых меньше стоимости минимальной потребительской корзины, подсчитанной по определенным правилам, основу которых заложил в начале прошлого века Б. Роунтри [Rowntree, 1913]). Материальная помощь – главный инструмент помощи бедным, поскольку предполагается, что она при такой трактовке бедности может исправить экономическое, а как результат и социальное положение индивида или домохозяйства.

В нашей стране абсолютный подход к бедности для определения наиболее уязвимых групп общества используется еще с советских времен. В этот период изучение бедности проводилось, в первую очередь, с целью скорректировать механизмы социальной поддержки и защиты, которые позволяют уязвимым социальным группам реализовать свое право на приемлемый уровень жизни. В отечественной научной литературе обсуждались различные виды потребительских бюджетов, такие как *физиологический минимум* (ФМ), *прожиточный минимум* (ПМ), *минимальный потребительский бюджет* (МПБ) и *бюджет высокого достатка* (БВД).

Первый показатель (ФМ) является денежным эквивалентом доходов, которые позволяют человеку выжить. ФМ рассчитывается на скуднейших показателях потребления в области питания и проживания. Этот показатель столь невелик, что проживание на данную сумму приводит к серьезным нарушениям здоровья. Опора на данный показатель в рамках социальной политики возможна

лишь в кризисные этапы жизни общества, в которые достаточно большая доля населения нуждается в поддержке извне. Обычно такая поддержка краткосрочна. Данный показатель разрабатывался поэтому в знаковые периоды жизни российского общества – в период НЭПа или во времена экономических реформ 1990-х гг.

В 1918 г. начались первые попытки подсчета другого показателя - прожиточного минимума, который можно было бы использовать для определения минимального размера оплаты труда (однако единой методологии его расчета на тот момент выработано не было). Позже этот показатель рассчитывался в СССР в соответствии с конвенцией МОТ № 117, принятой в Женеве в 1964 г. (Об основных целях и нормах социальной политики, ст. 5. ч.2), а также конвенцией № 82, принятой в 1955 г. (О социальной политике на территориях вне метрополии, ст. 9, ч. 2). В соответствии с ними «при установлении прожиточного минимума принимаются во внимание такие основные потребности семей работников, как продукты питания и их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование» [Конвенция, 1964; Конвенция, 1955].

Концепция минимальных потребительских бюджетов разрабатывались такими учеными, как В. Жеребин, Н. Кузнецова, Г. Мильнер, М. Можина, Н. Рабкина, Н. Римашевская, Г. Саркисян. Но окончательно завершено, общепризнанного вида, пригодного для целей социальной политики, она не получила. В итоге когда на смену жестко контролируемому и поддерживаемому государством относительному равенству существовавших в советское время структурных позиций пришла новая модель стратификации общества с глубочайшей социальной дифференциацией, то ключевым для анализа ситуации с бедностью стало понятие прожиточного минимума, хотя в отдельные годы наполнение лежащее в основе «потребительской корзины» было столь скудным, что напоминало скорее физиологический минимум (ФМ). Так, например, произошло после начала рыночных реформ с последовавшим за ними массовым обнищанием населения.

Эти структурные изменения отразились и в тематике научных исследований - российская наука активно исследовала тогда проблематику бедности, причем это касалось представителей различных направлений. Так как в столь нестабильный и тяжелый для населения период главной задачей выступала поддержка населения, то наиболее востребованными оказались концепции, лежащие в рамках абсолютного подхода к бедности в его монетарной версии,³ представленной в основном экономистами (работы В. Бобкова, Т. Богомоловой, И. Елисеевой, А. Кируты, В. Литвинова, М. Локшина, Л. Миграновой, Л. Овчаровой, А. Разумовым, Н. Римашевской, С. Смирнова, А. Суворова, А. Суринова, А. Шевякова). Одновременно, однако, шло изучение этой проблематики и социологами (Н. Давыдовой, В. Семеновой, Н. Тихоновой, Н. Черниной и др.)

Определение бедности посредством сравнения среднедушевых доходов домохозяйств с показателем прожиточного минимума используется и по сей день как базовый способ выделения бедного населения⁴, а также для оценки масштабов материальной помощи ему. В настоящее время показатель прожиточного минимума совершенствуется, вносятся коррективы в методику его расчета, например, с точки зрения поправки на размер домохозяйств.

Абсолютный подход в своей монетарной форме продержался как однозначно господствующий в западных странах сравнительно долгое время – приблизительно до 70-х годов двадцатого века. Развитием и, одновременно фактическим отрицанием концепции абсолютного подхода к бедности считается теория А. Сена (1985 г.), выступившего с критикой классического абсолютного подхода [Сен, 2004]. А. Сен отмечал, что бедность является результатом не низких доходов или недостаточности материальных средств самих по себе, а недостатком возможностей у индивида. Эта нехватка возможностей зависит не только от недостатка денежных средств, но и зависит во многом от личностного, культурного, человеческого капитала, социальных и структурных ограничений и

---

³ Терминология из классификации подходов к бедности Л.Н. Овчаровой [Овчарова, 2012].

⁴ В частности на этом подходе к выделению бедности основана методика Федеральной службы государственной статистики РФ.

пр., т.е. является сложным показателем. Таким образом, Сен предложил особый показатель черты бедности, опирающийся в том числе и на нематериальные характеристики положения индивида. На настоящий момент эта очень интересная немонетарная версия абсолютного подхода является, однако, недостаточно разработанной для применения ее в эмпирических исследованиях.

Появление концепции А. Сена и его попытки совершенствования подхода к изучению бедности через понятие недостаточности ресурсов было не случайным. Любой теоретический подход остается главенствующим лишь до тех пор, пока не начинает заметно расходиться с реалиями социальной жизни, которые он берется объяснить. Такое фундаментальное расхождение абсолютного подхода с эволюцией феномена бедности пришлось на вторую половину двадцатого века. Процессы постиндустриализации, отразившиеся на изменении специфики форм занятости, «лифтов» социальной мобильности, особенностях моделей стратификационных систем и т.д., привели к тому, что, в дополнение к экономическому ресурсу, на жизненные возможности человека занять более или менее успешную статусную позицию в обществе стали оказывать влияние и иные виды ресурсов. Феномен бедности усложнился и перестал объясняться лишь нехваткой денежных средств, одна лишь материальная помощь бедным более уже не могла исправить их экономическое, а как результат - и социальное положение. Стало очевидным, что классическая концепция абсолютной бедности в этих условиях перестала адекватно отражать суть этого феномена.

Основоположником нового теоретического подхода к осмыслению бедности явился английский ученый П. Таунсенд, который стал родоначальником новой теоретико-методологической концепции понимания и анализа бедности – «относительной». Ключевое отличие этой концепции кроется в соотношении уровня жизни анализируемого объекта (индивида или домохозяйства) не с абсолютной бедностью, рассчитанной в соответствии с выбранными критериями прожиточного минимума, а с наиболее типичным, свойственным для большинства представителей общества уровнем жизни.

Исторически первым в данной логике развилась так называемая «депривационная» версия данного подхода. Суть ее заключается, в первую очередь, в соотношении положения бедных с невозможностью поддержать принятый в обществе как минимально допустимый стандарт образ жизни, при котором человек не выпадает из сообщества [Townsend, 1979]. Таким образом, П. Таунсенд в корне изменил взгляд на проблему, привлекая внимание социологов не к количественной, а к качественной стороне бедности. Следуя его логике, бедность - это не отсутствие денежных средств, а сложная, интегральная характеристика положения индивида/домохозяйства, отражающая всю его жизнь в обществе, и, в свою очередь, влияющая на всю совокупность его ролей и статусов. Причем эта характеристика зависит от совокупности всех видов располагаемых социальных ресурсов и передается другим поколениям посредством процесса социализации.

А это значит, что из экономической проблемы бедность превратилась в проблему социологическую. Ведь можно сказать, что, следуя этому подходу, мы сталкиваемся при анализе бедности со всей совокупностью таких чисто социологических тем, как социальные институты и взаимодействие с ними индивидов (брак и семья, здравоохранение, религия и др.), социальная мобильность, вопросы адаптации и интеграции в общество, социализации, формирования культур и субкультур, конфликтов (как внутриличностных, так и межличностных) и огромным множеством других тем. Феномен бедности начинает восприниматься как многофакторный и сложный социальный феномен, и именно невозможность поддержать минимально приемлемый в данном обществе уровень жизни становится основой причисления индивида/домохозяйства к числу бедных. К. Оппенгейм и Л. Харкер [Oppenheim, Harker, 1996] уточняют, что «не факт, что люди, попавшие в состояние бедности, страдают от всех описанных выше проблем, но все же их лишения более многомерны и глубоки по сравнению с людьми, обеспеченными лучше, чем они».

Уникальность теоретического подхода, основу которого заложил П. Таунсенд, заключается, однако, не только в том, что он сумел осознать многогран-

ность рассматриваемого феномена (она вытекает из концепций многих классиков социальной мысли, хотя впервые так отчетливо была артикулирована именно им), но также в том, что ему экспертным путем удалось разработать сложную систему индексов и показателей, с помощью которых феномен бедности стало возможным оценить математически. При разработке своих уникальных индексов П. Таунсенд затронул такие стороны жизни индивида / домохозяйства, как: качество питания, одежды и жилья, доступ к платным услугам (медицинским, досуговым, образовательным, ритуальным) и др. Эти показатели, предложенные им на основе экспертной оценки изначально в соответствии с особенностями британского общества 1970-х годов, затем неоднократно корректировались.

Предложенное Таунсендом новое теоретическое и методологическое понимание бедности вызвало широкий резонанс в обществе. Результаты дискуссии, посвященной вопросам определения бедности через те или иные показатели лишений, привели к принятию Советом министров ЕС в декабре 1984 года уже упомянутого ранее нового определения бедности как состояния исключенности из минимально социально приемлемого образа жизни, впоследствии подтвержденным Комиссией ЕС и Европейским Парламентом [Абрахамсон, 2001].

Не меньший интерес вызвала теория П. Таунсенда и у научного сообщества, что отразилось в многочисленных попытках совершенствовать его методологию (чаще всего, в предложениях новых показателей), или же в попытках перенести новую методологию на иное общество с соответствующей корректировкой используемых показателей (что произошло в последние годы и в России). Наиболее известная из попыток совершенствования его методологии принадлежит британским ученым Д. Мак и С. Лэнсли. Они предложили новый способ получения индексов через опрос населения о том, что можно считать признаками минимально приемлемого уровня жизни, граничащего с бедностью, в каких предметах первой необходимости в первую очередь нуждаются представители бедных слоев и пр. [Mack, Lansley, 1985]. Примером переноса этой методологии на российское общество стала работа исследовательской группы под руковод-

ством Л. Овчаровой, изучавшей альтернативные подходы к бедности (и апробировавшая описанный выше подход), участие в работе которой принял профессор Эссекского университета Великобритании М. Алистер. В этом же русле шла и работа Н. Тихоновой и Н. Давыдовой. В ряду российских специалистов, развивавших применительно к условиям нашей страны идеи П. Таунсенда, можно назвать также Н. Чернину, выделявшую индикаторы, характеризующие состояние социальной эксклюзии и ряд других.

Поиск адекватного списка лишений для российского общества прошел достаточно сложный путь. Наиболее интересными были исследования, результаты которых изложены в монографиях: «Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению» [Бедность, 1998], «Феномен городской бедности в современной России» [Тихонова, 2003] и «Богатые. Бедные. Средний класс» [Богатые, 2004]. В результате были сформированы несколько основных списков лишений, характерных для России по мнению российского населения, на которые на сегодняшний момент опираются исследования, проводимые в логике депривационного подхода. В рамках первого исследования российская экспертная группа под руководством Л. Овчаровой с опорой на мнение западных экспертов и россиян сформировала список из 40 лишений, который впоследствии был предложен жителям двух типов населенных пунктов. Каждое из лишений оценивалось респондентами по шкале от «признак глубокой бедности» до «признак совсем не связанный с бедностью». В исследовании принимали участие жители крупного мегаполиса (г. Санкт-Петербург) и маленького города (г. Вязники Владимирской области). Мнения участвовавших в исследовании рядовых россиян, российских экспертов и западных экспертов (очень часто не совпадавшие между собой) далее сопоставлялись. В результате были выбраны 16 наиболее тяжелых показателей депривации, которые можно объединить в следующие категории:

- депривация в области питания (невозможность обеспечить себя необходимым минимумом белковой пищи и пищи в целом, в т.ч. фруктов, ягод, овощей и сладостей для детей);

- невозможность приобретать первоочередные средства поддержания личной гигиены;
- невозможность обновлять и чинить одежду и обувь, в т.ч. детям;
- отсутствие и невозможность приобретения минимально-необходимого набора товаров длительного пользования (мебельный гарнитур, телевизор, холодильник);
- депривация в области поддержания здоровья – невозможность приобретать необходимые лекарства и обратиться за помощью к платным специалистам при отсутствии необходимой бесплатной медицинской помощи;
- экономия на детях – невозможность давать деньги детям на школьное питание, кружки и секции, летний отдых, а также пребывание в дошкольных учреждениях;
- невозможность похоронить родственника без длительных долгов;
- невозможность в случае крайней необходимости сделать ремонт квартиры / дома.

Признаками крайней депривации россияне выделили следующие формы лишений: недоедание в семье, экономия на детях (в первую очередь, детской одежде и питании) и средствах личной гигиены.

В рамках второго исследования под руководством Н. Тихоновой на протяжении 1999-2002 гг. было проведено качественное лонгитюдное панельное исследование в 103 бедных домохозяйствах Москвы, Воронежа и Владикавказа. Особенность этого исследования заключалась не только в его панельном характере, но и в том, что большую часть эмпирической базы составляли глубинные интервью, т.е. качественные методики, но также были собраны и количественные данные. Интервью проводились из года в год в одних и тех же домохозяйствах, что позволило уловить социальную динамику представителей бедного населения. Из глубинных интервью представителей бедности были получены типичные для россиян виды лишений, которые были проверены затем на соответствие их реальной ситуации в бедных домохозяйствах. Во многом список

лишений переключался с приведенным выше списком (в первую очередь по основным категориям) [Тихонова, 2003, с.34-35]:

«Бедность – это когда все деньги идут на физиологическое выживание – еду, лекарства, социальные платежи, когда все, чем живет человек и питается – самого низкого качества, только чтобы ноги не протянуть».

«Бедность – это когда живешь в постоянном самоограничении, особенно тяжело понимать, что ты ничего не сможешь дать ребенку – как следует кормить, одевать по сезону, устроить ему такие каникулы, чтобы он полностью отдохнул к школе».

Но были выявлены также как признаки бедности и те виды деприваций, которые не включались в список лишений предшествовавшими исследователями, хотя сами бедные выделяли их как признаки бедности. Так, например, часть этих деприваций относилась к психологическому состоянию бедных [Тихонова, 2003, с. 33,131]:

«Бедные – это те, у кого руки опустились от проблем», «надежд никаких нет»; «сложностей и раньше было много, но если раньше такие периоды были эпизодами – можно было выбраться, то сейчас ощущение, что выбраться уже нельзя»; «в глазах таких людей нет огонька»; «за чертой бедности те, у кого грустные глаза» и т.д.

Таким образом, среди особенной отличительной черты бедного населения сами россияне называют психологическое состояние подавленности, отчаяния, ощущения не только пребывания на низших ступенях общества, но и полного бессилия повлиять на сложившуюся ситуацию.

Кроме того, в результате проведенного исследования стало ясно, что важным признаком бедности россияне считают плохое качество жилища. Более того, все основные группы лишений, перечисленные выше, отмечались как отличительные черты бедности представителями как бедных, так и обеспеченных групп общества.

Сходство взглядов бедных и небедных слоев населения в отношении признаков бедности зафиксировало и исследование ИКСИ РАН, проведенное в 2003 г. под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой на общероссийской выборке [Богатые, 2004]. Оно также продемонстрировало необходимость расширения индикаторов бедности, в частности важность такого признака как невозможность поддерживать сколько-нибудь приемлемый образ жизни без накапливающихся долгов. Более того, как показало проведенное в апреле 2013 г. этой же группой повторное общероссийское исследование «Бедность и бедные в современной России» роль этого признака бедности за последнее десятилетие сильно возросла.

Таким образом, в России за 2 последних десятилетия было проведено три фундаментальных исследования, в рамках которых апробировался депривационный подход П. Таунсенда и проводился поиск лишений, характерных именно для России.

Второй, наряду с его депривационной версией, разновидностью относительного подхода, выступает так называемый «медианный подход». При использовании депривационного подхода и дальнейшей оценке доходов бедных домохозяйств в развитых странах Европы было эмпирически определено, что минимально типичный уровень жизни обычно соотносим с 40-60% медианных среднедушевых доходов домохозяйств (показатель тем выше, чем с менее экономически развитой страной мы имеем дело, т.к. в слаборазвитых странах слабоэластичные расходы на питание составляют большую долю бюджетов домохозяйств). Таким образом, эмпирически был найден монетарный способ оценки относительной линии бедности, существенно упрощающий задачу исследователя, не имеющего возможности использовать инструментарий относительного подхода к бедности в его депривационной версии. Монетарная версия относительного подхода расширила границы бедности учитывает не только необходимость простого физического выживания, но и проблемы исключенности из социальной жизни общества, отсутствия доступа к основным институтам интегра-

ции и пр., а значит - невозможность поддерживать образ жизни, понимаемый в данном обществе как минимально приемлемый. Однако она, конечно, не полностью и далеко не всегда способна заменить депривационный подход к бедности, хотя безусловно более эффективна, чем основанный на расчетах ПМ абсолютный подход.

В то же время стоит отметить, что при переходе от методики выделения бедных, основанной на показателях лишений, к монетарной версии относительного подхода часть бедного населения выпадает из рассмотрения, так как одна и та же сумма денег в разных домохозяйствах будет расходоваться по-разному. По этой причине медианный подход применим и удобен для международных сравнений, а депривационный подход – для более глубокого понимания самой сути феномена бедности и масштабов ее распространения в конкретном обществе.

В последние годы стала активно развиваться еще одна версия депривационного подхода к бедности. Выделение бедного населения в соответствии с этим подходом опирается на многомерный индекс бедности, включающий в себя три базовых индикатора: состояние здоровья, уровень образования и уровень жизни. Этот подход был разработан группой ученых различных стран мира, входящих в организацию «Oxford Poverty & Human Development Initiative», среди которых наибольший вклад внесли С. Алкире и Дж. Фостер [Alkire, S., J. E., 2009]. Однако, хотя эта методика используется при подготовке Доклада ООН о развитии человеческого потенциала, в силу специфики применяемых в нем индикаторов (например, земляной пол в жилище), этот подход в большей степени применим к странам с более низким уровнем жизни, нежели российский (для которых он, собственно, и разрабатывался) и в рамках данного исследования не использовался.

Существует также еще одна традиция выделения группы бедного населения, опирающаяся на субъективные представления индивидов об уровне их жизни и их доходах, особенно важная для поиска групп населения, в которых накапливается социальная напряженность и локализуются определенные иден-

тичности. Однако это более частная задача и субъективный подход к бедности не может заменить ни абсолютный, ни относительный подходы к ней.

Таким образом, на сегодняшний день ведущие исследователи бедности в России классифицируют основные теоретико-методологические подходы к бедности следующим образом [Овчарова, 2012] (таблица 1.1):

Таблица 1.1.

Классификация основных теоретико-методологических подходов к бедности

Абсолютный	Монетарная версия	Прожиточный минимум
		Международная линия бедности по ППС
	Немонетарная версия	Индекс возможностей
Относительный	Монетарная версия	Доля от медианы
	Немонетарная версия	Индекс лишений
Субъективный	Монетарная версия	Восприятие минимальных доходов
	Немонетарная версия	Восприятие возможностей

В российской практике на сегодняшний день для изучения бедного населения используются все три подхода (М. Красильникова, И. Корчагина, Л. Ниворожкина, Д. Попова, Л. Прокофьева, Н. Тихонова и др.). Каждый из теоретических подходов к пониманию бедности определяет свою методологию ее изучения, а значит, приводит и к своему, уникальному портрету современной российской бедности. В итоге оценки масштабов бедности, проводимые даже на одних и тех же базах данных существенно разнятся из-за различий в методиках [Карабчук, Соболева. Пашинова, 2013; Пишняк, Попова, 2011, Слободенюк, Тихонова. 2011]⁵.

Однако выделить один из трех основных подходов как основной и подходящий для всех случаев жизни и исследовательских задач не представляется возможным. Так, при переходе от монетарных к немонетарным критериям оценки портрет российской бедности качественно меняется в силу того, что один лишь недостаток денежных средств не позволяет в полной мере охватить слож-

⁵ В данном случае приводится пример различных показателей уровня бедности полученных в рамках абсолютноного подхода. с использованием показателя дохода на базе данных РМЭЗ.

ный феномен современной бедности как невозможности быть полноценным членом общества. Каждый из подходов эффективен для решения своего спектра задач и исследователи комбинируют их в зависимости от своих целей. Так, например, монетарные версии подходов более просты в реализации и более универсальны, что позволяет производить оценки с использованием достаточно скудного инструментария, проводить международные сравнения. Хороши они и для решения экономических задач. Немонетарные версии подходов предпочтительнее для глубинного анализа процессов, протекающих в группе бедного населения, получения ее более полного и детального портрета, отчего эти версии в большей степени используются социологами.

Также следует отметить, что наравне с различными концепциями бедности с 1990-х годов широкое развитие на западе получили теории социальной исключенности (social exclusion) и андеркласса. Однако в рамках данного исследования они были использованы лишь частично – при разработке индикаторов депривации и интерпретации результатов исследования группы застойной бедности.

Посмотрим теперь, существует ли консенсус касательно того, кого же называть бедным, в публичном пространстве российского общества.

1.2 Проблема бедности в публичном пространстве России

Тот факт, что в научном сообществе отсутствует единство понимания феномена бедности, привел нас к решению изучить вопрос о том, как само общество понимает этот феномен и насколько оно вообще уделяет внимание этому вопросу. Интересно было посмотреть и на то, насколько близки научный и существующий в общественном сознании портреты бедности, что, в свою очередь, значимо для построения конструктивного диалога с общественностью и решения проблем, связанных с бедностью.

Для решения этих задач нами было проведено самостоятельное исследование, охватившее три сферы публичного пространства России: печатные СМИ,

государственная политика и научная периодическая печать. В качестве эмпирической базы использовались: новостные сообщения российских газет, послания Президента Федеральному Собранию РФ за 1998-2008 гг. и научные труды, опубликованные в 11 ведущих социологических и междисциплинарных научных журналах из списка ВАК⁶.

Построение портрета бедности на основе текстовых сообщений печатных СМИ проводилось посредством проведения контент-анализа. Единицей отбора в данном случае выступало новостное сообщение. Совокупность данных эмпирической базы охватывала по две недели в 1999-2000 и 2009-2010 годах. Одна неделя в обоих случаях включала в себя Всемирный день борьбы с бедностью, вторая – отстояла от нее на 6 месяцев. Отбор эмпирической информации производился под влиянием нескольких факторов: непосредственные числа, за которые собиралась информация, были выбраны в соответствии с календарным расположением дней в неделе, с учетом того, на какой день недели выпадал «День борьбы с бедностью». В 2009 году данное мероприятие выпало на субботний день, в связи с чем были выбраны 7 дней, начиная с понедельника 12-го, по воскресенье 18-е, исходя из того, что основная масса сообщений, посвященных мероприятию, предположительно должны были быть опубликованы перед непосредственно мероприятием или в ближайшие дни после него.

Построенная выборка печатных СМИ являлась многоступенчатой: на первом этапе были отобраны наиболее популярные печатные издания на основе открытых данных компании TNS gallup media, на втором этапе были отобраны те из них, в которых была рубрика «общество». Учитывалась и широта охвата аудитории соответствующим изданием. Результатом отбора стали следующие издания: 1) Местная пресса: газета «41 километр» (наиболее популярная газета г. Зеленограда), 2) Региональная пресса: газета «Московский Комсомолец» (г. Москва), 3) Федеральные издания: газеты «Известия», «Аргументы и Факты»,

---

⁶ Соответствующие фрагменты текстов посланий и список использованных для анализа публикаций см. в Приложениях (№ 4 и № 5).

«Труд». На последнем этапе были собраны все новостные сообщения рубрик «Общество» вышеуказанных газет. Таким образом, объем итоговой выборки публикаций в СМИ - полная совокупность всех новостных сообщений рубрики «Общество» из 5 изданий, среди которых 4 ежедневные газеты и 1 – еженедельная.

Главной задачей анализа новостных сообщений было получить «портрет бедности», представленный в них. Особенности этого портрета интерпретировались в данной работе через раскрытие силы связи между наиболее значимыми и наиболее часто употребляющимися в них словами, когда речь идет о бедности. Таким образом, задача анализа текстовых файлов заключалась в выявлении наиболее часто употребляющихся в новостях, посвященных бедности, слов, подсчитывании силы связи этих слов со словом «бедность» и между собой, предположительном выделении нескольких кластеров (если речь идет о существовании нескольких устойчивых в общественном сознании портретов-синонимов слову «бедность»). Контент-анализ осуществлялся в программе «Hamlet II», основные методики анализа данных: построение таблиц распределений, иерархический кластерный анализ, определение силы связи между переменными с помощью различных коэффициентов.

Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ также входили в наш анализ. Единицей отбора в данном случае выступало послание президента РФ Федеральному Собранию. Объем выборки, охватывающей 11-летний период жизни страны (1998 - 2009 годы), составлял 11 текстовых документов. При анализе посланий Президента использовались как количественные, так и качественные методики. На первом этапе анализа изучалась частота встречаемости слов, из которых состоят тексты посланий. На втором этапе каждый из текстов посланий был изучен отдельно (содержательный анализ), в результате чего было выявлено место проблематики бедности в совокупности проблем, наиболее значимых и требующих особенно пристального внимания с точки зрения руководства

страны, а также изучено, какое внимание уделялось бедности в каждый определенный момент времени.

При анализе научных и научно-популярных изданий единицей отбора выступали заголовки и аннотации научных публикаций. Здесь также был охвачен одиннадцатилетний период, а именно: 1998-2009 годы. В качестве критериев отбора журналов и (на втором этапе отбора) публикаций выступили фильтры: 1) социологический или междисциплинарный профиль журнала, 2) включенность журнала в список ВАК, 3) освещение в них проблематики бедности (присутствие в аннотациях, названиях соответствующих научных терминов (слов с корнем бедн, povert, деприв, depriv, андеркл, undercl, исключ, эксклюз, exclus). Объем выборки составила генеральная совокупность - все выходявшие в свет публикации, отвечавшие выдвинутым критериям отбора. Общий список анализируемых журналов включал: 1) «Социологические исследования», 2) «Социологический журнал», 3) «Журнал исследований социальной политики», 4) «Власть», 5) «История и современность», 6) «Социология: 4М», 7) «ИНТЕР», 8) «Журнал социологии и социальной антропологии», 9) «Общественные науки и современность», 10) «Экономическая социология», 11) «Социологическое обозрение». В случае с заголовками публикаций, посвященных проблематике бедности, изучались количественные характеристики, в первую очередь динамика выхода в свет публикаций, а также специфика использования в заголовках терминов, описывающих феномен бедности. В случае с аннотациями изучались как частота употребления в них слов с соответствующим корнем (количественный анализ), так и их реальное содержание (содержательный анализ).

Исследование показало, что на протяжении 2000-х годов проблема бедности находилась фактически вне интереса печатных СМИ. Построение частот распределений слов всех новостных сообщений в них показало практически абсолютное отсутствие разного рода вариаций понятия «бедность» (бедняки, беднота, бедные, бедность, беднейшие и многие другие). В общей сложности встречаемость таких слов не превысила 0,001% . Столь несущественная частота

встречаемости слов привела нас к выводу о том, что либо о бедности в них практически не говорится, либо о бедности говорится какими-то другими словами. Для проверки этого были отобраны несколько понятий, связанных с феноменом бедности (экслюзия, прожиточный минимум, потребительская корзина, депривация, исключенность, малообеспеченность, нищета). Однако и при таком расширении списка ключевых для поиска слов, частота их встречаемости составляла не более 0,001%.

Полученный результат привел к необходимости поиска других слов и словосочетаний, с помощью которых обсуждается и освещается проблематика бедности. Чтобы избежать субъективности этого списка нами был проанализированы новостные текстовые сообщения официального Интернет-ресурса объединения более 20-ти некоммерческих негосударственных организаций, занимающихся проблематикой бедности и борьбой с ней⁷. Были собраны все новостные сообщения со времени создания организации – 2006 года⁸. В данной выборке проблема бедности встречала уже более пристальное внимание. Так, если в текстах рассмотренных ранее газет слова с корнем «бедн» встретились всего 18 раз, то в новостных сообщениях коалиции «Движение против бедности» таких слов было уже 338, что объяснимо, ведь эта организация была создана именно для борьбы с бедностью. Чтобы понять, в каком контексте встречались выявленные слова, нами был проведен контент-анализ контекстов этих слов в программе «Hamlet II». Мы предполагали, что именно из этих текстов мы сможем эмпирическим путем найти те слова, которые используют люди, когда говорят о бедности. На основе матрицы частот наиболее встречаемых слов был проведен иерархический кластерный анализ, а также построена трехмерная модель силы связи между понятиями. Результатом кластерного анализа явилось выделение четырех кластеров. Для анализа получившихся кластеров оказалось возможным использовать как привычную дендрограмму, так и трехмерные графики анализа

---

⁷ Российская коалиция «Движение против бедности».

⁸ Объем полученной базы оказался приблизительно равным объему одного из недельных архивов печатных изданий («Труд», «АиФ», «Известия»).

Multidimensional Scaling. Полученный графический материал позволяет визуально увидеть интуитивно-понятную тесноту связи слов, а также проследить несколько шагов, на которых наименее слабые связи убираются, высвобождая сильные кластеры (см. Приложение 6).

Результатом такого многоступенчатого кластерного анализа стало выделение трех отдельных, связанных между собой, смысловых сюжетов. Первый сюжет посвящен обсуждению существования международной организации Global Call to Action Against Poverty (GCAAP), в частности вопросам действий зарубежных стран в русле общемировой борьбы с бедностью. Вторым сюжетом касается существования российской коалиции «Движение против бедности», новостные сообщения которой мы изучали. Третьим сюжетом касается «Дня борьбы с бедностью» - мероприятия, приуроченного ко Всемирному дню борьбы с бедностью, который проходит ежегодно 17 октября, и активности коалиции в рамках этого мероприятия. Эта картина в точности описывает то, что является собой организация, чем она занимается, с кем сотрудничает, но не ситуацию с бедностью в России. Из этого можно сделать вывод, что вся публикационная активность организации в 2000-х годах была посвящена не обсуждению вопросов бедности, а освещению лишь достижений организации.

Таким образом, проведенный контент-анализ публичной сфере в рамках новостных сообщений в печатных СМИ показал, что:

1. В публичной сфере современной России, сформированной печатными СМИ, практически не обсуждается проблематика бедности.

2. Дискурс, посвященный рассматриваемой проблеме, построен в логике абсолютного подхода и рассматривает бедность через экономическую призму, в нем практически отсутствует связь с понятиями депривации, эксклюзии, исключенности, лишений и т.п.

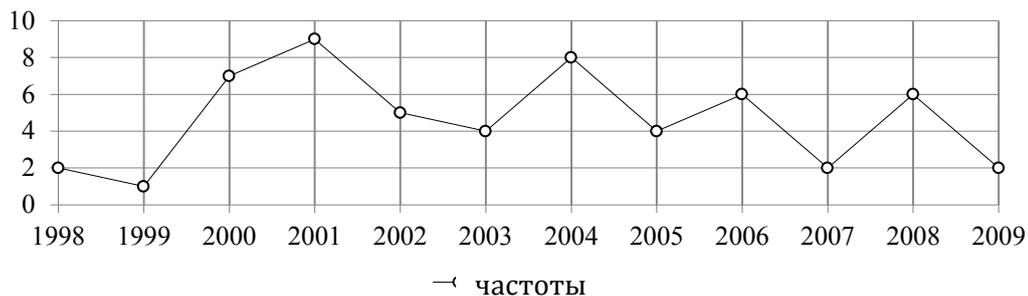
3. Даже в текстовых сообщениях организации, целенаправленно занимающейся вопросами борьбы с бедностью, проблематика собственно бедности не обсуждается.

Анализ текстов посланий Президента РФ на наличие в них упоминаний бедности был осуществлен двумя методиками – 1) контент-анализ в виде подсчета количества упоминаний слов, содержащих в себе сочетание букв «бедн» и 2) содержательный анализ текстов, а также внимательное изучение непосредственно контекстов, в которых упоминались указанные ранее слова.

Контент-анализ текстов посланий посредством построения таблиц распределений программой «Hamlet II» продемонстрировал всплеск внимания к этой проблематике в трех годах – 2003, 2004 и 2007 гг. Непосредственно же бедность обозначалась как самостоятельная проблема, с которой надо работать, лишь дважды: в 2003 и 2004 гг.

В эти годы бедность позиционировалась руководством страны как задача, требующая решения, на ней специально заостряется внимание. В остальные годы бедность упоминается в посланиях вскользь, перечисляется наряду с другими социальными проблемами, но на ней не акцентируется специальное внимание. При этом специфика понимания проблемы бедности в Посланиях Президента постепенно изменялась от раскрытия ее через понятие прожиточного минимума в 1998г. к более схожей с логикой депривационного подхода и эксклюзии трактовке в 2004г. Однако потом бедность вновь исчезает из фокуса внимания, которое от проблематики бедности смещается в сторону необходимости расширения среднего класса.

Анализ текстов научных публикаций строился на изучении динамики выхода в свет публикаций, содержащих в своих заголовках термины, с помощью которых в научном дискурсе обсуждается проблематика бедности. Как было упомянуто выше, для этой задачи использовались слова с корнями: 1) бедн/povert, 2) эксклюз/exclus/исключ, 3) деприв/depriv, 4) андеркл/undercl. Анализ частот показал, что за 11-летний промежуток было 4 всплеска выхода в свет публикаций, освещающих проблематику бедности в том или ином виде в своих заголовках (рисунок 1.1).

Рисунок 1.1. Частота встречаемости научных терминов, касающихся проблематики бедности, в заголовках научных публикаций всех проанализированных научных изданий.

Как видно из рисунка 1.1, начало рассматриваемого периода характерно практически полным отсутствием таких публикаций, как, впрочем, и конец. В эти годы в общей сложности во всех 11 ведущих социологических и междисциплинарных научных изданиях в свет выходило в среднем по 1-2 публикации по этой проблематике.

Однако анализируемые журналы оказались далеко не однородными в плане освещенности в них проблемы бедности. Так, лидирующими среди всех оказались два журнала: «Социологические исследования», который внес в общую совокупность 20 публикаций, и «Экономическая социология», доля которого вдвое меньше – 10 статей – но также велика. Чуть меньший вклад (по 7-8 публикаций) внесли «Журнал исследований социальной политики» и «Общественные науки и современность», что, впрочем, в значительной степени объясняется меньшим числом номеров, издаваемых за год (4 и 6, соответственно). Интересно также, что публикации, посвященные феномену эксклюзии, на половину вышли в журналах, не вошедших в четверку «лидеров» по вниманию к проблематике собственно бедности. При этом четверть этих публикаций была выпущена в свет «Журналом исследований социальной политики», и две оставшиеся – журналом «Социологические исследования». Такие же журналы как «Власть», «ИНТЕР» и «Социологическое обозрение» за весь анализируемый 11-летний промежуток не опубликовали ни одной статьи, в заголовке которой было бы хотя бы одно из

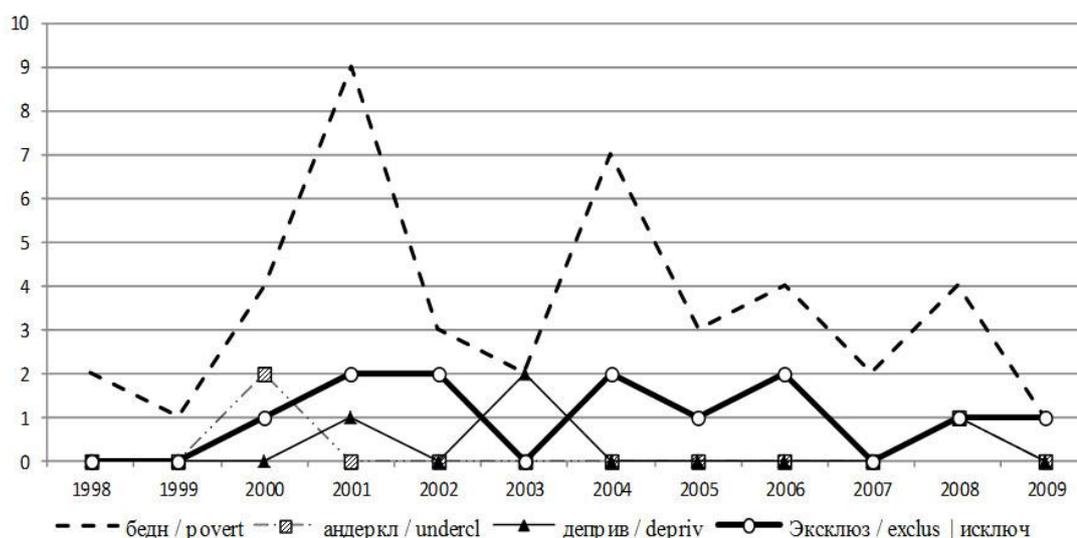
понятий, раскрывающих в логике той или иной исследовательской традиции проблематику бедности (таблица 1.2).

Таблица 1.2

Общее количество публикаций, включавших в своих заголовках термины, касающиеся проблематики бедности

Журналы:	Количество публикаций
«Социологические исследования»	22
«Экономическая социология»	10
«Журнал исследований социальной политики»	8
«Общественные науки и современность»	7
«Социологический журнал»	5
«Журнал исследований социологии и социальной антропологии»	5
«Социология: 4м»	2
«История и современность»	1
«Власть»	0
«Интер»	0
«Социологическое обозрение»	0

Общая характеристика всех изучаемых понятий заключается в том, что начало и конец рассматриваемого периода оказываются слабо насыщенными с точки зрения наличия в эти годы публикаций с той или иной точки зрения рассматривавших проблематику бедности, причем такие понятия как «андеркласс» и «депривация»/«депривационный подход» были вообще не свойственны российскому научному дискурсу (рисунок 1.2).

Рисунок 1.2. Динамика выхода в свет статей с заголовками, содержащими слова с тем или иным синонимом понятия «бедность».

Как видно из рисунка 1.2, из новых характеристик бедности «экслюзия» присутствует нечасто, но равномерно на протяжении 2000-х годов. Наибольшую же часть публикаций по всей интересующей нас проблематике составляют публикации, содержащие в заголовках слова с корнем «бедн». Однако динамика выхода в свет таких публикаций неравномерна: она имеет три отчетливых всплеска: в 2000, 2004 и 2007-2008 годах, причем 2001 год оказался наиболее информативным – 9 публикаций. Интересным результатом явилось то, что динамика выхода в свет публикаций, содержащих в своих заголовках слова с корнями «бедн» и «экслюз» похожи, только во втором случае амплитуда колебаний чуть ниже. Так, динамика по обоим понятиям имеет 4 пика: в 2001, 2004, 2006 и 2008 годах, что и продиктовало общую динамику на рисунке 6.

Какие же авторы публиковали свои работы в каждый из пиковых промежутков?

1-й Всплеск публикаций: Бернер Э., Иноземцев В.Л., Радаев В.В., Абрахамсон П., Гордон Л.А., Шурыгина И.И., Муздыбаев К., Линдер И., Сидорова Н.И., Сычева В.С., Петрова Л.Е., Ярошенко С.С., Бородкин Ф.М., Тихонова Н.Е., Моррис Л.

2-й Всплеск публикаций: Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Седова Н.Н., Римашевская Н.М., Сидорова В.А., Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Костырко А.А., Шмидт В., Ярошенко С.С.

3-й Всплеск публикаций: Раунд Дж., Ярошенко С.С., Беляева Л.А., Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Шабает Ю.П., Завьялова Л., Ковалев В.А., Астоянц М.П., Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.

4-й Всплеск публикаций: Овчарова Л., Тукумцев Б., Шипилов А.В., Ярмиев М.З., Жвितिашвили А.Ш.

Как видим, в разное время о бедности писали разные авторы, и тех, кто занимался этой проблемой хотябы на протяжении нескольких лет, если судить по выбранным научным изданиям, достаточно мало. В этой связи стоит отметить, что среди западных научных изданий существуют целые журналы, посвященные

исключительно проблематике бедности (в том числе: *Georgetown Journal on Poverty Law & Policy*, *Journal of poverty*, *Canadian Journal of Poverty Law*, *Journal of Poverty and Social Justice* и др.).

Таким образом, подводя итог нашему анализу, можно сказать, что, несмотря на всю ее многогранность и остроту, проблема бедности достаточно слабо освещается в публичном пространстве России, и на протяжении многих лет высшее руководство страны уделяло ей даже большее внимание, чем само общество. Что же касается социологического научного сообщества, то оно в массе своей обращается к этой проблеме эпизодически. Это естественно мешает выработке и единой интерпретации феномена бедности в современной России, и разностороннему её анализу.

1.3. Методические основания и эмпирическая база исследования

Эмпирической основой для решения поставленных задач исследования стали базы данных РМЭЗ (Российский Мониторинг экономического положения и здоровья населения страны), часто называемого также RLMS (Russian Longitudinal Monitoring survey). РМЭЗ – это международный исследовательский проект, осуществляемый Национальным исследовательским университетом – «Высшая школа экономики», ЗАО «Демоскоп» и Институтом социологии РАН при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилле (США). Начиная с 2010 года, проект получил новое имя «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE)⁹.

Обследование состоит из общих данных, характеризующих домохозяйство в целом, а также индивидуальных данных его отдельных членов (как взрослых, так и детей). Данные собираются посредством формализованного интервью в домашней обстановке. Данные по домохозяйству получаются путем интервьюи-

---

⁹ Получить полную информацию о выборке исследования, а также доступ к самим статистическим базам можно на сайте: <http://www.hse.ru/rlms/>.

рования наиболее осведомленного члена домохозяйства. Индивидуальные анкеты заполняются при беседе с каждым членом домохозяйства (в случае с детьми, при беседе участвуют и помогают отвечать на вопросы родители ребенка).

Основными предметными сферами изучения являются экономические характеристики населения и уровень здоровья. Индивидуальный опросник охватывает занятость респондента, вопросы оплаты и условий труда, образования, повышения квалификации, особенностей получения услуг по здравоохранению, социальных льгот, пособий, распорядка дня и особенностей деятельности индивида. Анкета для домохозяйств включает в себя вопросы, касающиеся расходов и доходов семьи, с многочисленными уточнениями о сферах получения или траты денежных средств, о демографических особенностях каждого домохозяйства в целом и его членах в частности, о наличии или отсутствии льгот, субсидий, товаров длительного пользования, жилищных условиях, основных формах сельскохозяйственной деятельности, особенностях использования услуг.

Исследование охватывает все общество за исключением наиболее обеспеченных слоев населения (3-5%), а также люмпенизированной части общества, в частности людей, не имеющих постоянного места проживания, и всех тех, кто не живет в домохозяйствах (солдаты срочной службы, заключенные и др.). Последние не попадают в исследование в силу особенностей выборки и недоступности их для интервьюеров. Считается также, что в силу их меньшей доступности и незаинтересованности в ответах на вопросы сложной для заполнения анкеты РМЭЗ, в выборке РМЭЗ меньше представлены верхние 20% населения страны.

Выбор этой базы данных для нашего исследования был обусловлен рядом причин:

1. Исследование охватывает широкий спектр социально-демографических и экономических показателей, на основе которых оказывается возможным выделить бедных в соответствии с относительным в его депривационной версии и абсолютным подходами.

2. РМЭЗ является практически единственным репрезентативным микроэкономическим исследованием, имеющим панельную составляющую, что позволяет исследовать специфику мобильности представителей бедных слоев населения.

3. Выборка исследования достаточно велика, что позволяет выделить группу бедных так, чтобы их численность оказалась достаточной для изучения внутренней структуры этой группы.

В рамках поставленных задач для анализа были отобраны 7 репрезентативных баз за 2005 – 2011 гг., что диктовалось необходимостью рассмотреть состав и факторы пребывания в бедности как в предкризисный, так и в посткризисный период экономического развития России. При этом нами использовался как абсолютный (в его монетарной версии), так и относительной (в его депривационной версии) подходы к бедности.

Выделение на базе РМЭЗ бедных в соответствии с **абсолютным** подходом опиралось на показатели совокупного дохода и прожиточного минимума домохозяйств. Методика получения первого заключалась в суммировании всех доходов домохозяйства (заработной платы, трансфертов, помощи со стороны других домохозяйств и др., полученных за последний месяц перед опросом). При расчете показателя игнорировалась существующая в эмпирической базе данных переменная совокупных доходов домохозяйств¹⁰, исходя из соображения, что человек не всегда может вспомнить все сферы поступления денежных средств и он неточно назовет совокупную сумму дохода.

Второй показатель был получен путем суммирования нормативов прожиточных минимумов в зависимости от места проживания каждого домохозяйства и его состава (количества детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста в нем). Для расчета использовался показатель прожиточного минимума, уста-

---

¹⁰ Точная формулировка показателя из опросника РМЭЗ: «Каким был денежный доход всей Вашей семьи в течение последних 30 дней? Включите сюда все денежные поступления всех членов семьи».

новленный на IV квартал¹¹ каждого года для всех трех категорий населения («дети», «трудоспособные», «пенсионеры») в 38 рассматриваемых регионах¹². Стоит отметить, что некоторые регионы, рассматриваемые как самостоятельные в РМЭЗ, не разделяются ФСГС при подсчете показателя регионального прожиточного минимума. По этой причине в нескольких случаях регионы были объединены¹³, в результате чего итоговое количество анализируемых в нашем исследовании регионов равнялось тридцати двум. Таким образом, прожиточный минимум и совокупный доход домохозяйства получились уникальными показателями для каждого домохозяйства в силу индивидуальности его состава и структуры доходов в нем. В число бедных попали при этом все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше их прожиточного минимума.

Подсчитанные таким образом совокупные доходы не в полной мере отражают реальные доходы домохозяйств. Так, например, россиянам не свойственно считать свои доходы и расходы, зачастую они даже не имеют точного представления о доходах в своем домохозяйстве, а мнения об этой величине у разных членов одного и того же домохозяйства могут существенно различаться [Тихонова. 2004]. Кроме того, респондентам свойственно занижать свои доходы в ходе интервью. По этим причинам исследователи, которые сталкиваются с задачей оценить доходы населения, различным образом пытаются скомпенсировать вышеуказанные факторы, например дооценивая их с помощью данных о расходах [Пишняк, Попова. 2011]. Этот способ позволяет получить более точные оценки доходов, что особенно важно для исследований, проводимых в рамках экономической или эконом-социологической традиции. Однако в нашем исследовании представлялось правильным брать за основу расчёта данные о совокупных доходах домохозяйств без дооценки на основе расходов. Ведь для нас, поскольку мы

---

¹¹ Показатель прожиточного минимума представлен 4 значениями для каждого из четырех кварталов каждого года. В рамках этого исследования для анализа был выбран именно IV квартал, так как сбор данных РМЭЗ осуществляется преимущественно с октября по декабрь каждого года.

¹² Источник данных – официальный сайт Федеральной Службы Государственной Статистики (ФСГС) в интернете (www.fsgs.ru).

¹³ Объединение регионов, а также полный список регионов см в Приложениях (№ 1 и № 2).

рассматриваем не долю населения, претендующего на помощь со стороны государства и необходимые масштабы этой помощи, а суть и особенности проявления в России такого феномена как бедность, особенно важно именно восприятие населением своих доходов, прямо влияющее на «социальные действия» представителей соответствующих групп.

Стоит еще раз упомянуть и об ограничениях базы данных РМЭЗ. В силу сложности и длительности процесса интервьюирования и достаточно малой материальной компенсации за участие в ней, верхний квинтиль представлен в выборке не совсем пропорционально его представленности в обществе, а верхние 3-5% традиционно не участвуют в подобных опросах вовсе. На основании этого можно говорить о смещенности выборки, которое сказывается на оценках общей доли бедных в обществе или численности их подгрупп.

Для расчета масштабов бедности в соответствии с **депривационной** версией относительного подхода был построен совокупный индекс депривации, основанный на перечне лишений, которые испытывают домохозяйства. Показатели лишений были отобраны с учетом адаптации классических показателей лишений П. Таунзенда к российской действительности [Тихонова, 2003; Бедность..., 1998; Богатые, 2004] и, что очень важно, возможностей инструментария исследования РМЭЗ за разные годы. В итоге было выделено 9 групп лишений, объединяющих 16 индикаторов¹⁴. В их число входили:

- *невозможность нормально питаться*
  - семья вообще не покупает мясо, мясные консервы и субпродукты;
  - семья вообще не покупает рыбу, рыбные консервы и субпродукты;
  - семья вообще не покупает фрукты или ягоды (в свежем/консервированном виде);

---

¹⁴ Часть показателей этих лишений имела характер многомерных индексов, которые были построены на основе нескольких переменных, а часть состояла лишь из 1 переменной. Однако в любом случае каждый показатель депривации выступал в итоге дихотомической переменной, где единица выступала сигналом о наличии признака у респондента, ноль – о его отсутствии.

- *невозможность приобрести новую одежду даже по мере изнашивания, крайне бедный набор товаров длительного пользования (ТДП) по месту проживания*
  - семья вообще не тратит деньги на покупку одежды и обуви даже детям, вообще не приобретает товары длительного пользования (мебель, бытовую технику, строительные материалы, недвижимость и пр.);
  - в семье отсутствует цветной телевизор, который при суженности форм досуговой активности бедных особенно важен для них и присутствует по данным РМЭЗ за 2011 г. в товарном наборе 98% российских домохозяйств, и в этом плане его отсутствие - очень яркий признак депривированности);
- *недоступность нормальных жилищных условий*
  - отсутствие собственного жилья;
  - необходимость делить жилье с чужими людьми, не являющимися членами домохозяйства;
  - наличие менее 12 кв. м общей площади на человека – порога, с которого доля оценивающих свои жилищные условия как плохие перестаёт превышать число тех, кто оценивает их как хорошие;
- *невозможность оплатить любые формы занятий для детей;*
  - семья вообще не затрачивает средства на содержание и оплату занятий детей в дошкольных учреждениях, школах, секциях, кружках, на оплату частных уроков, репетиторов и пр.
- *невозможность приобрести товары первой необходимости;*
- *недоступность приобретения необходимых медицинских услуг, лекарств и товаров;*
  - члены семьи не могут приобрести необходимые лекарства только по причине нехватки денежных средств;
  - члены семьи не могут оплатить необходимое лечение только по причине нехватки денежных средств;

- члены семьи не могут оплатить услуги стоматолога при условии отсутствия доступных бесплатных услуг только по причине нехватки денежных средств;
- *недоступность качественных рабочих мест*, т.е. работа на таких рабочих местах, где низкая зарплата сопровождается отсутствием предусмотренных законодательством РФ базовых социальных гарантий (оплаты отпуска, больничного, декрета и т.п.) или осознанным ущемлением в этих законных правах по решению работодателя (отправление в неоплачиваемый бессрочный отпуск, отказ работодателя оформлять работника по ТК РФ и пр.);
- *недоступность нормального социально-психологического самочувствия* в результате хронического доминирования достаточно тяжёлых для человека эмоций (чувства полного бесправия и беспомощности при ощущении невозможности как-то изменить ситуацию, а также ощущения положения своего домохозяйства, как находящегося в состоянии нищеты). Индикаторы социально-психологического самочувствия были включены нами в признаки депривации постольку, поскольку при характеристике бедности и ее признаков в случае использования открытых вопросов многие респонденты упоминают о том, что чувства безысходности, безнадежности и т.п. являются характерными особенностями образа жизни и положения бедных [Тихонова, 2003]. Связь такого рода чувств с действительно тяжёлыми лишениями, испытываемыми респондентами с одной стороны, и общим числом таких лишений – с другой, подтвердилась в нашем анализе и статистически;
- оценка своего положения по шкале «бедность-богатство» как нахождения в бедности;
- оценка своих возможностей по шкале «бесправие-большая власть» как нахождения в абсолютном бесправии.

Рассмотрим степень депривированности россиян по перечисленным лишениям (таблица 1.3).

Таблица 1.3

Депривированность россиян (доля испытывающих каждое из лишений), %

Претерпеваемые лишения	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1. Съемное жилье	7,8	8,8	8,6	7,8	6,9	8,7	9,3
2. Малая площадь на человека	23,4	24,1	23,2	22,7	21,6	23,1	23,0
3. Отсутствие цветного телевизора	6,5	5,2	3,4	2,5	2,6	1,9	1,8
4. Отсутствие фруктов, ягод в рационе	41,5	38,5	35,3	30,1	35,2	27,1	25,8
5. Отсутствие мяса в рационе	16,0	12,1	10,5	10,5	11,5	10,0	9,5
6. Отсутствие рыбы в рационе	54,8	51,6	51,2	49,8	50,5	51,2	51,6
7. Невозможность обновлять ТДП и одежду	29,0	25,4	26,2	25,0	28,5	25,6	24,9
8. Невозможность оплатить лечение	7,0	7,4	5,2	5,0	3,9	4,5	3,3
9. Невозможность приобрести лекарства	10,6	11,0	8,8	7,0	6,0	6,2	5,3
10. Невозможность оплатить услуги стоматолога	10,8	10,3	9,4	8,1	7,1	8,7	6,2
11. Ущемление прав на рабочем месте	1,4	1,7	1,2	1,2	1,6	1,4	1,3
12. Ощущение нищеты	14,9	14,3	15,0	12,2	13,0	11,8	12,6
13. Ощущение бесправия	23,6	23,8	22,5	19,5	19,9	19,0	20,8
14. Невозможность обеспечения себя предметами первой необходимости	34,4	33,4	30,8	31,6	27,4	27,2	24,9
15. Экономия на детском образовании и развитии	30,5	22,2	25,4	27,4	27,8	28,4	30,6
16. Необходимость делить жилище с чужими людьми	11,1	9,0	10,2	10,2	10,1	8,8	9,1

Как видно из таблицы 1.3, 15 из 16-ти лишений были свойственны по состоянию на 2011 год менее чем 40% представителей выборки, что позволяет использовать каждое из этих лишений в отдельности в качестве индикаторов неблагоприятного положения человека, а в совокупности (при их накоплении свыше определенного предела) – как индикаторы бедности. Лишь одно лишение (отсутствие рыбы и продуктов из рыбы в пищевом рационе) типично более чем для 50% выборки (впрочем, с учетом некоторого смещения выборки РМЭЗ «вниз», реально это лишение испытывают, видимо, все-таки менее половины россиян). Тем не менее, несмотря на его широкую распространенность, это лишение было использовано нами как индикатор депривации в силу нескольких причин:

- По рекомендациям Института питания РАМН рыба является обязательным для потребления продуктом питания, содержащим необходимые организму вещества, которые трудно или невозможно получить иным путем;

- Поскольку в последние два десятилетия стоимость рыбы по отношению к стоимости мяса и мясных субпродуктов выросла опережающими темпами, нами была выдвинута гипотеза, что в условиях ограниченности ресурсов большинство россиян предпочитает приобретать мясо или мясные субпродукты. В ходе анализа эта гипотеза была подтверждена, и было выявлено, что большинство небедного населения (более половины представителей данной группы) приобретает рыбу, в то время как 3/4 представителей хронической бедности вообще не приобретают ее (справочно: среди небедного населения мясных продуктов не приобретают около 6% группы, среди представителей хронической бедности - 1/4 группы).

Таким образом, отсутствие рыбы в пищевом рационе является достаточно значимым лишением. Высокая распространенность данного лишения обусловлена уже упоминавшимся выше общим смещением выборки РМЭЗ «вниз», в результате чего в ней в меньшей степени представлены те социальные слои, для которых потребление рыбы и продуктов из рыбы доступно и типично.

Как видим, лишения в заданном нами списке носят достаточно жёсткий характер, свидетельствующий в некоторых случаях даже о пребывании респондентов не просто в бедности, а о нищете (в том числе: недоступность получения любого животного белка, недоступность необходимых лекарств или одежды). Кроме того, приведенный список возможных лишений является, естественно, неполным и отражает только ту часть лишений, которую можно было установить на основе инструментария РМЭЗ.

Индекс Депривации (далее ИД) представлял собой сумму показателей по каждой из переменных, которая могла варьироваться от 0 до 16 баллов (то есть все возможные вариации от претерпевания 16-ти лишений одновременно до полного их отсутствия). Для определения относительной черты бедности в рамках депривационного подхода необходимо было установить какое количество лишений (т.е. какое числовое значение ИД от 0 до 16) сигнализирует об уровне

жизни, который не может считаться в рамках российского общества «приемлемым».

Опыт предыдущих исследований содержит три основных подхода к агрегированию отдельных лишений и построению индексов лишней [Бедность..., 1998]:

1. Лишения агрегированы в несколько групп, каждая группа имеет свой ранг;
2. Каждый признак лишения имеет свой ранг;
3. Все лишения имеют одинаковую значимость, важна только степень их концентрации.

Поиск пограничного значения СИД осуществлялся в рамках третьей методической традиции на статистических данных 2005, 2009 и 2011 годов.¹⁵

Остановимся на методике поиска этого показателя подробнее, так как этот процесс являлся принципиально значимым с учетом цели и задач исследования.

Поиск ответов на вопрос о границе, согласно которой респондентов безусловно можно было бы относить к бедным согласно депривационному подходу, осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе было построено распределение по переменной ИД, которое показало распространенность тех или иных совокупных баллов депривации среди всей выборки. Результат этой операции можно увидеть в таблице 1.4. Исходя из практики предыдущих исследований, проводимых в традиции депривационного подхода, пограничным числом, позволяющим определить масштабы глубокой бедности, является половина максимального совокупного балла депривации. По этой причине при прогнозировании методики анализа в соответствии с этим методом предполагалось брать за пограничное число сумму равную 8 баллам. Однако совокупность респондентов, претерпевающих 8 и более лишений, составила меньше одного процента, то есть

---

¹⁵ Выбор третьей методики был обусловлен положительным опытом Л.Н. Овчаровой и ее исследовательской группы [Бедность..., 1998], выделившей и проанализировавшей группы бедных в России с использованием данной методики, а также тем, что вопрос о рангах разных лишений является дискуссионным, поскольку в разных группах бедных приоритетность трат имеющихся средств и восприятия лишений различаются достаточно сильно [Тихонова, 2003].

характеризовала не бедность, а совершенно исключительную жизненную депривацию.

Таблица 1.4

Распространенность различных суммарных баллов показателя индекса депривации, % представленности в выборке

Суммарный балл уровня депривации	Процент представленности в выборке			Кумулятивный процент		
	2005	2009	2011	2005	2009	2011
0	2,4	3,4	8,2	2,4	3,4	8,2
1	10,3	12,4	19,6	12,7	15,8	27,7
2	17,9	20,8	24,9	30,6	36,6	52,7
3	20,0	22,2	20,5	50,5	58,8	73,1
4	17,7	18,3	14,3	68,3	77,1	87,4
5	13,5	11,5	7,0	81,8	88,6	94,5
6	8,6	6,1	3,3	90,3	94,8	97,7
7	4,9	3,2	1,4	95,2	97,9	99,1
8	2,8	1,3	0,6	98,0	99,2	99,7
9	1,1	0,5	0,2	99,1	99,7	99,9
10	0,6	0,2	0,1	99,7	99,9	100,0
11	0,2	0,0	0,0	99,9	100,0	100,0
12	0,1	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0
13	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0
14	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0
15	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0
16	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0

Если обратиться к графическому представлению распределения (рисунок 1.3), то можно увидеть, что оно очень сильно напоминает «нормальное распределение», где все значения, начиная с 9-10 баллов, являются абсолютно нетипичными случаями.

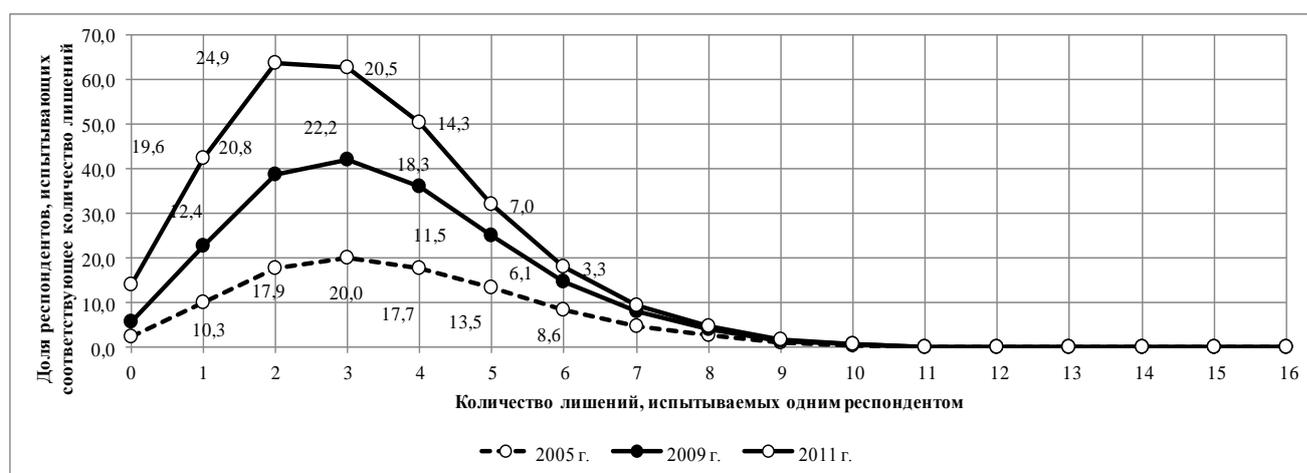

Рисунок 1.3. Процент представленности каждого из значений индекса депривации в выборке, %

Подавляющее большинство всей выборки (51% в 2011 г., 57% в 2009 г. и 53% в 2005 г.) во всех случаях охватывается совокупностью показателей суммарного балла ИД от 2 до 4, и это наиболее распространенные позиции, которые уже в силу этого не позволяют говорить о невозможности поддерживать общепринятый образ жизни на них. Таким образом, отклонением от существующей в российском обществе нормы депривированности можно считать лишь показатель в 5 баллов, который является медианой всей реально использовавшейся в исследовании шкалы (10 и более баллов во всех базах данных РМЭЗ набирало менее 1% опрошенных). Наиболее распространенным суммарным баллом лишения является число 3.

Следуя опыту предшествующих исследований в Ирландии [Callan, Nolan, 1993], и Великобритании [Mask, Lansley, 1985] для определения однородности выборки с точки зрения особенностей испытываемых лишений на втором шаге был проведен факторный анализ. Его результатом стало выделение шести латентных переменных¹⁶ в каждый год в период с 2005 по 2011 гг.¹⁷:

Таблица 1.5

Вклад показателей различных лишений в латентные переменные (факторы)

Лишения, образующие латентную переменную	Фактор
Невозможность оплатить лечение Невозможность приобрести лекарства Невозможность оплатить услуги стоматолога	Депривированность по доступу к медицинской помощи
Ощущение нищеты Ощущение бесправия Невозможность обеспечить себя первым необходимым	Самоощущение приниженности собственного положения в обществе
Отсутствие фруктов, ягод в рационе Отсутствие мяса в рационе Отсутствие рыбы в рационе	Депривированность по питанию
Ущемление прав на рабочем месте Отсутствие соц. пакета на рабочем месте	Социальная незащищенность на работе
Съемное жилье Отсутствие цветного телевизора Необходимость делить жилище с чужими людьми	Плохие жилищные условия
Малая площадь на человека Невозможность обновлять ТДП и одежду Экономия на детском образовании и развитии	Ограничения в текущем потреблении, связанные с удовлетворением базовых потребностей

¹⁶ Результат основан на изучении матрицы вращения, графика каменистой осыпи и таблицы главных компонент.

¹⁷ Таблицы вращения представлены в Приложении № 4.

Однако получение 6 латентных переменных еще не означает, что их вклад в пограничное значение ИД должен являться равным. Иными словами, мы не можем утверждать, что домохозяйство попадет в ряды бедных, если будет испытывать по одному лишению от каждого из выделенных факторов. Чтобы выделить пограничное значение ИД был проведен кластерный анализ методом k -средних.

Результатом кластерного анализа стало выделение двух больших групп населения. Первую из них сформировали кластеры с высоким уровнем депривированности (от 5 до 7 лишений, два из которых являются субъективными показателями, а остальные – очень жесткие лишения, сигнализирующие о глубокой бедности¹⁸), а вторую - кластеры слабо депривированных респондентов. Количество кластеров варьировалось, соответственно, в зависимости от выбранной величины k -средних, однако диаметрально противоположность «депривированных» и «успешных» групп прослеживалась при любом количестве кластеров. Исходя из этого было сделано предположение, что для того, чтобы определить домохозяйство как бедное, оно должно испытывать не менее 5 лишений.

Для проверки выбранного значения было изучено частотное распределение показателей лишений при значениях ИД в 4, 5 и 6 баллов. Назовем группы, выделенные при пограничном значении ИД в 4, 5, и 6 баллов, группами 1, 2, и 3, соответственно. Процентные показатели были получены путем построения таблиц кросстабуляции каждой из переменных с каждым из рассматриваемых показателей индекса ИД, на основе чего было выбрано итоговое пограничное значение ИД, которое было принято за пограничное в вопросе выделении бедных по депривационному подходу. Решение было принято с учетом того, что характер лишений внутри выделенных групп бедных существенно меняется при переходе от 4 к 5 баллам ИД за счет прироста по наиболее тяжелым лишениям. Более того, характерные признаки бедности начинают в этом случае встречаться в поло-

---

¹⁸ Отсутствие в рационе белковых продуктов и витаминов (фрукты, ягоды) даже для детей, невозможность обновлять товары длительного пользования и одежду, невозможность оплатить внешкольное образование детям.

вине и более группы. Так, например, в группе 2 свыше половины не могли обеспечить себя предметами первой необходимости, в то время как в группе 1 таких было менее половины. С другой стороны, именно при показателе ИД в 5 и более баллов в группах испытывающих такие лишения как невозможность оплатить лечение и лекарства, отсутствие цветного телевизора или наличие ощущения собственной нищеты бедных становится большинство. Группа 3, выделенная при показателе ИД в 6 баллов, демонстрирует все тенденции, характерные для группы 2, но в более жесткой форме, т.е. бедность ее членов глубже.

Таблица 1.6

Депривированность бедных слоев населения (доля испытывающих соответствующие виды лишений в рамках группы бедных, выделенных в соответствии с депривационной версией относительного подхода), %

Показатели лишений	Доля испытывающих лишения, % от группы бедных						Доля бедных, % от общего числа испытывающих лишения					
	2005			2009			2005			2009		
	ИД=6	ИД=5	ИД=4	ИД=6	ИД=5	ИД=4	ИД=6	ИД=5	ИД=4	ИД=6	ИД=5	ИД=4
1. Съемное жилье	17,5	17,1	15,8	18,8	16,2	14,4	22,0	40,3	71,1	16,5	30,6	62,2
2. Малая площадь на человека	41,2	36,8	35,0	41,0	37,9	33,7	20,9	35,0	61,1	13,7	27,1	51,9
3. Отсутствие цветного телевизора	24,1	17,8	13,4	11,9	8,3	5,7	48,0	66,3	89,6	35,3	52,8	86,1
4. Отсутствие фруктов, ягод в рационе	77,1	72,1	64,0	70,7	67,7	59,2	24,5	43,1	75,4	15,7	32,3	69,5
5. Отсутствие мяса в рационе	43,9	39,3	31,0	35,8	30,7	24,1	36,4	61,2	87,8	25,1	46,2	79,5
6. Отсутствие рыбы в рационе	79,9	74,6	72,7	78,6	77,2	72,8	18,5	33,2	63,0	11,6	24,4	55,9
7. Невозможность обновлять ТДП и одежду	53,6	50,1	43,9	52,5	48,0	42,1	25,8	45,2	80,7	15,4	30,2	70,6
8. Невозможность оплатить лечение	27,3	18,8	13,6	19,5	12,9	8,9	54,3	70,4	90,3	41,0	58,2	87,4
9. Невозможность приобрести лекарства	42,8	30,9	23,0	30,2	21,2	14,8	49,3	66,8	89,6	38,9	58,8	88,1
10. Невозможность оплатить услуги стоматолога	32,1	24,6	19,4	26,6	20,8	15,1	37,0	53,1	76,7	27,7	46,5	74,8
11. Ущемление прав на рабочем месте	5,0	4,0	3,2	7,8	5,1	3,7	41,3	62,0	91,6	39,0	54,5	87,0
12. Ощущение нищеты	48,7	37,1	28,0	56,1	41,8	29,7	46,3	66,2	91,6	34,5	55,2	86,7
13. Ощущение бесправия	56,9	48,4	39,8	59,2	47,3	37,5	32,6	52,0	82,7	23,4	40,2	76,0
14. Невозможность обеспечить себя предметами первой необходимости	68,7	60,4	53,1	69,2	58,3	48,5	28,6	44,0	75,2	19,3	34,9	68,5
15. Экономия на детском образовании и развитии	37,1	36,2	34,4	46,0	45,3	44,2	20,1	36,7	58,6	11,7	24,7	49,7
16. Необходимость делить жилище с чужими людьми	19,3	17,7	17,0	22,4	21,0	19,6	19,9	34,3	66,3	14,3	28,8	62,8

Итогом факторного и кластерного анализа с учетом представленных выше результатов распределений, стало выделение 5 баллов как пограничного значения ИД, отделяющего бедные слои населения от относительно более благополучных.

Так как в качестве основы исследования выступала панельная база данных РМЭЗ, то представилось возможным выделить не только две группы бедных, отличающихся методологией их выделения в соответствии с разными теоретическими подходами к пониманию бедности в каждый год из рассматриваемого периода, но также и групп, которые отличаются друг от друга длительностью пребывания в состоянии бедности. В каждой базе данных РМЭЗ присутствуют две переменные, по которым можно идентифицировать любое домохозяйство и респондента в любом году, в котором проводилось исследование (с тем единственным условием, что респондент был опрошен), что и было нами использовано. Для выделения групп, отличающихся длительностью пребывания в бедности, анализируемые базы данных РМЭЗ были объединены в одну «панельную» базу, включавшую только тех респондентов, кто попадал в выборку на протяжении всех 7-ми лет с 2005 по 2011 гг. Слияние производилось по уникальному номеру респондента и означало, что к каждому респонденту добавлялась его личная информация за различные годы опросов (т.е. новые переменные). На первом этапе к базе данных 2011 г. были добавлены переменные, определяющие принадлежность респондента к той или иной группе бедности за каждый год из рассматриваемого периода. Каждая из таких переменных являлась дихотомической, где вариант ответа «1» означал наличие признака, а «0» - его отсутствие. Таким образом, суммирование данных по переменным, позволявшим идентифицировать принадлежность к той или иной группе бедности, позволяло получить совокупный балл от 0 до 7, что подразумевало под собой суммарное количество лет, которое человек пребывал в бедности в рамках абсолютного или деприва-

ционного подходов. Так как всего были рассмотрены 2 формы бедности («по доходам» и «по лишениям») за 7 лет (с 2005 по 2011 гг.), то максимальное возможное количество групп, отличающихся по длительности пребывания в том или ином типе бедности, которое мы могли выделить, равнялось 49-ти. Столь большое количество групп неинформативно и с учетом численности этих групп непригодно для анализа, поэтому мы сократили количество групп с 49 до 5 (рисунок 1.4).

Группа бедности		Бедные "по лишениям"			
Бедные «по доходам»	Длительность пребывания в группе	0 лет	1 год	2-3 года	4 и более лет
	0 лет	Небедное население			
	1 год	Ситуационная бедность			
	2-3 года	Зона риска хронической бедности			
	4 и более лет	Хроническая бедность			

Рисунок 1.4 - Выделение групп бедности в зависимости от длительности пребывания в ней респондентов.

В первую группу были отнесены те респонденты, которые за весь рассматриваемый временной промежуток ни разу не были определены нами как бедные ни по одному из подходов к бедности. Данная группа была названа, соответственно, «небедным населением». Отдельно были выделены те респонденты, которые попадали в бедность только на один год вне зависимости от подхода к пониманию бедности. Они были названы нами «ситуационно бедными». Негативные последствия сравнительно недолгого пребывания в бедности могут быть достаточно быстро компенсированы и позволяют добиться достаточно благополучного положения в статусной иерархии общества, поэтому мы рассматривали эту группу отдельно от других групп бедных и оценивали ее как представитель сравнительно благополучного населения.

Следующая группа, названная нами «зона риска хронической бедности», объединяла тех, кто имел опыт пребывания в бедности хотя бы по

одному из подходов к ней не менее 2-х, но и не более 3-х лет. При этом это могли быть люди, как находившиеся в бедности 2-3 года подряд, так и имеющие опыт «плавающей» бедности.

Выделение как особой группы хронической бедности тех, кто находился в бедности хотя бы по одному из подходов 4 и более лет из 7 учитываемых при анализе, объяснялось двумя обстоятельствами. Во-первых, эти люди были бедны большую часть периода наблюдений, что позволяет рассматривать бедность как типичное и устойчивое для них состояние. А во-вторых, согласно предшествующим исследованиям [Тихонова, 2003], после четырех-пяти лет пребывания в бедности запускаются необратимые социальные процессы, которые как воронка затягивают людей во все более стабильную и беспросветную бедность. Здесь мы говорим об исчерпании ресурсов человека и изменении круга общения, образа жизни и т.п. Так, например, с каждым годом устаревают и изнашиваются товары длительного пользования, одежда, тратятся запасенные денежные средства, распродается ликвидное имущество и сокращается возможность воспользоваться ресурсами своих знакомых, в силу длительного пребывания в другой социальной среде изменяется культурный капитал и т.д. По этой причине всех респондентов, которые 4 и более лет пребывали в бедности (вне зависимости от того, в какой из групп бедных они находились), мы определили как группу «хронической бедности». Отдельно в ней была выделена группа «застойной бедности» - те, кто 4 и более лет пребывали одновременно и в бедности «по доходам», и в бедности «по лишениям».

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. Численность бедных и динамика бедности в России в 2005-2011 гг.

Рассмотрим данные о численности бедных в России, полученные в соответствии с абсолютным (бедность «по доходам») и депривационным (бедность «по лишениям») подходами¹⁹, а также статистику Федеральной службы государственной статистики (ФСГС РФ) (таблица 2.1)²⁰.

Таблица 2.1

Численность бедных в России, выделенных в соответствии с разными подходами к бедности, 2005-2011 гг., % от всего населения

Бедные, выделенные по различным подходам	Доля бедных						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Бедные по данным ФСГС РФ ²¹	17,7	15,2	13,3	13,4	13,0	12,6	12,7
Бедные «по доходам»	36,2	33,7	33,2	24,5	26,2	25,4	22,5
Бедные «по лишениям»	25,9	22,7	19,9	17,4	16,5	14,8	12,6
Зона пересечения двух групп ²²	13,6	11,5	10,1	7,3	7,2	6,1	4,8
Все бедные	48,5	44,9	42,9	34,6	35,6	34,0	30,3
<i>Справочно:</i>							
Бедные «по доходам» без учета зоны пересечения групп	22,6	22,2	23,1	17,2	19,0	19,3	17,7
Бедные «по лишениям» без учета зоны пересечения групп	12,3	11,2	9,8	10,1	9,3	8,7	7,8

При анализе приведенных в таблице 2.1 данных обращает на себя внимание тот факт, что динамика численности групп бедных, выделенных на основе абсолютного и депривационного подходов, показывает схожие тенденции: обе группы бедных к 2011 г. уменьшились. При этом доля бедных «по доходу» уменьшилась в 1,3 раза, что сходно с тенденцией, про-

¹⁹

²⁰ Здесь и далее будем использовать сокращения, указанные в скобках.

²¹ По данным с официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm). Показатель дохода респондента оценивается по методике ФСГС РФ на основе расширенного перечня источников доходов («Баланс денежных доходов и расходов населения»). Распределение среднедушевых доходов по стране корректируется на генеральную совокупность с учетом не вошедших в выборку высокодоходных групп населения. Данная корректировка производится по закону логнормального распределения. На основе полученного распределения без учета половозрастного состава домохозяйств производится сравнение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума в среднем на душу населения.

²² Объем выборочных совокупностей был достаточно велик, чтобы обеспечить достаточное количество респондентов в

слеживающейся по данным государственной статистики (по которым число бедных сократилось за рассматриваемый период в 1,4 раза). Что же касается доли бедных, выделенных на основе испытываемых лишений, то она сократилась еще больше – практически в 1,6 раз. Тем не менее, масштабы бедности в России таковы, что в 2011 г. почти треть населения страны согласно данным РМЭЗ попадала в ряды бедных хотя бы по одному из использованных подходов к бедности. Это заметно больше, чем официальные данные ФСГС РФ. Помимо разной концептуализации самого феномена бедности в этих подходах это может объясняться также либо некоторым смещением в наименее обеспеченные слои выборки РМЭЗ, либо занижением доли бедных в силу особенностей используемой ФСГС РФ методики их выделения, либо, что, на наш взгляд наиболее вероятно, совокупным действием всех этих факторов.

При этом важно подчеркнуть, что почти 80% бедных, выделенных по абсолютному подходу, и около 62% бедных, выделенных по депривационному подходу, в течение рассматриваемого временного промежутка оказывались непересекающимися подмножествами, а зона пересечений групп бедных, выделенных с их помощью, сократилась за период наблюдений вдвое. Это больше, чем сокращение числа бедных, выделенных в рамках каждого из них в отдельности, что означает, что *эти группы все больше расходятся между собой*²³. Это очень важный в методологическом отношении вывод, означающий, что *абсолютный подход и депривационный подход к бедности в современной России, во многом вследствие разной концептуализации в них самого феномена бедности, всё чаще описывают разных людей: в одном случае испытывающих недостаток денежных средств, но всё же поддерживающих общепринятый образ жизни, в другом случае тех, кто из-за недостаточности своих ресурсов не имеют*

---

²³ При этом следует отметить, что зона пересечения двух групп, несмотря на сокращение численности бедных, составляет почти 5% россиян, т.е. около 7 млн. человек относились в 2011 г. именно к ней

возможности поддерживать образ жизни, рассматриваемый как минимально приемлемый большинством членов данного общества, хотя их доходы формально выше прожиточного минимума.

Важно отметить, что большая часть представителей группы бедных «по лишениям» (за исключением зоны пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям») по оценкам государства бедными не являются, а значит - не имеют права претендовать на помощь с его стороны. Этот факт ставит вопрос о том, какая же из этих групп более типична для российской бедности? Для того чтобы ответить на него, следует детально рассмотреть специфику человеческого, культурного, социального капиталов представителей этих групп, их уровня жизни, социально-демографические характеристики и особенности экономического поведения²⁴. Это позволит получить представление о том, являются ли выделенные группы реальными группами российского общества и можно ли с равным основанием и ту, и другую из них считать бедными.

2.2 Социально-демографическая специфика групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям»

Первое, с чего следует начать – это с особенностей уровня жизни членов выделенных групп, в частности распространённости в них различных лишений (таблица 2.2).

Как видно из таблицы 2.2, существуют несколько лишений, относительно широко (около 20%) распространенных среди всех россиян – это 1) проживание в малых по площади жилых помещениях, 2) невозможность обновлять ТДП и одежду по мере изнашивания, 3) невозможность обеспечить себя предметами первой необходимости и 4) экономия на детском образовании и развитии. Кроме того, почти половина даже благополучно-

---

²⁴ Размер полученных групп бедности «по доходам» и бедности «по лишениям» был достаточен для статистического анализа. Так, на конец рассматриваемого периода (2011 г.) группа бедных «по доходам» составила 3654 чел, группа бедных «по лишениям» - 2039 чел.

го населения страны характеризуется отсутствием в их рационе рыбы и продуктов из рыбы (консервов и субпродуктов).

Таблица 2.2

Распространенность лишений, испытываемых различными группами населения, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Испытываемые лишения	Бедные «по доходам»		Бедные «по лишениям»		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
1. Съемное жилье	9,3	13,5	12,9	18,9	13,9	22,3	5,8	7,1
2. Малая площадь на человека	32,5	31,7	33,9	40,7	40,0	50,7	16,2	18,9
3. Отсутствие цветного телевизора	10,2	2,6	17,6	6,5	21,7	8,5	2,3	1,1
4. Отсутствие фруктов, ягод в рационе	52,5	33,6	72,6	55,9	77,7	60,6	27,6	20,2
5. Отсутствие мяса в рационе	24,4	14,8	39,4	27,5	44,7	32,7	5,8	6,1
6. Отсутствие рыбы в рационе	60,2	55,8	74,8	79,3	75,1	80,3	46,3	47,2
7. Невозможность обновлять ТДП и одежду	30,7	26,2	52,7	48,3	49,7	44,9	21,3	21,7
8. Невозможность оплатить лечение	8,7	3,7	18,5	14,3	18,1	13,3	3,0	1,9
9. Невозможность приобрести лекарства	13,7	7,2	9,1	22,1	29,9	22,1	4,3	2,8
10. Невозможность оплатить услуги стоматолога	12,0	7,1	24,1	20,7	23,2	19,7	6,6	4,2
11. Ущемление прав на рабочем месте	1,8	1,4	3,7	3,6	3,5	3,9	0,6	1,1
12. Ощущение нищеты	17,5	15,9	39,0	51,0	36,5	49,2	6,7	7,1
13. Ощущение бесправия	22,9	20,8	48,8	58,9	42,6	53,0	16,3	16,2
14. Невозможность обеспечения предметами первой необходимости	39,7	28,6	62,7	61,9	63,3	61,4	24,1	19,6
15. Экономия на детском образовании и развитии	45,2	49,2	45	45,2	56,1	58,6	19,7	23,8
16. Необходимость делить жилище с чужими людьми	13	11,8	16,6	18	15,8	18,1	8,4	7,2

Каждое из приведенных выше лишений в отдельности может испытывать и вполне благополучное домохозяйство, но в ситуации, когда лишений становится достаточно много, речь идет уже, как правило, не о добровольном выборе образа жизни или вкусовых предпочтениях (вегетарианство, отказ от телевизора в пользу компьютера и пр.), а о вынужденной многомерной депривации. Так, например, отсутствие рыбы в рационе может свидетельствовать о вкусовых предпочтениях, но в ситуации, когда в рационе также отсутствуют еще и мясные продукты, фрукты и ягоды, мы можем говорить о невозможности для человека иметь сколько-нибудь приемлемое с точки зрения состояния здоровья питание.

Бедные «по лишениям» испытывают, как отмечалось выше, не менее 5 видов лишений. В массе своей (от 50 до 80 %) они совсем не могут позволить себе приобретать рыбу и рыбопродукты, товары первой необходимости, фрукты или ягоды, одежду и товары длительного пользования.

Так же массово они ощущают чувства полного бесправия и беспомощности при одновременном ощущении невозможности как-то изменить ситуацию и оценивают положение своего домохозяйства, как находящегося в состоянии нищеты. Достаточно широко распространена среди них и депривация в области медицинской помощи (около половины группы отметили недоступность для них тех или иных её видов), а также депривация в сфере жилищных условий. В меньшей степени, но также широко (около 40% группы) представлен в этой группе отказ от вложения средств в любые формы дополнительного развития детей. Свыше четверти группы в принципе не могут себе позволить покупать мясо и мясопродукты, включая колбасные изделия. При этом за период 2005-2011 гг. в данной группе заметно выросла распространённость таких лишений как отсутствие нормальных жилищных условий, невозможность оплачивать дополнительные занятия для детей, приобретать отдельные продукты питания, иметь нормальное социально-психологическое состояние, т.е. *лишения начинают как бы «стягиваться» друг к другу, концентрируясь всё больше у одних и тех же людей. Учитывая все это, понятно, что данная группа характеризуется достаточно тяжёлой многомерной депривацией и ее положение скорее ухудшается, чем улучшается.*

Что же касается бедных «по доходам», то медианными для них выступают 3 вида лишений, т.е. применительно к ним также можно говорить о депривации, однако не столь разносторонней, как у бедных «по лишениям». Достаточно широко (т.е. не менее чем у половины группы) распространены среди них только 2 вида лишений – невозможность покупать рыбу и рыбопродукты и невозможность оплачивать дополнительные занятия для детей. С большим отрывом по распространённости, но все же достаточно массово (от пятой части до трети группы), их характеризуют также плохие жилищные условия, невозможность приобретать фрукты, обновлять ТДП и одежду, обеспечивать себя предметами первой необхо-

димости. Остальные виды депривации, включая недоступность необходимой медицинской помощи, набирают в данной группе не более 10%. Что именно в условиях ограниченности текущих доходов предпочитают при этом покупать члены данной группы, а в чём они себе отказывают обуславливается, естественно, их индивидуальной семейной ситуацией и личными предпочтениями.

Единственным видом депривации, распространённость которого среди бедных «по доходам», имеющих несовершеннолетних детей, за рассматриваемый период возросла, является невозможность оплачивать детям кружки, секции и т.д. (с 39% в 2005 г. до 47% в 2011 г.). Это в значительной степени является отражением все большей концентрации данной группы в сельской местности, где традиция инвестирования в детей относительно менее укоренена и, соответственно, именно по этой статье в первую очередь и идет экономия.

Как видим, несмотря на низкие доходы, объективно бедные «по доходам» находятся в тяжелом, но все же не столь тяжелом положении, как бедные «по лишениям».

Зона пересечения групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» демонстрирует еще более тяжелую ситуацию, чем бедные «по лишениям» в целом. В ней не менее 7 лишений свойственны более, чем половине группы. Их питание очень скудно: кроме того, что каждый третий представитель данной группы вообще не имеет мяса в своем рационе, 80% группы не потребляют продуктов из рыбы, приблизительно 60% - фруктов и ягод, почти у 60% группы дети не участвуют ни в каких формах внешкольного образования, существенно чаще ущемлены члены этой группы и в условиях проживания, а также в возможности поддерживать свое здоровье. Иными словами, положение представителей зоны пересечения бедности «по доходам» и бедности «по лишениям» - очень тяжелое.

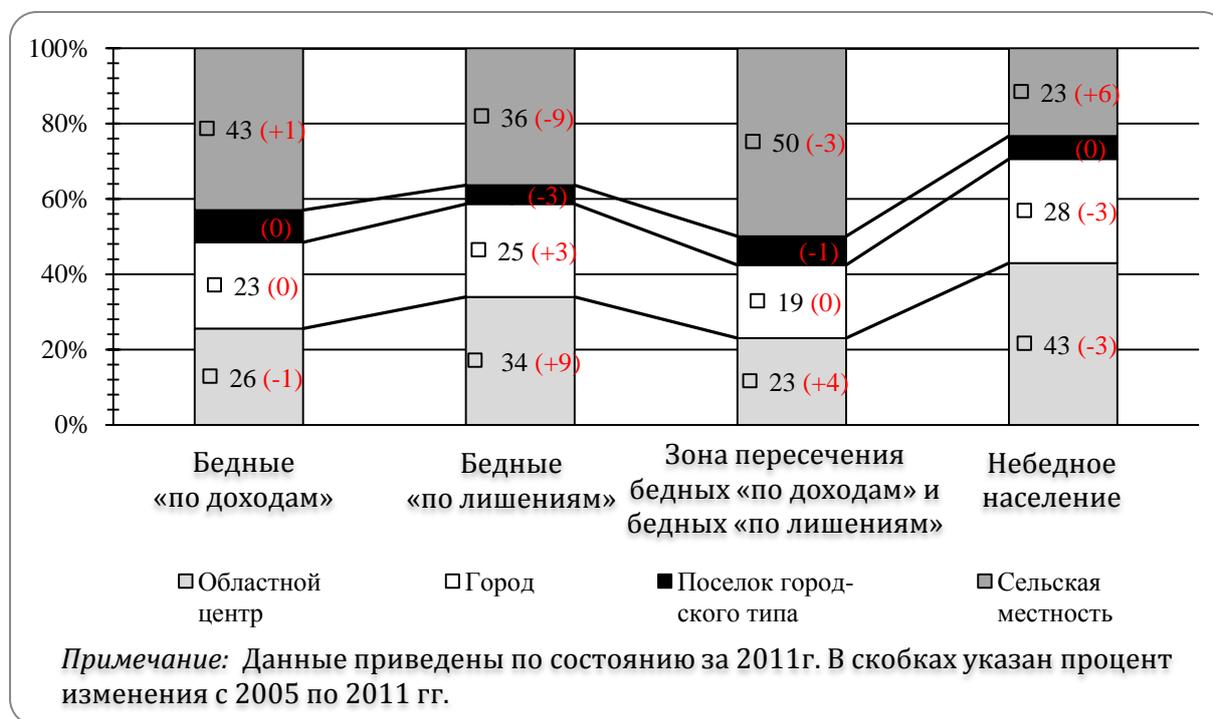
Рассмотрим теперь *социально-демографические* характеристики этих групп.

Как показало исследование, для различных групп населения характерны *домохозяйства разных размеров*. Домохозяйства бедных «по доходу» заметно крупнее – в среднем в 2011 г. их численность составляла 4,1 человека, в то время как среди бедных «лишениям» она достигала лишь 3,6 человек, а среди небедного населения – 3,3 человека (медиана составляла, соответственно, 4 человека у бедных «по доходам» и 3 – у всех остальных). Модальные же значения совпадают у бедных «по доходам» и зоны пересечения двух рассматриваемых групп бедных, в то время как у бедных «по лишениям», напротив, наиболее часто встречаемые домохозяйства маленькие (из двух человек). Относительно *бóльший размер домохозяйств* – устойчивая особенность бедных «по доходам», не изменившаяся за период наблюдений. Отчасти это связано, видимо, с техническими аспектами анализа – при выделении бедных в рамках абсолютного подхода нами, как и Росстатом, не использовались коэффициенты эквивалентности, позволяющие учесть экономию на расходах, возникающую в больших домохозяйствах. И в этой связи нельзя не согласиться с мнением одного из ведущих специалистов в этой области Л.Н. Овчаровой [Овчарова, 2011], что в процессе выделения бедных «при оценке доходов целесообразно перейти к использованию шкал приведения душевых доходов домохозяйств разного размера и социально-демографического состава к сопоставимому виду»²⁵. Однако безотносительно к причинам этого можно констатировать, что *бедные «по доходам» и из «зоны пересечения» чаще оказываются выходцами из больших домохозяйств, а бедные «по лишениям» чаще являются представителями малых домохозяйств из двух человек.*

---

²⁵ Стоит отметить, что с 2013 г. методика Росстата стала рекомендательно учитывать размеры домохозяйств.

Не менее интересны различия двух групп бедных с точки зрения их распределения по типам поселений (рисунок 2.1).

Рисунок 2.1 – Доля и динамика бедных в городе и на селе, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп.

На рисунке 2.1 видно, что небедная часть населения локализуется преимущественно в городах. В то же время бедные «по доходам» более чем в половине случаев проживают в сельской местности, включая поселки городского типа. Бедных же, выделенных по испытываемым лишениям, с течением времени все чаще можно встретить в городской местности (к 2011г. в городах проживало почти 60% группы), прежде всего в центрах субъектов РФ (34,0%). Причем с 2005 г. произошел существенный рост (на 12%) доли жителей городской местности в составе этой группы (при этом на 9% выросло число бедных, проживающих в областных центрах). Видимо, стоимость жизни в разных типах поселений все больше дифференцируется, а в крупных российских городах увеличивается такими темпами, что размер доходов их жителей все в меньшей степени позволяет им удовлетворять свои базовые потребности. При этом в рамках статистики, а,

следовательно и социальной политики, показатели прожиточного минимума привязываются к регионам, а не к типам поселений. В итоге *бедные «по лишениям» и бедные «по доходам» (существенная часть которых попадает в эту группу из-за того, что показатель ПМ не дифференцируется по типам поселений) все дальше расходятся между собой, и все большая часть действительно нуждающегося населения рассматривается как не имеющая права на помощь со стороны государства.*

Среди других особенностей двух выделенных групп бедных стоит рассмотреть также специфику их семейного положения (таблица 2.3).

Таблица 2.3

Особенности брачности в различных группах бедных, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Статус брачности	Бедные «по доходам»		Бедные «по лишениям»		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
Никогда в браке не состояли	28,4	25,4	20,6	20,3	24,6	23,8	20,7	19,0
Состоят в зарегистрированном браке	43,2	46,1	41,6	44,1	39,4	42,0	52,2	51,2
Живут в незарегистрированном браке	9,8	12,8	10,3	12,0	12,3	15,7	6,5	9,3
Разведены и в браке не состоят	8,6	7,9	10,0	9,6	10,3	10,2	7,4	7,5
Вдовец / вдова	10,1	7,9	17,6	14,1	13,4	8,2	13,3	12,9

Для всего населения страны, в т.ч. и для бедных, наиболее характерным семейным положением является пребывание в официально зарегистрированном браке. Однако среди бедных доля такого рода домохозяйств составляет менее половины, а среди благополучного населения – более половины. Наименьшего значения этот показатель достигает в зоне пересечения двух групп бедных. Кроме того, среди бедных выше доля незарегистрированных браков, причем в «зоне пересечения» этот показатель максимален и достигает практически 16% группы, что более чем в полтора раза выше, чем среди небедного населения. Можно даже сказать, что незарегистрированные браки становятся характеристикой этой группы бедных. В числе других наиболее значимых особенностей брачности бедных можно выделить уменьшение за 2005–2011 гг. доли разведенных и вдовых во

всех рассматриваемых группах бедных, т.е. все реже к бедности приводит утрата второго (или основного) кормильца.

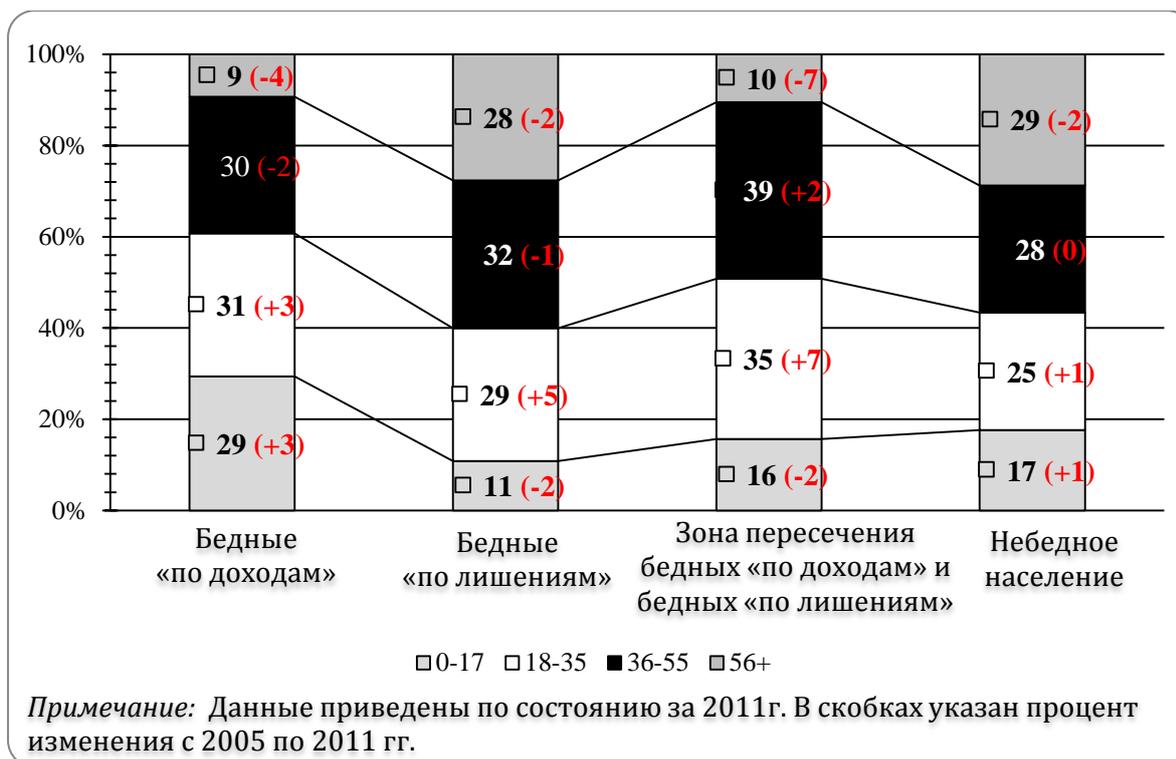
Отличаются рассматриваемые группы бедных и представленностью в них женщин (таблица 2.4). «Женское лицо» бедности проявляется только в группе бедных «по лишениям», впрочем гендерная специфика в ней выражена не очень сильно.

Таблица 2.4

Доля женщин в различных группах бедных, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Год	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Зона пересечения двух групп	Небедное население
2005	54,0	61,3	55,6	56,4
2011	53,4	60,7	54,7	56,3

Анализ возрастного распределения различных групп бедных (рисунок 2.2) показывает, что в домохозяйствах бедных «по доходам», чаще можно встретить представителей молодежи (почти треть группы – несовершеннолетние дети, еще практически столько же – молодежь от 18 до 35 лет), а среди бедных «по лишениям» - лиц предпенсионного и пенсионного возрастов (более четверти группы, в то время, как среди бедных «по доходам» - около 10% группы). Небедное население более пропорционально распределяется по разным возрастным группам: в нем присутствует и молодежь и пенсионеры. Интересно отметить тот факт, что в «ядре» бедности существенно меньше как тех, кто старше 55 лет, так и несовершеннолетних детей, то есть данная группа состоит в основном из людей трудоспособных возрастов.

Рисунок 2.2 - Возрастное распределение представителей различных групп общества, 2011 г., % от соответствующих групп.²⁶

Несмотря на высокую долю пенсионеров в группе бедных «по лишениям», нельзя делать вывод о том, что бедность сегодня – это удел пенсионеров. Так, в 2011 г. 80% всех пенсионеров не попадали в ряды бедных, причем за рассматриваемый временной промежуток доля бедных пенсионеров существенно сократилась - в 2005 г. 60% пенсионеров не попадали в бедность согласно используемым методикам. *Этот факт опровергает широко распространенное суждение о том, что статус пенсионера относится к числу основных факторов бедности, а также демонстрирует положительные результаты государственной политики в отношении данной категории граждан, в частности в области повышения размеров пенсионных выплат.*

Среди существенных изменений возрастного состава групп за рассматриваемые 7 лет можно отметить все большую концентрацию «зоны пересечения» в трудоспособных возрастах, а также увеличение доли несовершеннолетних детей в бедности «по доходам» (на 3%, при том, что сре-

²⁶ В скобках указаны изменения показателей за период с 2005 по 2011 гг.

ди бедных «по лишениям» она, напротив, сократилась на 2%), и уменьшение в ней доли представителей возрастных групп старше 35 лет. О «детском лице» российской бедности говорят и другие исследователи [Бурдяк, 2007; Осколкова, 2012; Овчарова, 2008; 2009, Ovcharova, 2007]. Столь сильные различия в доле лиц несовершеннолетнего возраста сказывается на среднем возрасте представителей группы: бедные «по доходам» существенно моложе других групп общества (средний возраст в рассматриваемой группе составил 29,6 лет, в то время как среди бедных «по лишениям» и небедного населения - больше 40 лет). Как видим, в обеих группах бедных, за исключением их зоны пересечения, существенную долю составляют достаточно уязвимые группы, которые могут становиться источником иждивенческой нагрузки – пенсионеры и дети, хотя для каждой из групп бедных характерен свой тип иждивенческой нагрузки.

В этой связи надо сказать, что само по себе наличие неработающих членов семьи является сегодня в российских домохозяйствах нормой. Однако степень иждивенческой нагрузки в различных группах при этом различается. Так, в бедности «по доходам» иждивенцами выступают обычно несовершеннолетние дети и неработающие трудоспособного возраста, не имеющие на то видимых причин (в группе очень мало инвалидов трудоспособного возраста). Если убрать из рассмотрения пенсионеров, так как с формальной точки зрения их трудно считать иждивенцами в силу наличия у них собственного дохода в виде пенсий, то мы увидим, что показатель иждивенческой нагрузки в группе бедных «по доходу» самый высокий среди всех рассматриваемых групп (на 1 работающего трудоспособного приходится 1,6 незанятых). Особенно хочется обратить внимание на лиц трудоспособного возраста, не имеющих собственного заработка, т.е. – «классических» иждивенцев (таблица 2.5). Среди бедных «по доходам» их доля в полтора раза больше, чем среди бедных «по лишениям» (55% и 34% соответственно), более того, эти различия заметно усилились за период 2005-2011 гг. (в группе бедных «по доходам» повысилась на 6%, а в груп-

пе бедных «по лишениям» - сократилась на 4%). Это демонстрирует усиливающуюся разницу в поведенческих моделях этих двух групп бедных.

Таблица 2.5

Динамика причин незанятости бедных из различных групп, 2005-2011 гг., % от незанятых в них

Группы незанятых	Бедные «по доходам»		Бедные «по лишениям»	
	2005	2011	2005	2011
Пенсионеры	33,5	26,6	53,3	52,1
Инвалиды	4,1	3,6	3,4	5,5
Находящиеся в декретном отпуск / отпуске по уходу за ребенком	2,9	6,8	1,2	4,1
Студенты вузов и средне специальных учебных заведений	11,0	8,2	4,7	4,6
Незанятые по иным причинам	48,5	54,8	37,4	33,7

Особенность зоны пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» заключается в том, что, как и в группе бедных «по доходу», иждивенческая нагрузка здесь достаточно велика (1,3 незанятых на 1 работающего трудоспособного), а практика осознанного отказа от работы выражена еще ярче – почти 2/3 иждивенцев «зоны пересечения» - это здоровые люди трудоспособного возраста. Причем, если в случае с бедными «по доходу» высокие показатели незанятости трудоспособных можно хоть как-то объяснить большой долей детей в их составе, то в случае с зоной пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», где детей относительно мало, об этом говорить не приходится.

Очень сильно от двух рассмотренных групп отличается в этом отношении группа бедных «по лишениям», где иждивенческая нагрузка практически в 1,5-2 раза ниже (0,9 незанятых на 1 работающего трудоспособного), причем большинство незанятых в данном случае составляют пенсионеры. Если же из группы бедных «по лишениям» убрать зону ее пересечения с бедными «по доходам», то иждивенческая нагрузка (без учета пенсионеров) здесь сократится до 0,6 незанятых на 1 работающего трудоспособного, что совпадает с показателем по небедному населению. Это еще раз подчеркивает особый характер данной группы (большая и расту-

щая экономическая активность лиц трудоспособных возрастов по сравнению с другими группами бедных, высокая доля лиц старших возрастов, низкие показатели немотивированной незанятости).

Иждивенческая нагрузка и нехватка текущих доходов могут быть связаны с плохим здоровьем кого-то из членов семьи и необходимостью ухода за ним, мешающим полноценной занятости, поэтому коротко остановимся и на вопросе здоровья представителей различных групп бедных (таблица 2.6).

Таблица 2.6

**Субъективная оценка своего здоровья у представителей разных групп
русского общества в 2011 г., % от соответствующих групп²⁷**

Характеристики здоровья	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Зона пересечения двух групп	Небедное население
Самооценка здоровья как плохого	5,9	23,7	13,6	12,9
Присвоена / оформляется группа по инвалидности	3,4	14,7	5,0	9,7
Среди всех лиц, имеющих инвалидность, имеют:				
I группу инвалидности	13,8	11,4	10,3	11,9
II группу инвалидности	49,4	56,8	46,2	59,5
III группу инвалидности	36,8	31,9	43,6	28,6

Как видно из таблицы 2.6, *состояние здоровья бедных «по лишениям» - самое плохое среди всего населения*: среди них каждый пятый оценивает свое здоровье как «плохое» или «очень плохое». Кроме того, представители этой группы чаще бедных «по доходам» обладают той или иной группой инвалидности. Учитывая, что $\frac{3}{4}$ имеющих инвалидность – это пенсионеры, а среди бедных «по лишениям» доля пенсионеров заметно выше, чем в других группах, такая картина не удивительна, однако помогает понять, что на попадание в число бедных «по лишениям» плохое здоровье влияет зачастую и прямо (через дополнительные расходы), и кос-

²⁷ В первых двух строках за 100% принимается общее количество членов каждой из групп.

венно (через ограничения эффективной занятости при формально высоких показателях занятости вообще).

Особенно плачевно положение пожилого населения крупных городов, где расходы на медицинские услуги и лекарства в бюджете лиц с плохим здоровьем наиболее велики – в силу большей доступности диагностики и более укоренившейся традиции следить за своим здоровьем. Особенно важно это обстоятельство для членов небольших (1-2 человека) домохозяйств, которые при формальном благополучии доходов в итоге испытывают в городах более глубокие и многочисленные лишения, чем проживающие в сельской местности представители многопоколенных домохозяйств с низкими доходами.

Доля обладающих инвалидностью в «зоне пересечения» ниже среднего значения по выборке. И хотя такая ситуация отчасти объясняется тем, что практика оформления инвалидности по различным причинам в ней не укоренена (сложность получения инвалидности для проживающих в сельской местности, где относительно чаще проживают представители этой группы, их функциональная неграмотность и т.д.), тем не менее понятно, что те негативные тенденции с занятостью у ее членов, о которых шла речь выше, объясняются прежде всего отнюдь не проблемами со здоровьем, ведь их самооценки своего здоровья практически совпадают с показателями по небедному населению.

Это еще одно свидетельство того, что различные группы бедных кардинально отличаются друг от друга по упомянутым особенностям образа жизни. *Группе бедных «по лишениям» все чаще свойственна активная экономическая позиция, что в совокупности с малой долей детей в ее составе приводит к существенно меньшей иждивенческой нагрузке. Однако это не способно вывести ее членов в силу упомянутых выше факторов (стоимость жизни по месту проживания, плохое здоровье и т.д.) из состояния депривации. Среди бедных «по доходу» иждивенческая нагрузка*

во многом обусловлена высокой долей детей в их составе (практически треть группы), что может влиять на добровольный отказ от работы в целях ухода за детьми и приводить к дополнительному росту иждивенческой нагрузки. В «зоне пересечения» мы видим ускоряющийся процесс люмпенизации. И хотя, в отличие от других групп, здесь за 2005–2011 гг. количество пенсионеров и детей сократилось, трудоспособные ее члены все чаще не работают. Подобная ситуация означает, что представителям этой группы приходится все чаще существовать не на заработанные деньги, а на какие-то иные средства, поступающие извне, например государственные трансферты или помощь близких людей.

В этой связи стоит отметить, что в рамках социальной политики со стороны государства в России бедным предоставляется широкий спектр субсидий, пенсий и иных трансфертов, позволяющих поддержать малоимущие слои населения. Роль этих выплат в преодолении рисков бедности, учитывая значимость соответствующей проблемы, изучена достаточно хорошо [Обзор социальной политики... 2007; Сидорова, 2004; Сурков, 2008; Корчагина, Прокофьева, 2008]. Формы социальной помощи малоимущему населению предусмотрены Федеральным законом «О государственной социальной помощи»²⁸. Они включают в себя: социальные пособия (предоставление нецелевых денежных средств на безвозмездной основе), субсидии (целевая полная или частичная оплата социальных услуг, предоставляемых гражданам), набор бесплатных или льготных социальных услуг (предоставляемый определенным категориям граждан), социальные доплаты к пенсиям, социальные контракты (соглашение между органом социальной защиты и гражданином, по которому первый обязуется оказывать социальную помощь, а второй – реализовывать мероприятия, предусмотренные программами социальной адаптации) и т.д. Правом на

---

²⁸ Последняя редакция закона от 25.12.2012 (№ 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139848>).

получение государственной социальной помощи обладают малоимущие домохозяйства, которые по *независящим от них причинам* имеют среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Социальное пособие и социальный контракт являются базовыми средствами поддержки населения в рамках борьбы непосредственно с бедностью. Однако пребывание за чертой бедности позволяет получить доступ и к иным видам помощи со стороны государства (целевые формы помощи детям, пенсионерам и пр.). В большинстве случаев размеры государственных субсидий, доплат, дотаций и прочих выплат и льгот определяются на уровне субъектов Российской Федерации. Так, например, отдельной сферой социальной политики является помощь детям из бедных семей²⁹, которая сильно различается по регионам. В Москве, например, она включает не только ежемесячное пособие на ребенка, но и компенсацию части платы за обучение детей в платных общеобразовательных учреждениях, льготный проезд в транспорте, бесплатное двухразовое питание, обеспечение учебниками, бесплатное посещение музеев, выставочных залов, зоопарков и т.п., находящихся в ведении субъекта Российской Федерации, бесплатное питание и одежду для младенцев и т.д. Пенсионеры, чей среднедушевой доход с учетом всех льгот и пособий оказывается ниже величины прожиточного минимума, также обладают правом на социальные доплаты к пенсии и разного рода натуральную помощь и льготы.

Таким образом, в России сегодня существует широкий спектр видов государственной помощи малоимущим. Насколько же способна эта помощь улучшить положение бедных? Какова роль государственных трансфертов в совокупных доходах их домохозяйств (таблица 2.7)?

---

²⁹ На примере программ социальной защиты малоимущих в г. Москве. См.: Денежные выплаты, льготы малообеспеченным семьям Москвы. 22.10.2011 // http://www.kszn.ru/socviplat/p2_articleid/4458.

Таблица 2.7

Вклад различных источников в совокупный доход домохозяйств из различных групп в 2011 г.³⁰, % от соответствующих групп

Источники доходов	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Зона пересечения двух групп	Небедное население
Заработная плата	57,9	57,0	60,9	67,9
Пенсии	21,5	23,0	21,4	17,3
Доходы от продажи и сдачи в аренду имущества	1,5	3,2	0,4	4,0
Помощь родственников	4,3	3,8	4,0	3,5
Помощь иных частных лиц и организаций	0,8	0,3	0,8	0,7
Продажа результатов сельскохозяйственной деятельности	3,6	8,6	2,5	2,9
Пособия на детей	5,6	1,0	5,0	0,9
Социальные выплаты от государства	0,6	0,4	0,3	0,5
Субсидии на оплату жилья и оплату топлива	0,8	0,4	0,8	0,2
Стипендии	0,6	0,4	0,5	0,2
Пособия по безработице	0,8	0,4	1,4	0,1
Проценты по вкладам, дивиденды и т.п.	0,0	0,0	0,0	0,1
Прочее	2,0	1,6	1,8	1,9

Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных таблицы 2.7, это то, что социальные выплаты от государства в равной степени распространены среди разных групп населения. Во-вторых, для всех них эти выплаты в среднем составляют статистически незначимую величину. Наконец, в-третьих, хотя помощь родственников играет в бюджетах бедных домохозяйств гораздо большую роль, чем помощь государства, она также мало различается по анализируемым группам.

Пожалуй, единственный из всех видов помощи, где прослеживается заметная дифференциация между группами – это субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг. Вклад их в бюджет домохозяйств в зоне пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» (0,8%) в четыре раза больше, чем у небедного населения (0,2%). Однако роль этого источника доходов в целом все же очень мала и не отменяет главного вывода – помощь бедным со стороны государства не играет в их жизни той роли, которую она призвана играть. Кроме того, адресности этой помощи по-

³⁰ В таблице представлены средние значения каждого показателя в бюджетах домохозяйств из соответствующих групп, в результате чего сумма по столбцу не равняется 100%.

прежнему не соблюдается. Более того, масштабы этой помощи в разы меньше, чем помощь бедным со стороны их родственников, которая, впрочем, и в бюджетах домохозяйств из состава небедного населения составляет примерно такую же долю, как и в бедных семьях. Наконец, стоит отдельно подчеркнуть, что в России практически отсутствует помощь бедным со стороны благотворительных организаций – по крайней мере, в масштабах страны она практически не ощущается.

При этом в отличие от государства, помогающего бедным «по доходам», т.е. по сути дела, прежде всего жителям сельской местности с низкими доходами из больших домохозяйств и люмпенизирующемуся населению, само население относительно чаще склонно помогать людям, пусть даже обладающим доходами выше прожиточного минимума, но испытывающим серьезные лишения, которые сами делают для улучшения своего положения все, что могут (не случайно среди них минимальная иждивенческая нагрузка и высокие показатели экономической активности, хотя здоровье членов этой группы в среднем хуже, чем у остальных бедных), но это не помогает им выйти из депривации, т.е. бедным «по лишениям».

Подводя итоги всем рассмотренным нерыночным характеристикам групп бедных, приведем краткий портрет выделенных групп (таблица 2.8):

Таблица 2.8

Сравнительная таблица основных характеристик групп бедных, выделенных в соответствии с различными подходами к бедности

Характеристики	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Зона пересечения двух групп	Справочно: Небедное население
Использованные при выделении групп бедных характеристики				
Среднедушевые доходы	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума
Претерпеваемые лишения в реализации базовых потребностей	Испытывают мало лишений	Испытывают много лишений	Испытывают много лишений	Испытывают мало лишений
Выделенные при анализе особенности групп				
Тип поселения	В равной мере села и города , доля жителей сельской местности растет.	Города	Села	Города
Размер домохозяйства (модальное значение)	4 человека	2 человека	4 человека	3 человека
Возрастная структура	Уклон в молодые возраста	Уклон в предпенсионные - пенсионные возраста	Уклон в средние возрастные когорты	Все возрастные когорты в равной степени
Тип брачности	Типичен зарегистрированный брак	Типичен зарегистрированный брак	Типичен зарегистрированный брак, но максимальна доля незарегистрированных браков	Типичен зарегистрированный брак и максимальна доля зарегистрированных браков

Все вышесказанное позволяет утверждать, что бедность в современной России очень гетерогенна. Нет ни одного фактора риска бедности, который являлся бы однозначным индикатором бедности или предопределял бы попадание в нее, однако, в зависимости от самого понимания сути феномена бедности, можно выделить некие наборы наиболее значимых характеристик, не связанных с рынком труда, которые заметно отличаются в двух анализируемых группах бедных. Так, для пребывания в бедности «по доходам», это проживание в сельской местности в большом домохозяйстве с высокой иждивенческой нагрузкой, прежде всего детьми. Для попадания в число бедных «по лишениям» – это жизнь в крупном городе в малых домохозяйствах с повышенной долей лиц с плохим здоровьем, что не

позволяет им в условиях жестко сегментированного городского рынка труда, несмотря на их экономическую активность, претендовать на эффективную занятость. Наконец, зона пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» характеризуется тенденциями люмпенизации (снижение экономической активности, большая доля неработающих трудоспособных, опережающий рост доли незарегистрированных браков и пр.), что и приводит к пребыванию ее представителей не только ниже черты прожиточного минимума, но и одновременно в состоянии множественной (многомерной) депривации.

Это свидетельствует о существовании в современной России разных типов бедности, что, в свою очередь, означает, что борьба с бедностью должна вестись разными методами в зависимости от особенностей объекта. При этом достаточно многообразная и масштабная социальная помощь населению пока что в малой степени облегчает бремя их бедности.

Все вышесказанное позволяет утверждать также, что дальнейшее совершенствование социальной политики предполагает уточнение концепции бедности, лежащей в основе методологии разработки выделения и анализа бедных, а также расширение вариативности помощи бедным, в том числе - более полный учет при расчете пенсий по инвалидности и распределении натуральных форм помощи специфики расходов людей с хроническими заболеваниями, особенно с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, наиболее жестко ограничивающими эффективную занятость; увеличение размеров детских пособий и т.д.

Из анализа выделенных групп бедных можно сделать еще два важных вывода. Во-первых, большое влияние численности домохозяйств на вероятность оказаться в числе бедных – яркое свидетельство недоучета этого фактора Росстатом при расчете им прожиточного минимума для домохозяйств разного размера, существовавшего до самого последнего времени.

А во-вторых, в отличие от ситуации середины 2000-х годов, нахождение на пенсии само по себе уже не является фактором, увеличивающим риски бедности. Риск для пенсионеров оказаться в рядах бедного населения в рамках хотя бы одного из двух основных подходов к ней составлял в 2011 г. менее 20%, что ниже, чем у остального населения.

Рассмотрим теперь каковы особенности экономического поведения и положения представителей различных групп бедных на рынках труда.

2.3 Особенности экономического положения бедных “по доходам” и бедных “по лишениям”

До сих пор мы рассматривали отличия разных типов российской бедности – бедности «по лишениям» и «по доходам», а также зоны их пересечения. Однако у всех видов российской бедности есть и некоторые общие черты, позволяющие говорить о том, что *при всей её многоликости, когда мы говорим о «бедных», то речь всё-таки в любом случае идёт о единой социальной группе, положение отдельных членов которой, глубина и продолжительность их бедности, число и набор испытываемых ими лишений или степень их маргинализации и люмпенизации могут различаться, но не отменяют факта специфики их места в социальной структуре российского общества, а также отличий их жизненных шансов в различных сферах жизни по отношению к остальному, более или менее благополучному (небедному) населению страны.*

При анализе этих общих признаков и оснований их неблагополучия в первую очередь надо остановиться на особенностях их ресурсообеспеченности хотя бы в части такого важнейшего ресурса как человеческий капитал, определяющий их место на рынке труда, а также на тех профессиональных позициях, которые имеющиеся в их распоряжении ресурсы позволяют им занимать (отметим, что специфика их занятости активно ис-

следует в последние годы в качестве фактора бедности [Бобков, 2012; Карабчук, 2009; Смирных, 2011]).

Если мы посмотрим на уровень образования людей старше 23 лет из разных групп, то заметим (таблица 2.9), что отличия бедных от небедного населения в этой области весьма существенны, и наиболее характерны они, прежде всего, для зоны пересечения групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям».

Таблица 2.9

Образовательный уровень представителей разных групп населения старше 23 лет³¹, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Уровень образования	Бедные "по доходам"		Бедные "по лишениям"		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
Неоконченное среднее	23,3	21,4	29,7	25,7	30,6	26,5	19,3	16,2
Среднее	41,2	41,1	39,9	37,8	43,4	44,6	28,9	29,0
Техникум / неоконченное высшее	21,6	20,7	19,8	23,5	18,5	19,3	25,9	25,7
Высшее	13,9	16,8	10,6	13,0	7,4	9,6	25,9	29,1

Как видно из таблицы 2.9, хотя многие бедные в современной России обладают достаточно высоким уровнем образования, однако этот показатель все-таки заметно отстает от уровня образованности небедного населения, где диплом о высшем образовании имеет почти 30%. Важно обратить внимание также на то, что, хотя по показателю среднедушевых доходов и уровню экономической активности бедные «по лишениям» очень близки небедному населению, по уровню полученного образования о подобном сходстве говорить не приходится. Напротив, данный показатель демонстрирует сходство этой группы с бедными «по доходам». Кроме того, ярко выделяется на общем фоне зона пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» – в этой группе аттестат о высшем образовании имеют лишь 10%, а доля членов группы с образованием не выше среднего приближается к трем четвертям группы. Это значит, что ее пред-

³¹ Для рассмотрения выбраны респонденты старше 23 лет, так как к этому возрасту человек обычно уже имеет возможность получить высшее образование.

ставители обладают существенно более скудными человеческими ресурсами, чем другие бедные, а тем более небедное население, и вряд ли могут претендовать на качественные рабочие места.

Существенно также то, что образование трудоспособного населения (таблица 2.10), слабо отличается в этой группе от уровня образования пенсионеров. Это отличает её от остальных групп, где лица пенсионных возрастов в целом обладают более низким уровнем образования: При рассмотрении только трудоспособного населения (за вычетом пенсионеров), в его составе заметно растёт доля лиц, обладающих законченным высшим образованием.

Таблица 2.10

Образовательный уровень представителей трудоспособных возрастов старше 23 лет из различных групп населения, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Уровень образования	Бедные "по доходам"		Бедные "по лишениям"		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
Неоконченное среднее	14,3	18,2	15,3	17,8	19,6	24,1	7,0	7,9
Среднее	47,4	43,2	52,2	45,3	53,1	47,4	35,8	34,1
Техникум / неоконченное высшее	23,2	21,0	22,3	23,3	19,4	18,6	27,7	25,2
Высшее	15,1	17,7	10,1	13,6	7,8	9,9	29,6	32,9

С 2005 г. доля лиц с незаконченным средним образованием в составе всех групп бедных старше 23 лет выросла, и особенно сильно (на 4-5% или почти 20% в относительном выражении) она выросла в «зоне пересечения» групп бедности. Одновременно выросла во всех группах бедных, (особенно - среди бедных «по лишениям»), и доля лиц с высшим образованием. Однако доля последних среди бедных по-прежнему остается в разы ниже, а доля лиц с незаконченным средним образованием – в разы выше, чем среди небедного населения.

Итак, бедные предлагают на рынке труда преимущественно низкокачественный человеческий капитал – почти в 2/3 случаев это не более чем законченное школьное образование, которое едва ли может позволить

бедным претендовать на качественные и высокооплачиваемые рабочие места. Среди всех бедных ярко выделяется зона пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», которая за рассматриваемый временной промежуток продемонстрировала усиление тенденции отказа от получения образования: к 2011 г. доля лиц трудоспособных возрастов с неоконченным средним образованием приблизилась к четверти этой группы, что, естественно, влияет на шансы её представителей на рынке труда и рост незанятости среди них.

Подводя итоги нашего поневоле краткого рассмотрения качества человеческого капитала бедных, можно отметить два процесса, которые протекают одновременно. Мы имеем в виду *снижение качества человеческого капитала бедных с одновременным отказом всё большего числа их от работы. Именно исходя из этого факта можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с «ловушкой бедности»*. Этот феномен применительно к российским условиям был детально изучен на данных панельных интервью Н.Е. Тихоновой [Тихонова, 2003]. И, как показывают данные, хотя бедные «по доходам» и бедные «по лишениям» по-разному реагируют на саму «ловушку бедности», что, видимо, вызвано разной степенью их люмпенизации³², сама по себе эта ловушка одинаково значима для обеих этих групп. Об этом свидетельствует тенденция увеличения числа бедных, которые не имеют даже полного среднего образования³³, в обеих группах.

Более полное представление о масштабах и опасности этой тенденции дает анализ ситуации с молодежью до 23 лет (таблица 2.11).

---

³² Отчасти здесь сказывается, впрочем, и пространственная локализация сколько-нибудь привлекательных рабочих мест – ведь, как говорилось выше, бедные «по доходам» с их сокращающейся занятостью трудоспособных всё чаще проживают в сельской местности, а привлекательные места сосредоточены прежде всего в крупных городах.

³³ Этот факт подтверждается также данными Росстата (<http://www.gks.ru/PEREPIS/graph2.htm>; http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/07-03.htm.)

Таблица 2.11

Образовательный уровень и занятость молодежи до 23 лет из различных групп населения, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Доля работающей молодежи	Бедные "по доходам"		Бедные "по лишениям"		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
Не заняты	59,9	80,9	55,2	74,6	54,4	77,3	48,6	65,8
Уровень образования работающих подростков и молодежи:								
Неоконченное среднее	30,1	28,7	19,2	37,1	29,0	51,7	7,8	9,3
Среднее	41,0	43,5	40,4	38,6	35,5	37,9	41,1	42,3
Техникум / неоконченное высшее	25,3	16,7	36,5	15,7	35,5	3,4	44,2	32,4
Высшее	3,6	11,1	3,8	8,6	0,0	6,9	7,0	16,1

Как видно из таблицы 2.11, за рассматриваемые 7 лет существенно сократилось количество работающей молодежи: в группе бедных «по доходам» - вдвое, в остальных группах общества – в полтора раза, – и это общая для всего населения тенденция. Однако важно отметить, что в разных группах общества молодежь выходит на работу на разных этапах получения своего образования. Так, среди небедного населения чаще всего можно встретить среди работающих молодого человека, имеющего аттестат о полном среднем или о среднем специальном образовании (дети, не окончившие школу, практически не выходят на работу). Совершенно иная картина в группах бедного населения: в 2011 г. среди бедных «по доходам» 29% молодежи работали, не закончив школу (у бедных «по лишениям» этот показатель достигал 37%, а в «зоне пересечения» составлял более половины группы). Остальные же в массе своей выходят на работу после окончания школы. При этом, впрочем, значительная часть молодежи не учится и не выходит на работу.

Какова же, с учетом рассмотренного выше уровня образования различных групп, специфика занимаемых их представителями рабочих мест (таблица 2.12)? И не здесь ли кроется ответ на вопрос о том, почему так велика среди них доля неработающих – вспомним в этой связи пресловутую «ловушку бедности» с характерным для нее нежеланием выходить на низкооплачиваемые рабочие места, выход на которые ничего принципи-

ально не изменит с точки зрения уровня благосостояния в жизни человека, и невозможностью занятия более эффективных рабочих мест.

Таблица 2.12

Динамика профессионального состава разных групп от 18 лет (укрупненный классификатор ISCO-88, 2005-2011 гг.), %³⁴ от соответствующих групп

Образовательный уровень	Бедные "по доходам"		Бедные "по лишениям"		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
Профессионалы и руководители	12,4	11,1	7,0	1,1	6,1	4,0	21,6	20,7
Полупрофессионалы и клерки	22,2	24,8	19,4	21,1	17,1	20,7	26,3	28,4
Обслуживание и торговля	12,4	14,7	13,7	13,2	14,0	14,4	9,5	10,7
Рабочие	53,0	49,5	59,9	58,7	62,8	60,9	42,7	40,1

Как видно из таблицы 2.12, типичный профессиональный статус бедных - рабочий. В зоне пересечения групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» в 2011 г. более 60% работающих были рабочими, преимущественно разнорабочими, то есть занимали позиции, требующие минимального человеческого капитала. Это не характерно для небедных, где рабочими были в 2011 г. лишь 40%.

Одновременно при этом у бедных «по доходам» относительно большую долю, чем у бедных «по лишениям», составляют профессионалы и полупрофессионалы, то есть офисные работники нефизического труда. Среди бедных, как, впрочем, и среди небедных, растёт, хотя и ненамного, такая офисная занятость, которая предполагает сравнительно невысокий уровень человеческого капитала, а также занятость в сфере торгов-

³⁴ В группу «Профессионалы, руководители» объединены все руководители и профессионалы с высшим образованием, а также военные, сельскохозяйственные работники и работники рыбной промышленности с высшим образованием согласно классификатору ISCO-88, используемому в РМЭЗ. В группу «Полупрофессионалы и клерки» включены полупрофессионалы со средним специальным образованием, а также конторские служащие и работники, занятые обслуживанием клиентов. В группу «Рабочие» включены все рабочие независимо от их уровня квалификации и степени автоматизированности их труда. Кодировка осуществлялась в соответствии с перекодированным показателем ISCO-88 [Аникин, 2009]. Одна из наиболее важных особенностей перекодировки заключается в том, что в группу «профессионалы» относились только те рабочие позиции, на которых требовалось наличие высшего образования, что соответствовало логике разработчиков классификатора ISCO, но шло в разрез с техникой расчета показателей профессионального статуса, присутствующих в массивах данных РМЭЗ при открытии доступа к ним для исследователей.

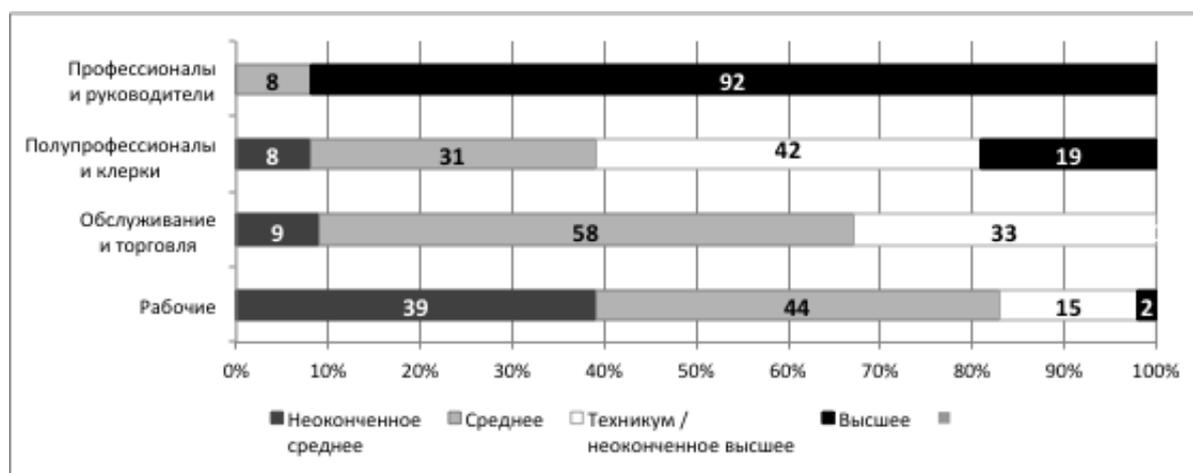
ли и бытового обслуживания. Уровень заработных плат при таком типе занятости очень сильно дифференцирован в зависимости от её региональных, отраслевых и территориальных характеристик, а для занятости в сфере обслуживания и торговли – даже от конкретного места работы (работа в крупном сетевом магазине или поселковом «ларьке» и т.п.).

Небедное население, как и следовало ожидать, занимает более статусные рабочие места: доля разнорабочих в этой группе минимальна, а высококвалифицированных работников максимальна, хотя выросли в ней за период 2005-2011 гг. только группы нефизического труда средней и низкой квалификации, что отражает общую динамику профессиональной структуры России в этот период [Аникин, 2011]. Иными словами небедное население сегодня имеет «беловоротничковое» лицо – 49% их (при 36% у бедных «по доходам» и 28% среди бедных «по лишениям») относились к профессионалам, менеджерам и другим офисным работникам.

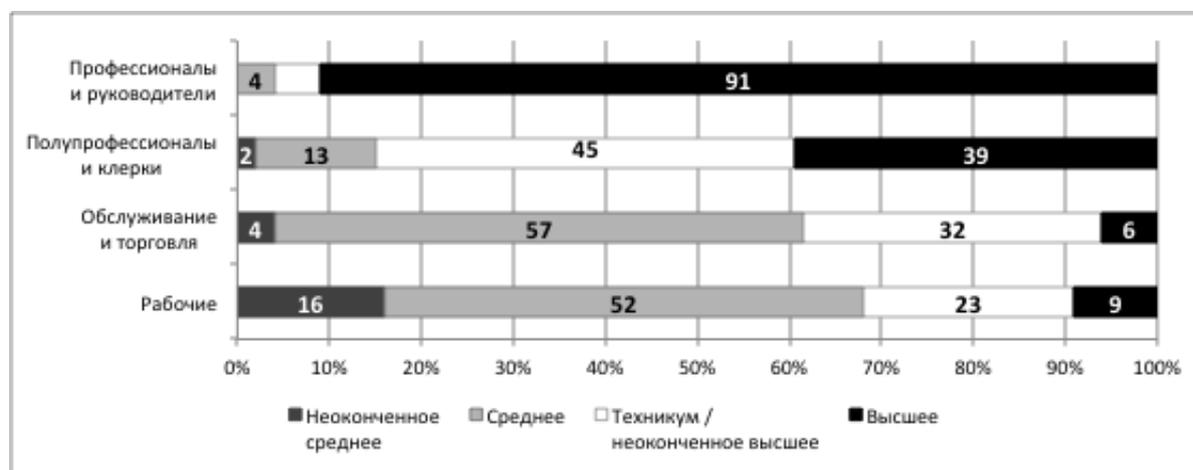
Таким образом, *бедность имеет в России довольно четкую профессиональную привязку.*

Рассмотрим теперь качество рабочих мест, формально относящихся к одним и тем же профессиональным статусам, занимаемых представителями как бедного, так и небедного населения. Косвенным индикатором этого качества может служить уровень образования, требующийся на соответствующих рабочих местах. Возьмем две полярные группы: 1) зона пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» и 2) небедное население. На их примере наиболее ярко можно продемонстрировать отличия специфики рабочих мест бедного и небедного населения (рисунок 2.3).

Зона пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям»:

Небедное население:

Рисунок 2.3 - Уровень образования представителей различных профессиональных групп в составе зоны пересечения групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» и небедного населения, 2011 г., % от профессиональных групп

Как видно из рисунка 2.3, среди небедного населения рабочие места «клерков» занимают преимущественно люди с высшим или средним специальным образованием (85%). В «зоне пересечения» групп бедности же такие рабочие места на треть заняты людьми с образованием не выше полного среднего, т.е. школьным (39%), и лишь около 20% (при вдвое большем показателе по небедному населению) имеют высшее образование. Это означает, что у «зоны пересечения» групп бедности рабочие места полупрофессионалов и клерков совершенно иного качества, и на них, соответственно, выплачивается более низкая заработная плата. То же от-

носится и к другим профессиональным статусам. Если, например, рассматривать рабочие места «профессионалов» исходя только из названия должности (не учитывая фактор наличия аттестата о высшем образовании), то в категорию профессионалов среди небедного населения попадает всего около 1/4 лиц без высшего образования, а среди «зоны пересечения» групп бедности – практически 2/3 группы. Более того, эти же тенденции, хотя и в более сглаженной форме, можно наблюдать и среди групп бедных «по лишениям» и бедных «по доходам», где около трети профессионалов (что также заметно больше, чем среди небедного населения), не имеют высшего образования. Таким образом, *даже в случаях кажущейся близости профессиональных статусов бедного и небедного населения, мы имеем дело в этих группах с рабочими местами совершенно разного качества.*

Отдавая должное уровню человеческого капитала бедных и его прямому влиянию на качество и престижность занимаемых ими рабочих мест, стоит, однако, уделить особое внимание еще одному фактору, удерживающему бедных на их структурных позициях. В данном случае речь идет о структурных ограничениях со стороны экономики, в частности - специфике формирования в российской экономике уровня заработных плат. Так, на момент проведения опроса 2011 г., около 13% всех работающих, по данным Росстата³⁵, получали заработную плату ниже среднероссийского прожиточного минимума, и ещё около 10% - заработную плату менее 1,5 прожиточных минимумов. При этом есть даже целая социально-профессиональная группа, средняя заработная плата по которой не превышала на тот момент 1,5 ПМ – это неквалифицированные рабочие³⁶.

Насколько же разница в реальном содержании выполняемой работы сказывается на заработной плате представителей разных групп и средне-

---

³⁵ См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obsled/trud2011.htm.

³⁶ Данные ФСГС РФ: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages/#>.

душевых доходах в их домохозяйствах? Ведь, учитывая иждивенческую нагрузку, доходы двух работающих в России должны быть таковы, чтобы покрыть расходы на свое существование и на содержание хотя бы одного иждивенца. Именно исходя из этой логики далее мы рассматриваем вопрос о том, какая доля представителей разных групп получает заработную плату менее двух прожиточных минимумов, менее 1,5 прожиточных минимумов и менее 1 прожиточного минимума. Данные РМЭЗ немного отличаются от данных Росстата, но это не только не отменяет выводы Росстата, но даже свидетельствует о еще большей остроте данной проблемы (таблица 2.13).

Таблица 2.13

Отношение заработной платы работающих³⁷ к прожиточному минимуму в различных группах населения, % от соответствующих групп

Размер заработной платы	Бедные "по доходам"		Бедные "по лишениям"		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
менее 1 ПМ	38,8	22,4	42,1	25,0	45,1	37,3	12,8	9,1
1-1,5 ПМ	20,0	18,8	22,6	17,5	19,0	18,2	17,7	13,6
1,5-2 ПМ	11,5	12,2	13,7	13,6	9,9	9,6	16,3	14,7
более 2 ПМ	29,7	46,6	21,6	44,0	26,1	35,0	53,2	62,6
Справочно:								
Средняя заработная плата	3945,0	10942,0	4543,1	11496,4	3441,3	8080,4	7682,0	17519,6
Медианная заработная плата	3000,0	8000,0	3425,0	9500,0	2800,0	6500,0	6000,0	15000,0
Модальная заработная плата	3000,0	10000,0	3000,0	10000,0	3000,0	6000,0	5000,0	15000,0

Как видно из таблицы 2.13, даже среди небедного населения почти каждый четвертый обладает доходами ниже 1,5 ПМ. В разы больше таковых среди бедных. При этом «зона пересечения» групп бедности качественно отличается от небедного населения тем, что здесь лишь треть группы обладает доходами выше 2-х прожиточных минимумов, в то время как для небедного населения этот показатель вдвое больше и составляет практически две трети группы. Более того, представители «зоны пересечения» групп бедности обладают самыми скудными заработными платами: за рассматриваемый семилетний промежуток их заработные платы вырос-

³⁷ В таблице рассмотрено только занятое население трудоспособного возраста (без учета молодежи младше 16 лет и пенсионеров).

ли меньше (в 2,3 раза), чем у других бедных (2,8 раз у бедных «по доходам» и 2,5 раза у бедных «по лишениям»).

Однако заработная плата – далеко не единственный возможный источник доходов. И хотя вклад заработной платы в бюджеты домохозяйств из разных групп составляет в среднем 60-68% (таблица 2.7), роль пенсий для россиян также очень велика. В этой связи весьма существенно то, что в разных группах бедного населения заметно различается распространенность получения тех или иных видов пенсий, особенно в том, что касается пенсий по инвалидности (таблица 2.14) – за вторую половину 2000-х годов их стало реже получать небедное население и бедные «по доходам» и относительно чаще – бедные «по лишениям» и особенно представители «зоны пересечения» групп бедности. Это значит, что *инвалиды при их формальном благополучии все чаще оказываются в составе глубоко депривированного населения.*

Таблица 2.14

Доля людей, получавших тот или иной вид пенсий в разных группах населения в 2011 г., % от получавших пенсии

Вид пенсий:	Бедные "по доходам"		Бедные "по лишениям"		Зона пересечения двух групп		Небедное население	
	2005	2011	2005	2011	2005	2011	2005	2011
По инвалидности	21,0	18,8	16,0	17,5	18,7	27,2	16,9	14,0
По потере кормильца	5,1	5,0	1,8	0,9	1,8	7,0	1,5	1,9
По старости	64,8	67,5	78,4	79,0	73,7	60,5	73,6	75,9
По выслуге лет	3,2	2,3	0,7	0,5	2,7	0,0	3,4	3,1
Другие пенсии	5,9	6,4	3,1	2,1	3,1	5,3	4,6	5,1

Социальный капитал (поддержка со стороны социальных сетей) тоже оказывается достаточно значимым источником доходов бедных семей, однако *материальную помощь со стороны сетей получают не более 25% в каждой из выделенных групп бедных. При этом важно подчеркнуть, что во всех группах населения за вторую половину 2000-х годов произошло сокращение общей значимости этого источника доходов.* Возможно, ресурс социальных сетей россиян начинает сокращаться, или же традиция взаимопомощи постепенно «уходит в прошлое». При этом различия в составе «доноров», оказывающих эту помощь, в разных группах бедных

очень яркие, и, хотя отчасти связаны с возрастным составом бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», не могут быть объяснены только этим (таблица 2.15).

Таблица 2.15

Источники получения безвозмездной помощи у представителей различных групп населения в 2011 г., % от получавших помощь

Источник безвозмездной материальной помощи	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Зона пересечения двух групп	Небедное население
Родители	68,2	46,8	52,9	56,3
Дети	8,5	22,9	21,7	16,8
Дедушки/бабушки	11,1	10,3	10,6	9,9
Внуки	0,3	2,3	0,0	1,2
Иные родственники	13,3	15,2	19,6	19,0
Друзья	11,0	13,5	9,5	12,8
Сослуживцы	2,7	2,6	4,8	4,6
Церкви, синагоги, мечети.	0,4	0,0	0,0	0,2
Международные организации	0,0	0,3	0,0	0,1
Другие организации и частные лица	2,6	4,2	5,3	3,2

Как видно из таблицы 2.15, основными «донорами» в России выступают родители. Остальные родственники (даже дети) выступают в роли «доноров» существенно реже. Значимым и достаточно распространенным источником материальной поддержки домохозяйств является также дружеский круг. Все остальные источники помощи оказываются в целом нетипичными для современного российского общества. В то же время, учитывая, что три четверти всех бедных никакой помощи от частных лиц и организаций не получают, вряд ли роль этого источника доходов бедных стоит переоценивать, хотя для кого-то она, несомненно, имеет большое значение – вклад этой помощи в общий бюджет домохозяйств достигает в среднем среди получающих ее в разных группах бедных 15-20%.

Завершая сюжет о доходах бедных, рассмотрим общие показатели их среднедушевых доходов, т.е. суммы средств, приходящейся в среднем на одного члена домохозяйства в месяц. Мы используем медианный показатель среднедушевых доходов по регионам, чтобы избежать смещений,

вызванных разной стоимостью жизни в них. Распределение этого показателя демонстрирует низкий уровень жизни по стране в целом. Медианы среднедушевых доходов бедных «по доходам» и «зоны пересечения» групп бедности очень близки и составляют 0,7 прожиточных минимумов, соответственно. Представители группы бедных «по лишениям» обладают существенно большими средствами, медиана их доходов достигает 1,6-1,7 прожиточных минимумов. Однако это меньше, чем у небедного населения, среди которого среднедушевые ежемесячные доходы составляют 1,9–2 прожиточных минимума. В то же время разрыв между ними, как видим, не слишком велик и составляет в относительном выражении менее 20%.

Тот факт, что среднедушевые доходы бедных «по лишениям» и небедного населения близки, означает, что *проблема с бедными «по лишениям» заключается зачастую даже не столько в уровне их доходов, сколько в специфике их расходов, которая прямо влияет на риск попадания в ряды депривированного населения.* Напомним в этой связи, что бедные «по лишениям», как отмечалось выше, чаще концентрируются в городах и областных центрах, чем население в целом и, тем более, бедные «по доходам». Стоимость жизни в областных центрах существенно выше, чем в других типах поселений, а значит, удовлетворение одних и тех же потребностей требует от жителей областных центров больших денежных затрат, чем, скажем, в сельских населенных пунктах тех же регионов или малых городах, где чаще живут именно бедные «по доходам». Этот фактор не учитывается при расчете прожиточного минимума, что, на наш взгляд, приводит к занижению доли бедных в населении крупных городов.

Специфика расходов семей объясняется, впрочем, не только поселенческими особенностями стоимости жизни, но и спецификой состава домохозяйств (в частности – наличием в них людей с плохим здоровьем и высокими расходами на медицинские услуги и лекарства, а также существующей в них иждивенческой нагрузкой, т.е. отношением числа нерабо-

тающих членов домохозяйств к работающим, что было рассмотрено ранее). Возвращаясь к вопросу об иждивенческой нагрузке, отметим, что бедным, испытывающим множественные лишения, приходится содержать в основном своих пенсионеров. Бедным «по доходам» – детей, ухаживающих за ними взрослых и здоровых неработающих трудоспособных, а «зоне пересечения» групп бедности – в первую очередь, здоровых неработающих трудоспособных.

Таким образом, особенность профессиональных статусов бедных в России все больше напоминает профессиональный портрет бедных западных стран. Бедность всё чаще оказывается связана в российском обществе с незанятостью или занятостью на рабочих местах физического труда или неквалифицированного и среднеквалифицированного нефизического труда, который в современных исследованиях стратификации принято относить к позициям рабочих.

Подводя итог рассмотрению российской бедности в целом, стоит еще раз сказать, что численность бедных в России очень сильно зависит от используемой методологии их выделения, поскольку два основных теоретико-методологических подхода выделяют в России две разные группы бедного населения. Более того – с годами группы бедных «по доходам» и «по лишениям» все больше расходятся между собой, а зона их пересечения уменьшается. Тем не менее, можно констатировать тот факт, что, судя по данным РМЭЗ, по состоянию на 2011 г. в бедности в целом (и «по доходам» и «по лишениям») находилось около 30% россиян.

Бедность «по доходам» представлена чаще большими семьями из сельской местности, в ее составе максимальна доля детей и молодежи, и эти тенденции с годами усиливаются. Бедность «по лишениям» представлена в большей степени малыми домохозяйствами из городской местности, с наименьшей долей людей молодых возрастов и относительно худшими показателями здоровья. Представители зоны пересечения этих

групп проживают преимущественно в сельской местности большими домохозяйствами из 4 и более человек, в составе которых минимальная доля лиц молодых и пожилых возрастов и максимально представительство людей среднего возраста. Кроме того, ее представители характеризуются относительно более низким уровнем образования и высоким уровнем незанятости, а в случае наличия у них занятости занимают чаще профессиональные позиции не- и низкоквалифицированного труда.

Тем не менее обе разновидности бедности (и бедные «по доходам» и бедные «по лишениям») имеют во многом общие структурные предпосылки. Проблема бедности в России – это сегодня проблема, прежде всего, рынка труда, который устроен таким образом, что даже наличие высшего образования не гарантирует человеку занятие высокоэффективных рабочих мест, хотя и повышает вероятность получения доступа к ним. Кроме того, в России сегодня очень велика доля низкооплачиваемых видов занятости, которые, с одной стороны, не спасают от бедности, если в семье нет более эффективных работников, а с другой – дестимулируют представителей многих бедных домохозяйств в поиске работы. Специфика незанятости бедных свидетельствует о целесообразности в целях борьбы с бедностью реформирования в первую очередь именно рынка труда, в частности, расширения предложения рабочих мест в малых и средних поселениях, а не системы социальных пособий. Совершенствование же системы социальных пособий и повышение доступности услуг (например, бесплатные детские сады, бесплатные лекарства и т.д.) может быть значимо в первую очередь для семей с детьми и с плохим здоровьем, особенно проживающих в крупных городах, где стоимость жизни относительно выше.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В ГРУППАХ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Представление о бедности без информации о том, сколько времени люди пребывают в ней, является неполным - ведь одна и та же группа бедных («по доходам» или «по лишениям») может объединять в себе тех, кто лишь на один год попал в тяжелое положение, выправил его и вновь вернулся к своему обычному уровню жизни и тех, кто на протяжении многих лет не может справиться с бедностью. Несомненное преимущество исследования РМЭЗ заключается в том, что оно позволяет проследить жизненные траектории респондентов и домохозяйств на протяжении многих лет. Так как в качестве основы этой части нашего исследования выступала панельная база данных РМЭЗ, то было возможно выделить не только две группы бедных, отличающихся теоретическим подходом к пониманию бедности в каждый год из рассматриваемого периода, но также и группы, которые отличаются друг от друга длительностью пребывания в состоянии бедности. Для выделения групп, отличающихся длительностью пребывания в бедности, анализируемые базы данных РМЭЗ были объединены в одну панельную базу, включавшую только тех респондентов, которые попадали в выборку на протяжении всех 7-ми лет наблюдений с 2005 по 2011 гг.³⁸. На первом этапе к базе данных 2011 г. были добавлены переменные, определяющие принадлежность респондента к той или иной группе бедности за каждый год из рассматриваемого периода. Каждая из таких переменных являлась дихотомической, где вариант ответа «1» означал наличие признака, а «0» - его отсутствие. Таким образом, суммирование данных по переменным принадлежности к бедности «по доходам» или «по лишениям» (суммарный балл от 0 до 7 баллов в зависимости от числа лет нахождения в бедности), позволяло определить, сколько лет человек пребывал в бедности первого или второго типа. Следующим шагом было

---

³⁸ Это приводит к некоторому сокращению выборки на тех, кто умер или родился в рамках рассматриваемого промежутка.

распределение респондентов по 4 подгруппам в зависимости от длительности пребывания в бедности. Так как в ходе исследования мы рассматривали две отличающиеся группы бедного населения, то и группировок (абсолютно идентичных по методике выделения) было создано две.

В первую подгруппу нами были отнесены те респонденты, которые за весь рассматриваемый временной промежуток ни разу не были определены нами как бедные ни по одному из подходов к бедности. Данная группа была названа, соответственно, «небедным населением».

Во вторую подгруппу были выделены те респонденты, которые попадали в бедность только на один год. Они были названы нами «ситуационно бедными». Негативные последствия сравнительно недолгого пребывания в бедности могут быть достаточно быстро скомпенсированы и позволяют сохранить положение в статусной иерархии общества, поэтому мы рассматривали эту группу отдельно от других групп бедных и оценивали ее как представителей относительно благополучного населения.

Третья подгруппа, названная нами «зоной риска хронической бедности», объединяла тех, кто имел опыт пребывания в бедности не менее 2-х, но и не более 3-х лет. При этом это могли быть люди, как находившиеся в бедности 2-3 года подряд, так и имеющие опыт «плавающей» бедности.

Четвертая группа «хронической бедности» включала в себя тех, кто находился в бедности 4 и более лет из 7 учитываемых при анализе. Выделение данной подгруппы объяснялось двумя обстоятельствами. Во-первых, эти люди были бедны большую часть периода наблюдений, что позволяет рассматривать бедность как типичное и устойчивое для них состояние. А во-вторых, согласно предшествующим исследованиям [Тихонова, 2003], после четырех-пяти лет пребывания в бедности запускаются необратимые социальные процессы, которые как «воронка» затягивают людей во все более стабильную и беспросветную бедность. Здесь мы говорим об исчерпывании ресурсов человека и изменении круга общения, образа жизни и т.п. Так, например, с каждым годом устаревают и изнашиваются товары длительного пользования, одежда, тратятся запасенные де-

нежные средства, распродается ликвидное имущество и сокращается возможность воспользоваться ресурсами своих знакомых, в силу длительного пребывания в другой социальной среде изменяется культурный капитал и т.д. По этой причине всех респондентов, которые 4 и более лет пребывали в бедности, мы определили как группу хронической бедности.

Рассмотрим специфику сформированных подгрупп отдельно для бедности «по доходам» и для бедности «по лишениям».

3.1 Специфика бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» с учетом сроков нахождения в бедности.

Рассмотрим сначала, насколько гомогенными являются из года в год выделенные группы бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», иными словами, как часто встречались случаи, когда бедный «по доходам» становился бедным «по лишениям» и наоборот или какая доля каждой из двух рассматриваемых групп остается неизменной из года в год, а какая пополняется за счет другого типа бедности и небедного населения (таблица 3.1).

Таблица 3.1

Динамика состава групп бедных за период с 2005 по 2011 гг., %

Год	Группа бедности	Представители группы, которые в предыдущем году попадали в эту же группу	Представители группы, которые в предыдущем году попадали в бедность в соответствии с другим подходом	Представители группы, которые в предыдущем году были небедными
Пополнение бедных 2011 г. за счет бедных 2010 г.	Бедные "по доходам"	67,1	4,7	28,2
	Бедные "по лишениям"	45,2	14,3	40,5
Пополнение бедных 2010 г. за счет бедных 2009 г.	Бедные "по доходам"	62,5	5,8	31,7
	Бедные "по лишениям"	48,6	18,6	32,8
Пополнение бедных 2009 г. за счет бедных 2008 г.	Бедные "по доходам"	62,0	6,6	31,4
	Бедные "по лишениям"	48,3	17,4	34,3
Пополнение бедных 2008 г. за счет бедных 2007 г.	Бедные "по доходам"	69,5	7,7	22,8
	Бедные "по лишениям"	50,5	23,1	26,4
Пополнение бедных 2007 г. за счет бедных 2006 г.	Бедные "по доходам"	63,9	10,2	25,9
	Бедные "по лишениям"	53,8	18,1	28,1
Пополнение бедных 2006 г. за счет бедных 2005 г.	Бедные "по доходам"	65,1	10,8	24,1
	Бедные "по лишениям"	54,4	18,7	26,9

Как видно из таблицы 3.1, обе группы бедного населения, выделенные в соответствии с двумя рассматриваемыми подходами, достаточно устойчивы. На протяжении рассматриваемого промежутка 2/3 группы бедных «по доходам» и около 1/2 группы бедных «по лишениям» оставались неизменными по своему составу на персональном уровне по сравнению с предыдущим годом.

При этом бедные «по доходам» с годами все реже пополняются бедными «по лишениям», хотя в отношении пополнения их небедными такой устойчивой тенденции не прослеживается и можно говорить лишь об относительном, а не абсолютном росте доли в их составе небедного населения. Так, если в 2007 г. 10% группы бедных «по доходам» пополнилось за счет бедных «по лишениям» 2006-го года, то в 2011 г. уже только 5% бедных «по доходам» пополнилось бедными «по лишениям» 2010-го года.

Бедность «по лишениям» демонстрирует иную тенденцию: она намного чаще пополняется бедными «по доходам», нежели небедным населением. Более того - в данной группе нет столь четкой однонаправленной тенденции, как в бедности «по доходам»: от 14% до 23% группы бедных «по лишениям» в разные годы пополнилось бедными «по доходам» предыдущих лет (что составляло от 26% до 47% общего пополнения группы). Таким образом, в бедность «по лишениям» относительно чаще переходят бедные «по доходам», даже несмотря на то, что доходы многих из них растут и формально не позволяют уже рассматривать их как бедных «по доходам».

Иными словами, ситуация при которой бедные, испытывающие недостаток денежных средств, исчерпывают свои ресурсы, накапливают дефицит текущих доходов и становятся бедными «по лишениям», оказывается более вероятной и часто встречающейся, чем ситуация, когда бедные, испытывающие множественные лишения, перестают испытывать лишения, но начинают испытывать нехватку денежных средств.

Стоит, однако, при этом отметить, что бедность в современной России относительно чаще в любом случае пополняется небедным населением, чем бедными, выделенными в рамках другого подхода к бедности.

Теперь рассмотрим каковы в целом масштабы бедности, различающейся разной длительностью пребывания в ней ее членов.

Оказалось, что хотя бы раз в бедность «по доходам» за рассматриваемый семилетний промежуток попадали практически две трети населения страны, а в бедность «по лишениям» - около половины всего населения. Это существенно превышает оценки, полученные на данных о распространенности бедности в 2011 г. (таблица 3.2).

Таблица 3.2

Численность групп, характеризующихся разным опытом бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Подгруппы бедного населения	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»
Ситуационная бедность (1 год были бедными)	25,6	35,6
Зона риска хронической бедности (2-3 года были бедными)	32,6	38,2
Хроническая бедность (4 и более лет были бедными)	41,8	26,2
<i>Справочно:</i>		
Доля россиян, имеющих опыт пребывания в бедности этого типа	62,1	52,5
Доля россиян, не имеющих опыт пребывания в бедности этого типа	37,9	47,5

Выделенная совокупность людей, имеющих опыт бедности, охватывает тех, кто «балансируют» на грани бедности и при неблагоприятных экономических условиях или личных обстоятельствах (тяжелое заболевание члена семьи, рождение ребенка, увольнение с работы, выход в декретный отпуск и пр.) «скатываются» в бедность. Таким образом, *оценки, производимые на основе критерия длительности пребывания в бедности, позволяют выделить «зону риска» бедности вообще и хронической бедности в особенности.*

Как видно из данных, нехватка денежных средств приводит к длительной бедности относительно чаще, чем множественная депривация. Так, в постоянной беспросветной бедности (6-7 лет из рассматриваемого

7-летнего промежутка) «по доходам» пребывали 11% бедных, в то время как в бедности «по лишениям» - всего 4% бедных. В среднем хронический бедный «по доходам» проводил в бедности 5,3 года из 7, в то время как хронический бедный «по лишениям» - 5 лет. Подавляющее большинство представителей обеих групп (3/4 бедных «по доходам» и 2/3 бедных «по лишениям») пребывало в бедности не менее 2-х лет, что не могло не влиять на их образ и уровень жизни, а также их жизненные шансы.

Какое же влияние на образ и уровень жизни оказывает разная длительность пребывания в бедности?

Первое, с чего следует начать – это с уровня жизни бедных, а значит со специфики претерпеваемых ими лишений³⁹. Вне зависимости от методики выделения бедных при увеличении срока пребывания в бедности уровень жизни бедных падает (увеличивается количество испытываемых бедными лишений). Так, при движении от группы ситуационной бедности к группе хронической бедности количество лишений возрастает с 2,5 до 3,5 в бедности «по доходам» и с 3 до 5 - в бедности «по лишениям» (остальное население испытывает в среднем 2,3 в первом случае и 1,8 лишений при выделении бедных «по депривации»). Однако, несмотря на общую тенденцию ухудшения положения бедных в связи с длительностью пребывания в бедности, стоит отметить, что бедные «по доходам» находятся в относительно лучшем положении, чем бедные «по лишениям» (представители бедности «по доходам» в среднем испытывает в 1,5 раза меньше лишений, чем бедные «по лишениям» из соответствующей группы).

Положение бедных «по лишениям» тяжелее не только в силу большего количества испытываемых лишений, но и исходя из того, какие

---

³⁹ Так как подгруппы бедных «по лишениям», выделенные на основе критерия длительности пребывания в бедности, включают в себя всех бедных, которые пробыли в бедности различное количество лет (а значит в какие-то годы были небедными), то среднее значение количества испытываемых лишений могло быть менее 5.

именно лишения из имеющегося списка для них характерны, и в какой степени эти лишения распространены. Бедные «по доходам» оказываются уязвимы по относительно меньшему количеству лишений, которые, одновременно с тем, не столь широко распространены. Рассмотрим это детально (таблица 3.3). Бедность «по доходам» чувствительна прежде всего к лишениям в области качества жилья, затрат на детское развитие, питание и приобретение товаров первой необходимости, т.е. в общей сложности к половине из рассматриваемых лишений⁴⁰. Так, среди хронически бедных «по доходам» доля тех, кто вынужден жить в съемном жилье и экономить на детском развитии⁴¹, увеличивается в 4-5 раз по сравнению с небедным населением. Повышена среди них и доля тех, кто проживает в тесном жилье или делит его с чужими людьми. В пищевом рационе у каждого второго хронического бедного отсутствуют фрукты и ягоды, а у каждого пятого - мясо и мясные субпродукты. Таким образом, длительность пребывания в бедности «по доходам», несомненно, приводит к ухудшению качества жизни бедных. Однако она не влияет на их психологическое состояние и самооценку ими своего положения (даже в подгруппе хронически бедных всего 17% ее представителей оценивают положение своего домохозяйства, как находящегося в состоянии бедности / нищеты). Возможно это связано с тем, что вокруг бедных этого типа большинство находится в таком же положении, и оно не воспринимается как нечто исключительное

---

⁴⁰ Распространенность таких лишений при движении от небедного населения к хронической бедности «по доходам» увеличивается не менее чем в 1,5 раза.

⁴¹ Важно отметить, что половине хронически бедных приходится экономить на развитии своих детей (в то время как для небедного населения это нехарактерно). Проблема экономии на детях в бедности «по доходам» в целом более острая по всем подгруппам, так как в ее составе высока доля детей.

Таблица 3.3

Распространенность лишений, испытываемых различными группами населения, 2005-2011 гг., % от испытывающих лишение от соответствующих групп

Претерпеваемые лишения	При выделении бедных "по доходам"				При выделении бедных "по лишениям"			
	Небедные	Ситуационно бедные	Зона риска хронической бедности	Хронически бедные	Небедные	Ситуационно бедные	Зона риска хронической бедности	Хронически бедные
Съемное жилье	1,0	3,5	4,1	5,6	1,0	3,3	5,2	8,2
Малая площадь на человека	10,6	19,8	20,5	27,2	11,4	18,2	21,8	37,8
Отсутствие цветного телевизора	1,5	1,2	1,2	0,9	0,5	0,7	1,2	4,4
Отсутствие фруктов, ягод в рационе	25,8	24,2	34,3	47,6	20,0	35,8	43,5	58,4
Отсутствие мяса в рационе	5,8	12,5	18,2	19,3	5,8	16,5	18,1	24,9
Отсутствие рыбы в рационе	48,9	55,6	49,5	60,8	44,5	55,8	58,8	71,6
Невозможность обновлять ТДП и одежду	37,2	24,0	29,4	33,5	23,5	38,0	37,9	48,7
Невозможность оплатить лечение	3,3	1,0	3,0	2,8	1,1	2,0	3,2	8,9
Невозможность приобрести лекарства	5,9	4,0	5,3	5,6	1,9	2,5	7,6	18,4
Невозможность оплатить услуги стоматолога	4,3	6,2	7,1	5,4	2,8	3,3	8,8	12,4
Ущемление прав на рабочем месте	1,0	0,6	1,7	1,2	1,0	0,8	1,5	1,3
Ощущение нищеты	12,4	12,7	13,7	17,8	5,5	12,9	19,0	38,4
Ощущение несправедливости	22,3	23,1	20,0	20,8	13,9	21,8	26,8	40,2
Невозможность обеспечения себя предметами первой необходимости	25,9	29,8	29,1	33,2	20,3	29,6	35,5	49,1
Экономия на детском образовании и развитии	12,7	22,9	34,6	50,1	22,8	30,0	33,2	39,6
Необходимость делить жилище с чужими людьми	8,2	9,6	14,9	15,3	6,6	12,4	17,7	19,1

В более тяжелом положении оказываются бедные «по лишениям». В отличие от бедности «по доходам», длительность пребывания в которой усиливает распространенность всего нескольких лишений, длительная бедность «по лишениям» приводит к повышению распространенности практически всех рассматриваемых лишений, достигая в некоторых из них практически 9-кратного увеличения. Так, например, доля тех, кто вынужден жить в съемном жилье, не имеет возможности оплатить лечение или купить необходимые лекарства⁴², а также обеспечить себе даже самую

⁴² Для бедности «по лишениям» депривированность в области здоровья стоит существенно более остро. Так как в составе этой группы высока доля пенсионеров и людей предпенсионных возрастов.

простую досуговую практику в виде просмотра цветного телевизора, среди хронически бедных «по лишениям» в 8-9 раз выше, чем среди небедного населения. Выше в хронической бедности «по лишениям» по сравнению с хронической бедностью «по доходам» и общий уровень депривированности по самым тяжелым лишениям: четверть ее представителей не имеет в пищевом рационе мясных продуктов и субпродуктов, половина не имеет возможности обновлять по мере необходимости товары длительного пользования и одежду, а также предметы первой необходимости, 2/3 и 3/4 представителей группы не имеют возможности потреблять фрукты / ягоды и рыбу, соответственно. Существенно выше и уровень их депривированности в сферах здоровья и психологического состояния – впрочем, учитывая концентрацию у них различного типа лишений, это не удивительно.

Таким образом, *каждый дополнительный год, проведенный в бедности «по лишениям», оказывает более пагубное (негативное) воздействие на уровень жизни бедных (по сравнению с бедностью «по доходам»), «затягивая» человека во все более тяжелую бедность.* Увеличение глубины и характера депривированности приводит, в том числе, к повышению уровня социально-психологической напряженности бедных (более трети хронически бедных «по лишениям» психологически подавлены – они ощущают абсолютную невозможность изменить сложившуюся ситуацию, исправить положение своих домохозяйств, которые, по их мнению, находятся в состоянии бедности / нищеты).

Поскольку темпы снижения уровня жизни при пребывании в длительной бедности «по лишениям» выше, именно они, на наш взгляд, сегодня требуют к себе более пристального внимания.

Рассмотрим теперь *социально-демографические* характеристики этих групп.

Как показало исследование, различия возрастного состава бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» слабо прослеживаются в ситуационной бедности и в «зоне риска» хронической бедности (таблица 3.4).

Таблица 3.4

Возрастной состав различных групп общества, 2011 г., % от соответствующих групп⁴³

Подгруппы бедного населения		Детские возраста	Трудоспособные возраста	Пенсионные возраста
Бедные «по доходам»	Ситуационно бедные	13,1	56,5	30,4
	Зона риска хронической бедности	12,7	56,0	31,3
	Хронически бедные	19,5	67,6	12,8
Справочно: не попадающее в число бедных «по доходам» население		5,8	38,6	55,6
Бедные «по лишениям»	Ситуационно бедные	15,6	50,3	34,1
	Зона риска хронической бедности	10,1	53,2	36,7
	Хронически бедные	9,0	53,9	37,1
Справочно: не попадающее в число бедных «по лишениям» население		6,0	57,3	36,7

Как видно из таблицы 3.4, доля детей, людей средних возрастов и пенсионеров в них приблизительно равны. Это означает, что, несмотря на тот факт, что отличительной чертой бедности «по доходам» в целом является высокая доля детей и молодежи, а бедности «по лишениям» - высокая доля лиц предпенсионных и пенсионных возрастов, о чем говорилось ранее, для краткосрочной и среднесрочной бедности «по доходам» и «по лишениям» это не свойственно. Последнее позволяет предположить, что пребывание в бедности длительностью не более трех лет в большей степени обусловлено какими-то иными факторами, нежели возрастом ее представителей. *Для тех же, кто задерживается в бедности на длительный срок от 4 лет, значимость возрастного фактора существенно увеличивается.*

На примере групп хронической бедности становится ясно также, что низкие доходы являются достаточно типичными для семей с детьми, и значительно менее характерны для пенсионеров, доля которых в храни-

⁴³ В скобках указаны изменения показателей за период с 2005 по 2011 гг.

ческой бедности «по доходам» составляет 13%. Многомерная депривация, наоборот, является характерной особенностью представителей пожилых возрастов (37% представителей хронической бедности «по лишениям» являются пенсионерами).

Пенсионеры являются более устойчивыми к бедности «по доходам» в силу наличия у них стабильного источника дохода в виде пенсий, и (в случае их отдельного проживания от детей и внуков) в бедность «по доходам» они обычно не попадают. Те же пенсионеры, которые попадают в хроническую бедность «по доходам», преимущественно проживают в домохозяйствах среднего размера (4 человека). Это означает, что их пенсии оказываются дополнительным весомым источником доходов в семье, перераспределяясь на остальных ее членов (таблица 3.5).

Таблица 3.5

Средний размер домохозяйств, в которых проживают различные категории бедных, панельная база РМЭЗ, 2011 г., %

Подгруппы бедного населения	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»
Несовершеннолетние	4,6	5,7
Совершеннолетние младше пенсионного возраста	4,1	4,3
Пенсионные возраста	3,7	2,3

Одновременно, как показал анализ, в хроническую бедность «по лишениям» попадают зачастую пенсионеры из домохозяйств маленьких размеров (среднее значение - 2,3 человека) и с относительно худшими показателями здоровья (60% всех хронически бедных пенсионеров в этой группе оценивают свое здоровье как «плохое» или «очень плохое», в то время как в бедности «по доходам» эта величина немногим более 40%). Таким образом, пенсионеры, проживающие отдельно от своих родственников, являются особой «группой риска». Доходы таких пенсионеров могут при этом формально превышать прожиточный минимум, не позволяя им претендовать на помощь от государства. В случае, если у пенсионеров из малых домохозяйств показатели здоровья плохие, их доходы не могут

скомпенсировать затраты на лечение, что в результате приводит их к хронической бедности «по лишениям».

В хроническую бедность вне зависимости от ее типа попадают при этом относительно чаще других категорий сельские дети (3/4 хронически бедных детей и в бедности «по доходам», и в бедности «по лишениям» проживают в селах или поселках городского типа). В хроническую бедность «по доходам» попадают при этом дети из семей как среднего, так и крупного размера (4-5 человек), в то время как в хроническую бедность «по лишениям» - дети из крупных семей (5-6 человек). Таким образом, *дети из крупных сельских семей находятся в наиболее уязвимом положении, в их домохозяйствах множественная депривация сопровождается многолетней нехваткой денежных средств* (более 90% бедных детей из группы хронической бедности «по лишениям» оказываются одновременно хронически бедными «по доходам»).

Стоит отметить в этой связи также, что дети из сельской местности в целом являются очень уязвимой категорией, так как с 2005 по 2011 гг. 95% из них хотя бы раз попадали в бедность «по доходам» и 60% - в бедность «по лишениям»⁴⁴. Очень важно добавить в завершение, что для сельских детей *риск бедности не просто велик, а чрезвычайно велик, так как 70% из них задерживаются в бедности «по доходам» более, чем на 4 года (причем практически у 12% сельских детей многомерная депривация сочетается с многолетней нехваткой денежных средств).*

Особенно стоит отметить, говоря о вопросах взаимосвязи возраста, состава домохозяйств и риска бедности, что повышенный риск бедности домохозяйств с детьми проявился и на данных длительной бедности. Так, половина представителей бездетных домохозяйств не попала в бедность как «по доходам», так и «по лишениям» (46 и 47%, соответственно) и

---

⁴⁴ Городские же дети обладают существенно меньшими рисками попасть в бедность (30% из них ни разу не попадали в бедность «по доходам», 80% - в бедность «по лишениям»).

лишь менее 1/5 каждой из групп попали в хроническую бедность (19 и 13%, соответственно). Качественно иные риски бедности несут домохозяйства с 2-3 детьми. Так, в бедность «по доходам» не попадают всего 10% домохозяйств с 2 детьми, а более половины представителей таких домохозяйств оказываются в хронической бедности «по доходам». Для домохозяйств с 3 детьми риски бедности «по доходам» еще выше – в хроническую бедность попадает более 80% из них. В бедности «по лишениям» риски для домохозяйств с детьми меньше. Так, представители домохозяйств без детей, или с 1 или 2 детьми, в половине случаев не попадают в бедность вообще. Домохозяйства с 3 и более детьми уже оказываются сильно уязвимы к бедности «по лишениям» - лишь четверть из них избегает бедности. Эти данные еще раз подтверждают тот факт, что наличие ребенка в домохозяйстве является фактором, существенно увеличивающим шансы домохозяйства попасть в бедность.

Подводя итог рассмотрению специфики бедности с точки зрения возрастного состава ее представителей, стоит отметить, что для бедности «по доходам» типичны средние домохозяйства чуть большего размера, чем для бедности «по лишениям» (при движении от ситуационной бедности к хронической средний размер первых увеличивается с 3,2 до 4,2 человек, вторых – с 3,1 до 3,7 человек). *При этом пенсионеры из малых домохозяйств, обладающие плохим здоровьем, и дети из сельской местности являются категориями высокого риска попадания в длительную бедность, причем первые в большей степени уязвимы к бедности «по лишениям» (что отражается и в восприятии их населением как требующей поддержки социальной группы), а вторые – при наличии у них высоких рисков попадания в бедность «по лишениям» все же наиболее чувствительны к рискам попадания в бедность «по доходам».*

В этой связи надо отметить также, что распределение бедных по типам поселений изменяется с увеличением длительности пребывания в

бедности ее представителей. Для жителей сельской местности бедность «по доходам» в большинстве случаев является многолетней проблемой, в то время как горожане справляются с ней более оперативно. Это легко объяснимо, так как городская местность представляет больше доступных рабочих мест. Длительность же пребывания в бедности «по лишениям», наоборот, слабо связана с тем в какой местности проживает бедный (группа бедных «по лишениям» практически одинаково распределена по всем типам поселений вне зависимости от длительности пребывания в ней).

Как говорилось ранее, отличительной чертой бедности «по лишениям» являются плохие показатели здоровья ее представителей, что особенно заметно на примере ее подгруппы, находящихся в группе хронической бедности, где доля оценивающих свое здоровье как «плохое» / «очень плохое», как и доля инвалидов, в три раза выше, чем в случае с бедностью «по доходам». Применительно к последней стоит отметить, что среди бедных «по доходам» четко прослеживается тенденция ухудшения показателей здоровья при движении от ситуационной бедности к хронической. Обратная тенденция (улучшение показателей здоровья) в бедности «по доходам» связана с тем, что состав этой группы при движении к хронической бедности меняется в сторону увеличения количества детей и молодежи, в то время как в бедности «по лишениям» по мере нарастания продолжительности пребывания в бедности увеличивается доля лиц пенсионных и предпенсионных возрастов. Плохие показатели здоровья также являются одной из ключевых особенностей нарастания рисков хронической бедности «по лишениям», так как влияют на структуру расходов ее представителей, что является одной из основных причин бедности такого типа (таблица 3.6).

Таблица 3.6

Взаимосвязь здоровья бедного населения и длительности пребывания в бедности, панельная база РМЭЗ, 2011 гг., % от групп бедного населения

Подгруппы бедного населения	Процент оценивающих свое здоровье как «плохое» или «очень плохое»		Процент оформивших инвалидность	
	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»
Ситуационная бедность	15,4	17,8	11,7	12,4
Зона риска хронической бедности	15,7	18,9	8,9	12,2
Хроническая бедность	10,8	30,0	4,7	14,7
Справочно: не попадающее в число бедных население	24,7	13,8	19,6	11,6

Рассмотрим, теперь, как изменяются особенности экономического поведения и положения представителей различных групп бедных, а также их ситуации на рынке труда в зависимости от длительности пребывания в бедности. В этой связи стоит сначала рассмотреть качество человеческого капитала бедных, различающихся сроками пребывания в бедности.

Если мы посмотрим на уровень образования людей старше 23 лет из разных групп, то заметно, что отличия бедных от небедного населения в этой области весьма существенны и лишь усиливаются с увеличением срока пребывания в бедности (таблица 3.7).

Таблица 3.7

Образовательный уровень представителей бедного населения старше 23 лет⁴⁵ в группах, различающихся длительностью пребывания в бедности, 2005-2011 гг., % от соответствующих групп

Подгруппы населения		Полное среднее	Неполное высшее и среднее специальное	Высшее
Бедные «по доходам»	Ситуационно бедные	44,5	31,2	24,3
	Зона риска хронической бедности	54,8	24,2	20,9
	Хронически бедные	67,6	22,1	10,3
Справочно: не попадающее в число бедных «по доходам» население		40,1	27,3	31,6
Бедные «по лишениям»	Ситуационно бедные	55,1	23,8	21,1
	Зона риска хронической бедности	63,9	22,4	13,7
	Хронически бедные	70,5	20,1	9,4
Справочно: не попадающее в число бедных «по лишениям» население		42,0	29,7	28,3

⁴⁵ Для рассмотрения выбраны респонденты старше 23 лет, так как к этому возрасту человек, обычно, уже имел возможность получить высшее образование.

Как видно из таблицы 3.7, различная длительность пребывания в бедности четко связана с уровнем образования ее членов, причем эта тенденция универсальна и не зависит от методики выделения бедного населения. Так, если в небедном населении практически треть имеет высшее образование и менее половины – не выше полного среднего, то в хронической бедности «по доходам» и «по лишениям» лишь около 10% имеют высшее образование, а от 2/3 до 3/4 этих групп не имеют образования выше полного среднего (68% и 71%, соответственно). Таким образом, *низкий уровень образования является одним из важных факторов риска попадания в хроническую бедность*. Чем хуже образование бедных, тем ниже их конкурентоспособность на рынке труда и их функциональная грамотность, что в целом влияет на возможности человека и приводит к длительной бедности.

Длительность пребывания в бедности имеет также сильную связь с уровнем занятости населения. Так, если рассмотреть всех трудоспособных старше 23 лет, то в небедном населении вне зависимости от методики выделения бедного населения более 80% имеют работу или находятся в оплачиваемом отпуске. В группах ситуационно бедного населения уровень занятости практически не отличается от небедного населения и составляет 73 и 84% у бедных «по лишениям» и бедных «по доходам», соответственно. *Качественным образом отличаются в этом отношении хронические бедные, среди которых в бедности «по доходам» и в бедности «по лишениям» работает лишь немногим более половины трудоспособных членов группы (56% и 57%, соответственно – при этом, как видим, существенных отличий между хроническими бедными «по доходам» и бедными «по лишениям» не наблюдается).*

Уровень заработных плат трудоспособных бедных «по доходам» и бедных «по лишениям»⁴⁶ практически не отличаются и демонстрирует очень схожие тенденции: *15-17 % хронически бедных в них получают заработ-*

---

⁴⁶ В данном случае рассматриваются трудоспособные старше 23 лет, чтобы минимизировать долю работающих учащихся.

ную плату ниже прожиточного минимума, в то время как в небедном населении обладатели столь низких заработных плат встречаются в 3-4 раза реже. Это, в свою очередь, означает, что, во-первых, хроническая бедность во многом предопределена уровнем заработных плат на тех рабочих местах, которые доступны ее представителям. Во-вторых, это означает, что к бедности «по доходам» приводит в четырех случаях из пяти наличие иждивенцев, в первую очередь, в виде несовершеннолетних детей, которые «не предусмотрены» в размере их заработной платы.

Завершая рассмотрение длительной бедности, рассмотрим профессиональный состав работающих бедных (таблица 3.8).

Таблица 3.8

Динамика профессионального состава бедных в группах, различающихся сроком пребывания в бедности (укрупненный классификатор ISCO-88, 2005-2011 гг.), %⁴⁷ от соответствующих групп

Подгруппы бедного населения		Профессионалы и руководители	Полупрофессионалы и клерки	Обслуживание и торговля	Рабочие
Бедные «по доходам»	Ситуационно бедные	17,2	27,2	12,6	42,9
	Зона риска хронической бедности	12,8	25,6	12,5	49,1
	Хронически бедные	6,3	29,9	10,5	53,3
Справочно: не попадающее в число бедных «доходам» население		24,4	24,0	9,6	42,0
Бедные «по лишениям»	Ситуационно бедные	13,9	30,6	13,5	42,1
	Зона риска хронической бедности	8,1	20,2	9,9	61,9
	Хронически бедные	9,5	18,4	12,0	60,1
Справочно: не попадающее в число бедных «по доходам» население		21,7	28,6	10,2	39,5

Как видно из таблицы 3.8, в целом по мере увеличения продолжительности пребывания в бедности происходит уменьшение доли руково-

⁴⁷ В группу «Профессионалы, руководители» объединены все руководители и профессионалы с высшим образованием, а также военные, сельскохозяйственные работники и работники рыбной промышленности с высшим образованием согласно классификатору ISCO-88, используемому в РМЭЗ. В группу «Полупрофессионалы и клерки» включены полупрофессионалы со средним специальным образованием, а также конторские служащие и работники, занятые обслуживанием клиентов. В группу «Рабочие» включены все рабочие независимо от их уровня квалификации и степени автоматизированности их труда. Кодировка осуществлялась в соответствии с перекодированным показателем ISCO-88 [Аникин, 2011]. Одна из наиболее важных особенностей перекодировки заключается в том, что в группу «профессионалы» относились только те рабочие позиции, на которых требовалось наличие высшего образования, что соответствовало логике разработчиков классификатора ISCO, но шло в разрез с техникой расчета показателей профессионального статуса, присутствующих в массивах данных РМЭЗ при открытии доступа к ним для исследователей.

дителей, профессионалов и полупрофессионалов и увеличение доли рабочих, причем для бедности «по лишениям» эта тенденция выражена относительно ярче.

Подводя итог рассмотрению особенностей групп, находящихся в длительной бедности, стоит отметить, что *вне зависимости от методики выделения бедного населения по мере увеличения срока пребывания в ней бедные «по доходам» и бедные «по лишениям» демонстрируют во многом схожие тенденции.* Так, у всех бедных понижается уровень жизни (усиливается депривированность бедных). *Схожие тенденции наблюдаются и в области структурных предпосылок бедности. Как бедные «по доходам», так и бедные «по лишениям» демонстрируют по мере нарастания длительности пребывания в бедности ухудшение показателей образования, занятости, уровня заработных плат, постепенное увеличение доли представителей рабочего класса.*

Значимые же отличия бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» на примере длительной бедности находятся, в первую очередь, в области социально-демографических факторов: возрастных особенностей, состава (в т.ч. доли иждивенцев) и размеров домохозяйств, а также местности проживания. Так, к хронической бедности «по доходам» чаще приводит повышенная иждивенческая нагрузка, преимущественно детьми, в то время как к хронической бедности «по лишениям» - возраст, плохое здоровье и измененная по этой причине структура расходов.

Таким образом, анализ бедности с точки зрения длительности пребывания в ней еще раз доказывает, что «абсолютный» и «относительный» подходы в ней выделяют в условиях российской действительности разные типы бедности с точки зрения уровня жизни бедных и факторов, оказывающих влияние на попадание в бедность. Однако, несмотря на их различия, выделенные в рамках этих подходов бедные все же имеют и схожие черты. Именно поэтому, для анализа этой неблагоприятной ча-

сти населения в целом в противовес более благополучной, в ходе исследования было принято решение наряду с их отдельным анализом также объединить бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» в одну группу и рассмотреть группу бедного населения в целом. Особенно важно это было для анализа динамики пребывания в бедности, так как две эти формы бедности («по доходам» и «по лишениям») зачастую перетекают во времени в российских условиях одна в другую, и именно комплексное рассмотрение их рисков для человека позволяет точнее диагностировать его место в социальной структуре общества.

Проведенный анализ показал оправданность такого методологического приема и продемонстрировал, что именно в полученной с его помощью группе хронической бедности проявляются наиболее характерные особенности российской бедности в целом. Это позволяет утверждать, что именно она является сегодня ядром реальной социальной группы бедных в российском обществе. Зона риска хронической бедности и ситуационная бедность в таком случае выступают ближней и дальней периферией этого ядра.

3.2 Состав и образ жизни подгруппы застойной бедности

Рассмотрим специфику длительной бедности на примере всего бедного населения, объединяющего в себе как бедных «по доходам», так и бедных «по лишениям». Для решения этой задачи выделим обобщенные группы, аналогичные предыдущим («ситуационная бедность», «зона риска хронической бедности», «хроническая бедность» и отдельно группа небедного населения), на основе пересечения рассмотренных ранее групп длительной бедности «по доходам» и длительной бедности «по лишениям» (рисунок 3.1).

Группа бедности		Бедные "по лишениям"			
Бедные «по доходам»	Длительность пребывания в группе	0 лет	1 год	2-3 года	4 и более лет
	0 лет	Небедное население			
	1 год	Ситуационная бедность			
	2-3 года	Зона риска хронической бедности			
	4 и более лет	Хроническая бедность			

Рисунок 3.1 – Схема выделения групп бедности в зависимости от длительности пребывания в ней респондентов.

Отдельно в группе хронической бедности была выделена группа застойной бедности - те, кто 4 и более лет пребывали и в бедности «по доходам», и в бедности «по лишениям». Как оказалось, *многолетняя депривация, совмещенная с многолетней нехваткой денежных средств, приводит не просто к глубочайшей бедности, но к формированию качественно новой социальной группы, напоминающей классический западный «андеркласс»*. Рассмотрим, в чем заключается специфика хронической бедности при объединении бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» и каковы ее масштабы в России.

Оказалось, что хотя бы раз, но имели опыт пребывания в бедности три четверти выборки РМЭЗ (таблица 3.9). Даже с учетом некоторого смещения выборки исследования «вниз», это позволяет утверждать, что более половины россиян имеют опыт пребывания в бедности в рассматриваемый промежуток времени.

Таблица 3.9

Численность групп, характеризующихся разными рисками хронической бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Подгруппы бедного населения		Бедные «по лишениям»				Всего
		Ни разу не были в бедности	Ситуационная бедность (1 год были бедными)	Зона риска хронической бедности (2-3 года были бедными)	Хроническая бедность (4 и более лет были бедными)	
Бедные «по доходам»	Ни разу не были в бедности	24,2	5,8	5,3	2,5	37,9
	Ситуационная бедность (1 год были бедными)	8,6	2,8	2,9	1,5	15,9
	Зона риска хронической бедности (2-3 года были бедными)	8,3	4,9	4,6	2,5	20,3
	Хроническая бедность (4 и более лет были бедными)	6,4	5,0	7,2	7,2 (застойная бедность)	26,0
Всего		47,5	18,7	20,1	13,7	100,0

Как видно из таблицы 3.9, 24% панельной выборки РМЭЗ ни разу не попадали в бедность за все 7 лет наблюдений, и еще 17% оказывались в бедственном положении лишь ситуационно (один раз). Вместе ситуационная бедность и небедное население составляют 42%. Хроническая бедность, представленная той долей населения, которая находится в наиболее тяжелых условиях, составила треть выборки (33%), а оставшиеся 26% - зона риска попадания в хроническую бедность. Из таблицы 3.9 также видно, что зона пересечения хронической бедности «по доходам» и хронической бедности «по лишениям» составляет 7%. Это немногим больше четверти первой из этих групп, и более половины второй.

Рассмотрим, что скрывают за собой выделенные таким образом подгруппы. *Первой отличительной чертой российской хронической бедности является проживание в домохозяйствах средних и больших размеров.* К выводу о роли размера домохозяйств для портрета российской бедности мы уже приходили выше, изучая зону пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям». С увеличением срока пребывания в бедности

также все чаще можно встретить крупные домохозяйства (таблица 3.10), что подтверждает *значимость этой социально-демографической особенности российских бедных как их сущностной характеристики.*

Таблица 3.10

Размер домохозяйств в различных группах населения, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., человек.

Размер домохозяйств	Небедное население	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность	Справочно: в т.ч. застойная бедность
Среднее значение	2,8	3,1	3,2	3,9	4,6
Медианное значение	3,0	3,0	3,0	4,0	4,0

Как видно из таблицы 3.10, самого большого по численности размера достигают домохозяйства хронически бедного населения (3,9 человек в среднем, 4 человека по медиане), в то время как в других группах общества медианное значение размера домохозяйств в 2011 г. равнялось 2. Застойная бедность демонстрирует усиление выявленной тенденции – здесь средний размер домохозяйств превышает 4,5 человека. Таким образом, большие домохозяйства выступают отличительной чертой хронически бедного населения в целом и застойной бедности, в частности, хотя это не исключает присутствия среди представителей хронической бедности и членов малых домохозяйств.

Динамика возрастного состава бедных семей в зависимости от сроков пребывания в бедности демонстрирует две взаимосвязанные тенденции. Во-первых, *с увеличением срока пребывания в бедности происходит постепенное уменьшение доли представителей в ней предпенсионных и пенсионных возрастов.* Так, среди тех, кто ни разу не попадал в бедность за 7 лет, средний возраст составлял 52 года, в то время как с ростом длительности пребывания в бедности он сокращался до 42 лет. Аналогичное сокращение можно наблюдать и в медианном показателе: 56 лет и 44 года, соответственно. Во-вторых, *для домохозяйств, пребывающих в бедности более длительный промежуток времени, характерна большая доля несо-*

вершеннолетних детей. Однако из этой общей тенденции выпадает группа застойной бедности, где доля детей по сравнению с остальными бедными очень мала, несмотря на то, что сами домохозяйства достаточно велики. Это вновь заставляет вспомнить об анализе портрета зоны пересечения групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» в целом – как там было показано, для представителей самой тяжелой формы бедности, где многомерная депривация сочетается с очень низкими текущими доходами, также характерна пониженная доля детей. Таким образом, две выделенные по разным методикам формы наиболее тяжелой бедности (наиболее глубокая текущая бедность и застойная длительная бедность) демонстрирует ряд общих закономерностей, отличающих их от других форм бедности, в том числе – и других форм хронической бедности. В этой связи стоит отметить, что на микроуровне эти группы совпадают, и зону пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» из года в год составляли в основном представители застойной бедности (от 3/4 группы в 2005 г. до 4/5 группы в 2011 г.). Однако обратное утверждение будет неверным - группа застойной бедности намного шире зоны пересечения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», и в ней от 40% до 20% (в 2005 г. и 2011 г., соответственно) составляли представители из этой зоны.

Таблица 3.11

Возрастные характеристики групп, различающихся длительностью пребывания в бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Возраст членов домохозяйств	Небедное население	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность	Справочно: застойная бедность
Средний возраст по группе	52,1	47,3	47,0	42,0	42,5
Медианный возраст по группе	56,0	50,0	50,0	44,0	44,0
Справочно: Показатели по несовершеннолетним детям					
Доля несовершеннолетних, %	8,4	11,0	10,7	16,0	9,7
Средний возраст детей	11,4	11,3	12,2	12,2	14,0
Медианный возраст детей	12,0	11,0	13,0	12,0	16,0

Возвращаясь к выводу о детях, стоит отметить. Что, как видно из таблицы 3.11, в целом отличия по возрасту детей между анализируемыми группами невелики, если не считать высокой доли детей среди представителей хронической бедности. Однако на этом общем фоне выделяется застойная бедность, где детей не только заметно меньше, чем в остальных группах общества, но также и возраст их максимален. Исходя из показателей среднего возраста по группе в целом и доли детей мы можем сделать вывод, что *группа застойной бедности не просто представлена преимущественно людьми средних возрастов с небольшой долей пенсионеров и детей, т.е. людей по большей части трудоспособных возрастов, но что дети всё в меньшей степени характерны для её состава, они как бы выходят из этой группы.* И анализ данных массивов РМЭЗ за разные годы подтверждает этот вывод, как и тот факт, что в составе застойной бедности постепенно становится всё меньше пенсионеров.

Рассмотренные выше социально-демографические особенности группы застойной бедности (многочисленность домохозяйств, малое и всё уменьшающееся количество в них детей и пенсионеров, концентрация этих домохозяйств в средних возрастах) ставят вопрос о том, каков же состав с точки зрения их структуры этих домохозяйств.

Для детального анализа структуры крупных домохозяйств группы застойной бедности на фоне остальных групп нами были отобраны все домохозяйства, состоящие из 4 и более человек, которых в общей сложности оказалось 54, и в которых проживало в общей сложности 284 человека. Большие домохозяйства для детального рассмотрения были выбраны по той причине, что именно их состав вызывает особенный интерес в силу малого количества пенсионеров и несовершеннолетних в их составе.

Как оказалось, большие домохозяйства делятся на две группы – домохозяйства из 4-5 человек, зачастую двухпоколенные, и домохозяйства более чем из пяти человек, обычно трехпоколенные и имеющие более сложную структуру. В домохозяйствах из 4 и 5 человек половину составляли семейные пары с детьми (как младше, так и старше 18-ти лет), либо

родственники одного поколения (зачастую родные братья и сестры) с детьми, причем не все дети были рождены в текущих на момент опроса браках. Вторая половина домохозяйств этого размера включала в себя многопоколенные семьи, где к семейным парам с родными или неродными детьми добавлялись родственники третьего поколения – внуки, бабушки или дедушки.

Домохозяйства же большего размера (из 6 и более человек) обычно объединяли несколько семейных пар с детьми - братья/сестры со своими брачными партнерами, детьми и родителями, - то есть они всегда были широкие и многопоколенные. Лишь в двух случаях встретились многодетные семейные пары с 5 детьми (причем все дети были несовершеннолетними). Таким образом, застойная бедность характеризует сегодня домохозяйства, в которых *в силу структурных ограничений или осознанного выбора* совместно проживают сразу несколько семей и поколений. Сестры и братья, вырастая, не обзаводятся собственным жильем, продолжают жить в родительских домах, куда приводят своих супругов и в которых создают свои семьи, при этом относительно чаще не регистрируя свои браки. Домохозяйства меньшего размера из этой группы, впрочем, тоже демонстрируют похожие тенденции: взрослые совершеннолетние дети в них продолжают жить с родителями.

Исходя из этого анализа составов домохозяйств видно, что *застойная бедность связана не с трудностями рождения большого количества детей или ухода за широким кругом пожилых людей. Она скорее отражает определенный жизненный уклад, включая высокие показатели незанятости, занятие низкоквалифицированных рабочих мест, вызванное низкими показателями образования, а также совместное проживание нескольких семей и поколений, с высокой долей незарегистрированных браков.*

Особенности места проживания различных групп бедных демонстрируют яркую тенденцию смещения всех групп наиболее неблагополучного населения в сельскую местность (таблица 3.12). Наиболее сильно смещена в сельскую местность застойная бедность.

Таблица 3.12

Место жительства групп, различающихся рисками хронической бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Тип поселения	Небедное население	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность	Справочно: застойная бедность
Областной центр	44,4	38,7	25,6	14,4	13,1
Город	32,8	36,6	28,6	20,9	14,3
ПГТ	3,8	6,2	8,0	10,5	7,6
Село	19,0	18,6	37,8	54,2	65,0

Небедное население, как и большинство попадавших в бедность лишь один раз за рассматриваемый семилетний промежуток, чаще всего (в 3/4 случаев) проживало в городской местности. Группа риска хронической бедности представлена городскими жителями уже лишь наполовину, в то время как группа хронически бедных уже на 2/3 представлена жителями села и ПГТ. Еще ярче эта тенденция прослеживается в группе застойной бедности, которая состоит из них на 3/4, в том числе на 2/3 - из сельских жителей. Сельский образ жизни отчасти объясняет ранее рассмотренные особенности состава домохозяйств из этой группы, хотя и в селах подавляющее большинство все-таки живут иначе.

Еще одним достаточно ярким отличием бедного и особенно хронически бедного населения является его слабая экономическая активность (таблица 3.13).

Таблица 3.13

Занятость представителей разных групп российского общества, различающихся рисками хронической бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Статус занятости представителей различных возрастных категорий	Небедное население	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность	Справочно: застойная бедность
Все лица старше 18 лет, имеют работу	48,3	55,4	44,9	43,3	38,8
Все лица старше 18 лет, не имеют работы	51,7	44,6	55,1	56,7	61,2
<i>Отдельно трудоспособные:</i>					
Трудоспособные, имеют работу	80,2	83,1	68,3	55,3	45,8
Трудоспособные, не имеют работы	19,8	16,9	31,7	44,7	54,2
<i>Отдельно пенсионеры:</i>					
Пенсионеры, имеют работу	20,4	17,8	13,8	10,1	5,4
Пенсионеры, не имеют работы	79,6	82,2	86,2	89,9	94,6

Наименее экономически активными являются представители застойной бедности, где более половины трудоспособных членов группы (т.е. не имеющих инвалидности лиц трудоспособного возраста) не работают. Однако и хронические бедные в целом также оказываются слабо активными по сравнению с периферией группы бедного населения и тем более с небедным населением. Для относительно благополучной части населения (небедное население и ситуационная бедность) незанятость в трудоспособных возрастах является нетипичным явлением – менее 20% трудоспособных не имеют работы. В зоне риска хронической бедности уже треть людей трудоспособного возраста не имеют работы, а в хронической бедности этот показатель стремится к половине группы. Аналогичную динамику мы видим и на примере пенсионеров: в небедном населении четверть всех пенсионеров трудоустроены, в застойной бедности – около 5%.

В этой связи возникает вопрос, какова профессиональная структура работающих бедных? Прежде всего, стоит отметить невысокую долю в составе хронически бедных профессионалов и руководителей – 8% при относительно высокой доле полупрофессионалов и клерков - 26% (таблица 3.14).

Таблица 3.14

Динамика профессионального состава трудоспособных 18 лет и старше из групп населения, различающихся рисками хронической бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Профессиональные группы ⁴⁸	Небедное население	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность	Справочно: застойная бедность
Профессионалы и руководители	26,2	20,8	13,2	7,6	6,3
Полупрофессионалы и клерки	25,4	30,1	24,3	26,3	25,0
Обслуживание и торговля	8,7	11,9	11,7	11,3	10,0
Рабочие	39,6	37,2	50,7	54,8	58,8

Велика среди хронических бедных и доля рабочих (55%). Особенно велика (59%) доля рабочих в той составляющей 7% населения группе застойной бедности, где длительная многомерная депривация сопровожда-

⁴⁸ Группы были выделены на основе укрупнения кодов профессионального статуса по классификатору ISCO-88, используемому в РМЭЗ.

ется столь же длительными низкими текущими доходами. Как видно из таблицы 3.14, доля профессионалов и руководителей при переходе от группы небедного населения к хронической и застойной бедности существенно снижается (в 4 раза). Они замещаются рабочими и работниками торговли и сферы обслуживания – то есть теми профессиональными статусами, которые требуют существенно худшего качества человеческого, социального и культурного капиталов для устройства на работу, что подтверждается, в частности, и данными об уровне образования бедного населения (таблица 3.15)

Таблица 3.15

Образовательный уровень трудоспособных 18 лет и старше из групп населения, различающихся рисками хронической бедности, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Уровень образования	Небедное население	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность
Неоконченное среднее	5,9	6,2	11,7	18,1
Среднее	35,4	35,9	44,8	48,5
Среднее специальное	28,3	29,7	23,7	22,3
Высшее	30,4	28,3	19,8	11,1

Как видно из таблицы 3.15, наихудшие показатели по уровню образования у представителей хронической и особенно застойной бедности. В числе первых не имели в 2011 г. даже законченного среднего образования среди лиц старше 18 лет 18%, а среди вторых – 21%. В числе тех, кто ни разу за 2005-2011 гг. не оказывался в числе бедных, их доля была втрое ниже. В группах риска хронической бедности и собственно хронической бедности в 1,5-3 раза меньше была доля лиц с высшим образованием, чем среди благополучного населения, а в группе застойной бедности доля лиц с высшим образованием составляла по данным РМЭЗ в 2011 г. вообще всего 5% при 30% среди небедных. Таким образом, уровень образования бедного населения также демонстрирует тенденцию к уменьшению с увеличением длительности пребывания в бедности.

Подведем краткие итоги. Рассмотрение группы бедного населения с точки зрения длительности пребывания в бедности показало, что *при переходе от небедного населения к группе застойной бедности происходит изменение базовых характеристик групп – идут процессы смещения из городской местности в сельскую, увеличения размера семей, уменьшения доли пенсионеров, уменьшения доли занятых, снижения уровня образования и постепенного смещения профессиональных позиций с «белых воротничков» к физическому труду.* Так, небедное население преимущественно проживает в городской местности (3/4 группы), небольшими семьями (преимущественно в 3 человека), с большей долей пенсионеров, демонстрирует высокие показатели занятости (почти 9/10 трудоспособных и 1/4 пенсионеров имеют работу), занимают преимущественно позиции белых воротничков (почти 1/3 группы) и относительно более образованы (практически 1/3 лиц старше 23 лет имеют высшее образование). Противоположную картину демонстрируют представители застойной бедности: они проживают преимущественно в селах (2/3 группы), большими семьями (среднее значение достигает показателя 4,6 человек), практически без пенсионеров и детей и демонстрируют очень низкие показатели занятости (менее 1/2 людей трудоспособного возраста и 5% пенсионеров имеют работу, причем более 1/3 всех работающих в этой группе – разнорабочие) и уровня образования (2/3 не имеют образование выше полного среднего). Представители ситуационной бедности очень схожи с небедным населением и характеризуются чуть меньшим уровнем образования, немного меньшей долей профессионалов и полупрофессионалов и чуть более широкими домохозяйствами. Это подтверждает, что группу ситуационно бедных следует относить скорее к небедному населению.

3.3 Проблема «входа» в бедность и «выхода» из нее

Показатель длительности пребывания в бедности, при всей его важности все же не в полной мере раскрывает особенности социальной мобильности бедного населения. Так, например, пребывание в бедности 4 и более лет может скрывать в себе разные жизненные истории: непрерывное пребывание в бедности на протяжении, например, 4 лет в начале рассматриваемого промежутка, с выходом из бедности без дальнейшего возвращения в нее; постоянное нестабильное положение домохозяйства с плавающей бедностью; стабильный вход в бедность, если из 7 рассматриваемых лет домохозяйство провело в бедности лишь последние 4 года. Рассмотрим внутреннюю неоднородность российской бедности с этой точки зрения, тем более что наличие данных о попадании в ту или иную группу бедности за каждый год в промежутке с 2005 по 2011 гг. позволяет проследить не только общее количество лет пребывания в бедности из 7 анализируемых, но, кроме того, и специфику жизненных траекторий отдельных домохозяйств и индивидов. Это значит, что мы можем выявить, у каких индивидов уровень жизни не ухудшался, а только улучшался из года в год, кто из них смог покинуть группу бедного населения и больше не возвращался в бедность, чье положение наоборот стремительно ухудшалось, чье положение постоянно сменялось от бедности к благополучию и обратно, образуя «мигающую» бедность, а кто вообще ни разу не попадал в бедность.

Исходя из этой логики вся выборочная совокупность была поделена на несколько групп, и это была еще одна классификация, которая использовалась нами для анализа неоднородности российской бедности.

В качестве критерия для выделения групп мы использовали количество лет пребывания в бедности и особенности статуса во времени. Полученная классификация включила в себя 6 групп:

1. Небедное население (те, кто ни разу не попал в бедность на протяжении всех 7 лет) - 24 %;
2. Ситуационная бедность (те, кто однократно попал в группу бедного населения) - 17 %;
3. Выход из бедности (те, кто на протяжении последних лет не попадал в бедность, но ранее был бедным⁴⁹) - 16 %;
4. Вход в бедность (те, кто на протяжении 3 последних лет подряд и более пребывал в бедности, а до того был небедным) – 2%;
5. Нестабильная бедность (те, чье положение постоянно менялось с небедного на бедное) – 9%;
6. Стагнирующая бедность (те, кто пребывал в бедности на протяжении всех 7 лет) – 32%.

При такой методике выделения группы небедного населения и ситуационной бедности остаются неизменными по численности и составу (24,2 и 17%, соответственно), что естественно, учитывая особенности методологии их выделения. По этой причине сосредоточимся ниже только на группах № 3-6. Среди представителей этих четырех групп⁵⁰ доля стабильно улучшавших свое положение составила чуть больше четверти (28%), доля тех, чье положение стабильно ухудшалось – менее 5%; а доля представителей мигающей бедности, составляла 16%. Все остальные бедные составили группу стагнирующей бедности, объединяющей половину всех, неоднократно оказывавшихся в период 2005-2011 г. в бедности. Данная группа практически полностью совпадает с группой хронически бедного населения, портрет которой был детально рассмотрен ранее.

Интерес с точки зрения поиска факторов риска бедности и способов борьбы с ней представляют, в первую очередь, те бедные, которые стабильно улучшали или ухудшали свое положение, а также группа мигаю-

---

⁴⁹ В группе объединены все случаи исключительно положительной динамики уровня жизни с последующим выходом из бедности. Таким образом, в группе оказались все бедные, кто от 1 до 5 последних лет из рассматриваемого семилетнего промежутка не возвращался в бедность.

⁵⁰ Ниже взят процент от всех бедных, попадающих в группы № 3-6, а не от населения страны, отчего данные не совпадают с представленными выше в описании групп.

щей бедности. Рассмотрим особенности этих групп по сравнению с небедным населением, а также с группами ситуационной и стагнирующей бедности. Первые отличия прослеживаются на возрастных составах групп (таблица 3.16).

Таблица 3.16

Возраст представителей групп населения, характеризующихся различной динамикой уровня жизни, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Возраст респондентов	Небедные	Ситуационная бедность (1 год)	Стабильный "выход" из бедности	Стабильный "вход" в бедность	Мигающая бедность	Стагнирующая бедность
Детей младше 18 лет	8,5	11,0	9,9	13,2	10,0	16,7
Трудоспособных	43,1	51,5	49,3	52,6	55,3	62,0
Пенсионеров	48,3	37,5	40,7	34,2	34,7	21,3

Как видно из таблицы 3.16, группа стабильно выходящего из бедности населения включает в себя наибольшее количество людей пенсионного возраста и наименьшее количество детей младше 18 лет, что сближает ее с портретом небедного населения. Группа стабильно входящего в бедность населения, напротив, имеет относительно высокую долю детей в своем составе, что принципиально отличает нынешнюю ситуацию от ситуации 10-15-летней давности.

Весомые отличия между группами бедных с разной жизненной траекторией прослеживаются и при изучении особенностей территориальной локализации бедного населения (таблица 3.17)

Таблица 3.17

Распределение по типам поселения представителей групп населения, характеризующихся различной динамикой их положения, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Тип поселения	Небедные	Ситуационная бедность (1 год)	Стабильный "выход" из бедности	Стабильный "вход" в бедность	Мигающая бедность	Стагнирующая бедность	Справочно: Все население в РМЭЗ
Сельский	22,1	24,3	46,3	36,8	50,7	64,6	42,8
Городской	77,9	75,7	53,7	63,2	49,3	35,4	57,3

Как видим, группы мигающей и стагнирующей бедности, а также стабильно выходящего из бедности населения, оказываются смещенными в сельскую местность больше, чем население в целом. Однако при этом важно отметить и новую тенденцию последних лет - та часть населения, которая неуклонно «скатывается» в бедность на протяжении нескольких лет подряд, практически на две трети представлена городскими жителями. Учитывая тот факт, что в выборку РМЭЗ попадают только те респонденты, которые имеют прописку и, соответственно, место жительства, это означает, что данная тенденция не связана с процессом «раздувания» городов нелегальными мигрантами, имеющими заведомо более низкий уровень жизни, а также бомжами и т.п.. Этот факт особенно интересен, если учесть, что стагнирующая бедность на две трети сконцентрирована в сельской местности. Таким образом, пополнение бедного населения в последние годы идет в большей степени за счет ухудшения положения городских жителей, нежели сельских, хотя в бедность в целом и наиболее тяжелые ее формы в частности пока по-прежнему концентрируются все-таки в сельской местности.

Интересен и тот факт, что ряды бедного населения последние 2-5 лет пополняют достаточно образованные по сравнению с другими бедными люди (таблица 3.18)

Таблица 3.18

Образовательный уровень трудоспособных старше 23 лет из групп, характеризующихся различной динамикой их положения, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Уровень образования	Небедные	Ситуационная бедность (1 год)	Стабильный "выход" из бедности	Стабильный "вход" в бедность	Мигающая бедность	Стагнирующая бедность	Справочно: Все население
Неоконченное среднее	19,4	17,3	29,5	20,3	22,3	26,6	23,1
Оконченное среднее	23,1	29,1	32,0	34,4	39,8	41,8	32,8
Неоконченное высшее	27,3	30,0	21,8	21,9	23,0	21,6	24,7
Оконченное высшее	30,2	23,6	16,7	23,4	14,8	10,0	19,4

Как видно из таблицы 3.18, у представителей группы входящих в бедность уровень образования выше, чем у всего остального бедного населения, пребывающего в бедности более 1 года, но несомненно ниже, чем у небедного населения.

Это, естественно, ставит вопрос об особенностях занятости этого неблагополучного населения. В этой связи нужно прежде всего подчеркнуть, что анализ бедного населения с точки зрения различий в их жизненных траекториях подтверждает сделанный нами выше вывод - бедные являются менее экономически активным вне зависимости от возраста. Однако при этом между выделенными по их социальной мобильности группами прослеживаются достаточно сильные отличия. Так, если среди представителей трудоспособных возрастов из благополучного населения и ситуационной бедности доля неработающих не превышает 1/5, то для стабильно входящих в бедность россиян она составляет уже около трети, а для мигающей и стагнирующей бедности приближается к половине группы.

Отличается, и весьма существенно, и уровень заработных плат представителей этих групп (таблица 3.19).

Таблица 3.19

Уровень заработных плат по основному месту работы у трудоспособного населения из групп, характеризующихся различной динамикой их положения, панельная база РМЭЗ, 2005-2011 гг., %

Размер заработных плат	Небедные	Ситуационная бедность (1 год)	Стабильный "выход" из бедности	Стабильный "вход" в бедность	Мигающая бедность	Стагнирующая бедность	Справочно: Все население по РМЭЗ
Менее 1ПМ	2,1	7,9	6,8	12,5	10,2	14,8	9,4
От 1 до 1,5ПМ	12,4	14,5	13,3	10,0	13,3	11,4	12,6
От 1,5 до 2ПМ	10,6	16,2	14,4	17,5	7,2	7,7	10,9
Выше 2ПМ	74,9	61,4	65,4	60,0	69,3	66,1	67,1

Как видно из таблицы 3.19, члены группы стабильно выходящих из бедности чаще имеют более высокие доходы, чем все остальные бедные, причем доля членов группы с заработными платами менее 1 прожиточного

минимума в ней в 1,5-2 раза меньше, чем у других бедных (за исключением группы ситуационной бедности).

Интересно отметить также, что большинство работающих представителей бедного населения (приблизительно 2/3 в каждой из рассматриваемых групп бедных и 3/4 группы небедного населения) имеют заработные платы выше 2 прожиточных минимумов. Факт нахождения их при этом в бедности может объясняться высокой иждивенческой нагрузкой незанятыми трудоспособными среди бедных, о которой говорилось ранее, а также спецификой их расходов с учетом места проживания, здоровья членов домохозяйств и т.п.

Подводя краткие итоги рассмотрению групп бедных, различающихся динамикой уровня жизни, мы можем выделить некоторые черты «входящих» в бедность и успешно «выходящих» из бедности россиян. По состоянию на 2011 г. российская бедность пополнялась по большей части за счет городских жителей, чаще предпенсионных и пенсионных возрастов, с относительно худшими показателями здоровья и относительно более высоким уровнем образования по сравнению с другими бедными. Эти же риски бедности мы описывали ранее при рассмотрении группы бедных «по лишениям». Впрочем это не удивительно, так как данная группа из года в год пополнялась бедными «по лишениям» относительно чаще, чем другие группы. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что *специфика расходов пожилого населения с плохими показателями здоровья проживающего в городе такова, что не позволяет им поддерживать минимально приемлемый образ жизни.*

Хотя состав «входящих» в бедность россиян в относительно большей степени представлен бедностью «по лишениям», однако около половины этой группы представлено все-таки бедностью «по доходам» (которая, впрочем, как отмечалось выше, тоже часто ведет со временем в попадание в бедность «по лишениям» вне зависимости от пребывания в бедно-

сти «по доходам»). Напомним – для неё характерна высокая доля детей, не удивительно, что и для скатывающегося в бедность населения типичной чертой является относительно более высокая, чем в других группах, доля детей. Таким образом, *портрет скатывающегося в бедность населения подтверждает уже упоминавшийся ранее факт того, что рождение ребенка является достаточно большим риском, увеличивающим вероятность попадания в бедные слои населения.*

Итак, иждивенческая нагрузка детьми, проживание в городе, предпенсионный и пенсионный возраста, а также плохие показатели здоровья оказываются с годами все более значимыми факторами риска, увеличивающими вероятность попадания в бедность. Ослабевание же этих факторов (взросление детей, их выход в самостоятельную жизнь, улучшение здоровья и т.д.) способствует общему улучшению положения домохозяйств и постепенному выходу из бедности. Это демонстрируют отличительные черты выделенной группы выходящих из бедности – наименьшая среди всех бедных доля лиц предпенсионных и пенсионных возрастов, а также несовершеннолетних, их относительно более высокие показатели здоровья.

3.4 Факторы риска бедности с учетом ее гетерогенности

Как было показано выше, при любом способе выделения групп бедного населения наиболее сильные расхождения, определяющие типичные черты их портретов, были замечены в показателях здоровья, местности проживания, возрастном составе, составе домохозяйств и особенностях профессионально-должностной структуры и образовательного уровня. Проверим с помощью регрессионного анализа, являются ли данные показатели «факторами риска» бедности или нет. Используем для этого регрессионный анализ (логит-регрессия).

Зависимыми переменными являлись две выделенные группы бедного населения - бедные «по доходам» и бедные «по лишениям». Так как принадлежность к первой или второй группе кодируется дихотомической переменной, где наличие признака (попадание в группу бедного населения) кодируется как «1», а его отсутствие (попадание в небедное население) – как «0», то наиболее подходящим, на наш взгляд, видом регрессионного анализа являлась в данном случае логит-регрессия.

Этот тип регрессионного анализа позволяет выяснить, насколько увеличится вероятность наступления некоторого события (в нашем случае попадания в группу бедного населения) при сравнении респондентов, которым присущи различные характеристики в рамках одного регрессора (независимой переменной). Так, например, если регрессором выступает возраст респондента, то регрессионную модель стоит интерпретировать следующим образом: «насколько вероятность попасть в группу бедных у ребенка или человека трудоспособного возраста выше или ниже, чем у пенсионера?». Для нашего анализа в качестве независимых переменных были отобраны те, которые в ходе исследования специфики российской бедности выступали как наиболее яркие черты двух выделенных групп, практически все из которых (за исключением размера заработной платы) были ранговыми, а также пол респондентов, который в нашем исследовании был относительно менее значим, но традиционно учитывается при анализе бедности. В итоге набор использованных при анализе переменных выглядел следующим образом:

- местность проживания (крупный город / небольшой город / поселок городского типа / сельская местность);
- возраст респондента (младше трудоспособного / трудоспособный / старше трудоспособного);
- пол респондента (мужской / женский);
- состав домохозяйства: неполное с детьми младше 18 лет (дихотомическая переменная);

- состав домохозяйства: нуклеарная семья с детьми в возрасте до 3 лет (дихотомическая переменная);
- оценка своего здоровья как плохого или очень плохого (дихотомическая переменная);
- наличие инвалидности (дихотомическая переменная);
- незанятость по причине тяжелого заболевания (дихотомическая переменная);
- незанятость (дихотомическая переменная);
- уровень образования (неоконченное среднее / полное среднее / среднее специальное / высшее);
- уровень заработной платы по отношению к величине прожиточного минимума (ниже 1 ПМ / от 1 до 1,5 ПМ / от 1,5 до 2 ПМ / выше 2 ПМ).

Регрессионный анализ проводился в несколько этапов, на каждом из которых в модель включались разные наборы регрессоров. Для проверки качества регрессионной модели использовались тесты на мультиколлинеарность и LR-тест, показывающий, насколько улучшается модель (насколько увеличивается процент объясненной дисперсии зависимой переменной) при добавлении каждой последующей переменной.

Для улучшения качества модели регрессионный анализ проводился с использованием поправки на кластеризацию выборки, так как особенность исследования РМЭЗ заключается в том, что объектом ее исследования выступают не отдельные индивиды, а целые домохозяйства. Последнее означает, что несколько респондентов обладают одними и теми же характеристиками и без поправки на кластеризацию выборки по этому признаку регрессионный анализ может переоценить или недооценить значимость регрессоров. Регрессоры принимались на 90%, 95% и 99%- ном уровнях доверительного интервала.

Итогом регрессионного анализа стало получение нескольких моделей для каждой из двух рассматриваемых групп (т.е., для бедных «по до-

ходам» и бедных «по лишениям»), которые демонстрируют роль различных факторов риска попадания в бедность этих двух типов.

Сначала рассмотрим, какие факторы влияют на попадание в бедность «по доходам» (таблица 3.20).

Таблица 3.20

Регрессионная модель факторов риска бедности «по доходам», коэффициенты значимости и стандартные отклонения, 2011 г⁵¹.

	Модель №1	Модель №2	Модель №3	Модель №4
Факторы риска бедности				
Проживание в небольшом городе		0.473***	0.458***	0.687**
Проживание в поселке городского типа		1.750***	1.718***	0.458
Проживание в сельской местности		1.531***	1.392***	1.369***
Возраст младше трудоспособного			0.146	0.0241
Проживание в нуклеарной семье с детьми до 3 лет	1.436***			
Мужской пол		-0.0333	0.00302	
Наличие инвалидности	2.384***	1.183***	1.378***	2.370***
Самооценка здоровья как плохого или очень плохого	0.127	0.372**	0.349**	0.164
Отсутствие работы из-за серьёзного заболевания			-0.401	
Незанятость на рынке труда независимо от её причин	0.380	-0.195*	-0.184*	0.229
Полное среднее образование	0.261	0.225	0.230	0.345
Среднее специальное образование		0.670***	0.710***	
Ребенок, проживающий в сельской местности	1.549***	0.160	0.407**	1.397***
Респондент является ребенком из сельской семьи, в которой есть неработающие трудоспособные	0.808***	0.192	0.484***	0.766**
Респондент является ребенком из неполной семьи	0.529*	-0.107	0.185	0.455
Трудоспособный возраст	-7.38e-05**			-6.07e-05*
Размер заработной платы ниже 1 ПМ	1.049**			0.803
Размер заработной платы от 1 до 1,5 ПМ	0.637			0.607
Размер заработной платы от 1,5 до 2 ПМ	0.602			0.636*
Заработная плата (центрированный показатель)	-0.760***			-0.606
Пенсионный возраст			-1.132***	
Респондент является пенсионером и не имеет работы		-0.277	-0.323	
Константа	-4.531***	-2.166***	-2.421***	-3.679***
Тест на чувствительность (Sensitivity test)	15.0900	27.1500	29.4100	21.3800
Вероятностная доля ошибки (Prob > chi2)	0.4582	0.1196	0.1250	0.2262

Как видно из таблицы 3.20, результатом регрессионного анализа для бедных «по доходам» стало построение 4 моделей. При одновременном

⁵¹ *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

тестировании всех перечисленных ранее факторов риска бедности в регрессионной модели (модель №4), значимыми оказались только характеристики местности проживания, состава домохозяйств, возраста, уровня образования и заработной платы. Таким образом, в соответствии с моделью №4, наибольший риск оказаться в бедности «по доходам» характеризует людей, проживающих в небольших городах и сельской местности, имеющих образование не выше полного среднего и проживающих в неполных семьях с несовершеннолетними детьми. Наступление пенсионного возраста, в рамках этой модели, оказывается наоборот положительным фактором, уменьшающим вероятность попадания в данную группу, так как оно влечет за собой появление стабильного дохода в виде государственных пенсий, которые оказываются существенным источником доходов, причем не только респондента, но и домохозяйства в целом. Положительно влияет на сокращение рисков бедности «по доходам» и среднемесячный размер заработной платы (который в модели имеет отрицательное значение, что означает, что увеличение размера заработной платы постепенно снижает вероятность попадания в бедность).

Однако, более детально факторы риска бедности «по доходам» раскрываются при построении не одной, а нескольких регрессионных моделей, отличающихся различным набором независимых переменных и также представленных в таблице 3.20. Так, первая модель характерна для людей трудоспособных возрастов. В соответствии с этой моделью одновременное проявление таких факторов, как плохое образование и маленькая заработная существенно повышают вероятность попасть в бедность «по доходам» для человека трудоспособного возраста. Причем, трудоустройство на позиции рабочего в небольших городах является рациональным, так как именно такая занятость уменьшает вероятность попадания в бедность согласно этой модели, хотя для крупных городов этого эффекта не наблюдается.

Отдельно выделилась и группа факторов, свойственная преимущественно лицам пенсионных возрастов (модель №2). Так, одновременное

влияние таких факторов, как пенсионный возраст, незанятость, плохое здоровье и тот факт, что респондент является женщиной, при прочих равных увеличивает шансы попасть в бедность «по доходам». Возможно скажется то, что среди одиноких пенсионеров старших возрастов с плохим здоровьем преобладают именно женщины.

Также стоит отметить, что существуют некоторые стабильные факторы, которые не зависят от наличия или отсутствия других факторов и при любых жизненных ситуациях оказывают пагубное влияние, увеличивая вероятность попадания в бедность. Такими факторами являются проживание в неполном домохозяйстве с несовершеннолетними детьми, а также тип местности проживания. Интересно отметить, что проживание в любом населенном пункте оказывает значимое положительное влияние. Это означает, что в любом типе местности существуют категории лиц, для которых велика вероятность попасть в бедность «по доходам» и при одновременном проявлении с каким-то другим фактором может оказывать значимое влияние. Убирание же этих переменных из анализа качественно ухудшает объяснительную способность моделей, что еще раз подчеркивает сложность причин бедности «по доходам».

Последняя модель №3 демонстрирует то, что иждивенческая нагрузка одновременно пенсионерами и детьми также оказывается значимым фактором риска.

Таким образом, регрессионный анализ показывает, что основными рисками бедности «по доходам» являются местность проживания, иждивенческая нагрузка детьми и пенсионерами (в случае, если последние не имеют работы), тем более в неполных семьях, а также низкий уровень образования и заработной платы (для лиц трудоспособных возрастов). Это именно те факторы, механизм действия которых проанализирован нами в предыдущих разделах диссертации применительно к бедности «по доходам».

В случае с бедностью «по лишениям» задача выявления факторов риска является менее тривиальной, а регрессионные модели при различ-

ных наборах независимых переменных оказываются «слабыми» - процент объясненной ими дисперсии зависимой переменной в подавляющем большинстве случаев не превышает 10% (таблица 3.21).

Таблица 3.21

Регрессионная модель факторов риска бедности «по лишениям», коэффициенты значимости и стандартные отклонения, 2011 г.⁵².

	Модель №2	Модель №3	Модель №4	Модель №5
Факторы риска бедности				
Проживание в небольшом городе		0.174	0.180	-0.613*
Проживание в поселке городского типа		0.131	0.106	-0.820
Проживание в сельской местности		0.529***	0.476***	0.0888
Возраст младше трудоспособного			-0.654**	0.810
Проживание в нуклеарной семье с детьми до 3 лет	0.401			
Мужской пол		0.603*	0.527	
Наличие инвалидности	1.521**	0.740*	0.971*	1.576**
Самооценка здоровья как плохого или очень плохого	0.653*	0.0123	0.0116	0.665*
Отсутствие работы из-за серьезного заболевания			-0.178	
Незанятость на рынке труда независимо от ее причин	-0.182	-0.257**	-0.259**	-0.241
Полное среднее образование	0.339	0.584***	0.553***	0.335
Среднее специальное образование		0.405***	0.513***	
Ребенок, проживающий в сельской местности	1.232***	0.912***	0.935***	1.113***
Респондент является ребенком из сельской семьи, в которой есть неработающие трудоспособные	0.554*	0.816***	0.729***	0.478
Респондент является ребенком из неполной семьи	0.683**	0.706***	0.624***	0.690**
Трудоспособный возраст	-3.96e-05			-4.67e-05
Размер заработной платы ниже 1 ПМ	0.828*			0.646
Размер заработной платы от 1 до 1,5 ПМ	0.358			0.312
Размер заработной платы от 1,5 до 2 ПМ	0.0160			-0.0538
Заработная плата (центрированный показатель)	0.141			0.668*
Пенсионный возраст			-0.389	
Респондент является пенсионером и не имеет работы		-0.0310	-0.148	
Константа	-3.339***	-2.776***	-2.676***	-2.711***
Тест на чувствительность (Sensitivity test)	0,0000	0,0000	0,0000	0.8100
Вероятностная доля ошибки (Prob > chi2)	0.0000	0.0400	0.1356	0.0001

Наиболее типичными факторами риска в данном случае являются плохие показатели здоровья (как по собственной оценке, так и объективно в виде наличия инвалидности). Плохое здоровье вне зависимости от присутствия других факторов увеличивает шансы респондента попасть в бед-

⁵² *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

ность «по лишениям» и оказывается ее типичной чертой. Фактор территориальной локализации, в отличие от бедности «по доходам», оказывается, наоборот, не столь значимым. Немного увеличивает шансы попасть в бедность только проживание в сельской местности (но в общей модели этот фактор оказывается незначимым даже на 90% доверительном интервале). Как и в бедности «по доходам», риски бедности заметно выше для детей.

Сам по себе пенсионный возраст, несмотря на высокую долю пенсионеров в группе бедных «по лишениям», не является фактором риска, что легко объяснимо. Так как 3/4 всех пенсионеров страны не попадают ни в какую группу бедного населения, то очевидно, что сам по себе пожилой возраст не является первопричиной бедности оставшейся четверти пенсионеров. Причина бедности пенсионеров кроется в иных факторах – наличии в их домохозяйстве иждивенцев (детей / инвалидов или незанятых трудоспособных), низком образовательном уровне трудоспособных в домохозяйстве, плохом здоровье кого-то из их членов и других. Именно это демонстрируют регрессионные модели №2 и №3. Роль и механизм действия этих факторов мы уже анализировали в предшествующих разделах диссертации.

Заключение.

Группа бедного населения⁵³ является в России очень неоднородной и обладает сложной внутренней структурой. Ядро этой группы составляют те ее представители, которые находятся в бедности на протяжении длительного промежутка времени (4 года и более), т.е. хронически бедные. Длительное пребывание в бедности приводит к истощению ресурсов человека (экономического, социального, человеческого и других), в результате чего бедные закрепляются на своей статусной позиции, а барьеры на вы-

---

⁵³ В данном случае под бедным населением понимается обобщенная группа. Включающая как бедных «по доходам», так и бедных «по лишениям».

ход из группы и возвращение к предыдущему уровню жизни возрастают. Пребывание в бедности в течение 2-3 лет еще не ведет к необратимым последствиям, однако уже существенно сказывается на возможностях бедных по изменению своего положения и их уровне жизни.

Изучение группы бедного населения с точки зрения длительности пребывания в ней показало, что использование этого критерия позволяет выделить достаточно гомогенные по образу жизни и качеству обладаемых ресурсов подгруппы, которые являются реальными, а не статистическими группами. В их числе: ядро группы бедного населения, для которого типичным образом жизни выступает многолетнее пребывание в бедности (в нашем случае это было 4 и более лет пребывания в бедности) и численность которого составляет около трети населения страны, ближняя периферия этого ядра (2-3 года пребывания в бедности), около четверти населения, дальняя его периферия (разовое попадание в бедность за 7-летний рассматриваемый промежуток) (17%). При переходе в анализе от небедного населения к группе хронической бедности происходит постепенное изменение базовых характеристик образа и уровня жизни представителей различных подгрупп бедных – смещение из городской местности в сельскую, увеличение размера семей, уменьшение доли пенсионеров и занятых, снижение уровня образования и постепенное смещение профессиональных позиций с «белых воротничков» к позициям рабочих.

В последние годы на базе хронической бедности начала формироваться особая группа, по ряду признаков напоминающая андеркласс. Представители этой группы не только претерпевают множественные и различные по характеру лишения, но и ведут нетипичный для остального населения страны образ жизни. Они проживают преимущественно многопоколенными и широкими домохозяйствами, зачастую не регистрируют свои брачные союзы. На рынке труда они наименее конкурентоспособны, так как обладают наиболее скудным человеческим потенциалом, в резуль-

тате чего половина представителей этой группы, находящихся в трудоспособном возрасте, просто не выходят на работу. Если учесть, что доля детей и пенсионеров в этой подгруппе меньше, чем во всех остальных подгруппах бедного населения, последний штрих к ее портрету оказывается очень показательным. Данную подгруппу нельзя назвать ядром группы бедного населения России, так как она демонстрирует нетипичные для бедных в целом признаки. Скорее речь может идти применительно к ней о формировании на базе глубокой и многолетней бедности такого ранее нехарактерного для России явления как андеркласс, который требует к себе особого внимания и отдельного изучения.

Причины тяжелого положения бедных различаются в зависимости от того, о каком типе бедности идет речь – бедности «по доходам» или бедности «по лишениям». Так, к бедности первого типа чаще приводят такие причины как: рождение детей и в целом присутствие детей в домохозяйстве, отказ от выхода на работу, низкий уровень образования и проживание в неполной семье (особенно с детьми). Бедные такого типа чаще проживают в сельской местности.

Отчасти на специфике этой группы бедных сказывается, впрочем, то, и что в методике расчета прожиточного минимума Росстатом⁵⁴ все еще не учитывается тот факт, что уровень жизни в разных типах поселений различается и использование одной и той же величины ПМ для, например, Омска и села из Омской области, приводит к тому, что в числе бедных окажется достаточно сильный «недобор» городских жителей. По этой причине бедные «по доходу» чаще встречаются в сельской местности.

Другая группа причин бедности, характерная в большей степени для бедных «по лишениям», связана с проживанием преимущественно в городской местности, пожилыми возрастными и плохим здоровьем. Предста-

---

⁵⁴ Для сопоставимости результатов анализа с государственной статистикой и в силу отсутствия необходимых для этого данных, не учитывали в своей методике выделения бедных «по доходам» и мы.

вители этой группы, несмотря на относительно более высокий уровень доходов (как минимум, превышающий прожиточный минимум) и более высокую активность на рынке труда испытывают многомерную депривацию.

Как показало исследование, две описанные подгруппы бедного населения (бедные «по доходам» и «по лишениям») с годами все меньше пересекаются между собой, хотя положение представителей каждой из них достаточно тяжелое. По этой причине использование только одной из двух базовых теоретико-методологических концепций для анализа и понимания бедности в качестве основной представляется невозможным – ведь оно и приводит к потере значительной части бедного населения, как предмета анализа.

Исследование показало также, что хотя группа бедного населения России является на сегодняшний день гетерогенной и имеет сложную структуру, но несмотря на эту неоднородность, в целом работающие российские бедные, в рамках какого бы теоретико-методологического подхода мы их не выделяли, являются с точки зрения занимаемых ими структурных позиций достаточно целостной группой. В своем подавляющем большинстве, если они работают, то занимают рабочие места, предполагающие низкую квалификацию и низкую заработную плату, причем уровень их квалификации в целом соответствует этим рабочим местам.

Это свидетельствует о том, что проблема бедности в России – это сегодня проблема, прежде всего, рынка труда, который устроен таким образом, что на нем велика доля низкооплачиваемых видов занятости, которые, с одной стороны, не спасают от бедности, если в семье нет более эффективных работников, а с другой – дестимулируют представителей многих бедных домохозяйств в поиске работы. Специфика незанятости бедных, в том числе - и уровня образования незанятых среди них, говорит о целесообразности в целях борьбы с бедностью реформирования в первую очередь именно рынка труда и расширения предложения рабочих мест в

малых и средних поселениях, а не системы социальных пособий. Совершенствование же системы социальных пособий и повышение доступности социальных услуг может быть значимо в первую очередь для семей с детьми и пенсионеров, особенно проживающих в крупных городах, где стоимость жизни относительно выше.

Список использованной литературы.

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001, №2
2. Александрова А.Л., Гришина Е.Е. Городская бедность в России и социальная помощь городским бедным: Аналитический доклад. – М.: Фонд «Институт экономики города». 2004.
3. Аникин В. А. Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994-2006 гг. (по материалам RLMS). *Мир России: Социология, этнология*. 2009. Т. 18.
4. Аникин В.А. Российский работник: образование, профессия, квалификация / Под общ. ред.: Р. И. Капелюшников, В. Е. Гимпельсон. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011
5. Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни – СПб, Алетейя, 2000. – 437с. Раздел «Пространство публичного и сфера частного» // http://onrevolution.narod.ru/arendt/vita_activa2.htm. Обращение к ресурсу 10.2010-12.2010
6. Астоянц М. Политический дискурс о сиротстве в советский и постсоветский период: социальная интеграция или социальное исключение? // *Исследования социальной политики*, 2006 №4.
7. Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // *Социологические исследования*, 2003, №7.
8. Балабанова Е.С., Балабанов А.С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы // *Экономическая социология*, 2003, №4.
9. Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография. – М., 1998. – 282 с. – (Науч. Докл. Центр Карнеги; Вып. 24).
10. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // *Социологические исследования*, 2006, №7.
11. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни. *Мир России*. 2012, №2.
12. Богатые и бедные в современной России // *Социс*. 2004. № 3. С. 15-42.
13. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*, 2000, №3-4.
14. Буравой М. За публичную социологию. *Общественная роль социологии* / Под ред. П.Романова, Е.Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008.
15. 3. Бурдяк А.Я., Попова Д.О. Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области // *SPERO*. № 6. Весна-
16. Бутенко И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных // *социологические исследования*, 1998, №7.
17. Вебер М. Основные понятия стратификации. // *Социологические исследования*. 1994, №5.
18. Волков В. *Общественность: забытая практика гражданского общества. "Pro et Contra"* Том 2, 1997 год, № 4
19. Волчкова Л.Т., Вера Николаевна Минина Стратегии социологического исследования бедности // *социологические исследования*, 1999б №1.

20. Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
21. Гордон Л.А., Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность, 2001, №3.
22. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004, №3.
23. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: учебное пособие для вузов. – 7-е изд. – М.:КДУ, 2005.
24. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88-96.
25. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности. // http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/03/02/0000205329/012-Davydova_N.M.pdf.
Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
26. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования, 2003, №6.
27. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования, 2004, №3.
28. Движение против бедности. Официальный сайт // <http://www.protivbed.ru/> Обращение к ресурсу 03.2010-05.2010
29. Дергунова Н.В. Дискуссия о бедности // Социологические исследования, 2007, №10.
30. Елецкая М.А., Отношение к богатству и бедности современных россиян // Социологический журнал, 2009, №2
31. Жвйтиашвили А.Ш., Андеркласс на Западе: дискуссии и реальность // Общественные науки и современность, 2008, №3.
32. Жуковская Ю.О Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал исследований социологии и социальной антропологии, 2008, №2.
33. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества. Куда идет Россия?... Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. - 3. М.: 1996.
34. Карабчук Т.С., Соболева Н. Э., С., Пашинова Т. Р. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ. Мир России, 2013, Т. 22, № 1., 155-175 с.
35. Карабчук Т.С. Непостоянная занятость и социальная стратификация. Социологический журнал. 2009, №3.
36. Ключевский В.О. История сословий в России. Курс читанный в Московском университете в 1886 году. Изд. Третье. Литературно-Издательский Отдел Комиссариата Народного Просвещения. Петроград, 1918. // http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_ist_sosloviy.html Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
37. Колеников С.О. Прикладной эконометрический анализ в статистическом пакете STATA: В 2 ч. / С.О. Колеников. М.: Росийская экономическая школа, 2001. 2 ч.
38. Конвенция МОТ № 82. О социальной политике на территориях вне метрополии, Женева, 1955. (http://www.conventions.ru/view_base.php?id=265)
39. Конвенция МОТ № 117. Об основных целях и нормах социальной политики, Женева, 1964. (http://www.conventions.ru/view_base.php?id=295)

40. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Региональные программы социальной поддержки многодетных семей: что знает о них население // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 67–84.
41. Крыштановский А.О. Анализ социологических данных. М.:ИД ГУ ВШЭ, 2006
42. Линднер П. Репродукционные круги богатства и бедности в сельских прочности // социологические исследования, 2002, №1.
43. Митинг против бедности в Иркутске // Сайт института «Коллективное действие» // <http://www.ikd.ru/node/11067> Обращение к ресурсу 05.2010-05.2010
44. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой. М.: НИСЦ, 2007. С. 411–420.
45. Овчарова Л.Н. Доходы и социальные услуги, неравенство, уязвимость, бедность. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2005.
46. Овчарова Л.Н., Бедность в России. Мир России. 2001. №1.
47. Овчарова Л.Н. Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? // Мир России. 2008. № 2. с. 41-68
48. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт М.: М -Студио, 2009.
49. Овчарова Л.Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, Москва, 2011 г.
50. Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15-38
51. Осколкова О.Б. Бедные дети богатой Америки // Социологические исследования, 2003. №2. А.А. с. 78-86
52. Пишняк А.И., Попова Д.О. Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // SPERO. 2011. № 14. С. 57-78.
53. Понарин Э.Д. Отзыв на конференцию «Бедность в локальном измерении» // Сайт фонда официальной поддержки социальных исследований Хамовники // http://www.khamovniki.com/activities/analysis/comment_ponarin/ Обращение к ресурсу 03.2010-05.2010
54. Причины и масштабы распространения (исследовательский проект) // Экономическая социология, 2001, №3.
55. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996.
56. Разумов А.А. «Работающие бедные в России» (2002 год) и «Бедность в современной России» (в соав-торстве, 2007 год), в которых заложены основы теории работающих бедных для условий современной России.
57. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация в России. // Социологические исследования. 2004. №4.
58. Родионова Г. Сельская бедность в Таджикистане и проекты развития // Исследования социальной политики, 2007 №2.
59. Российский статистический ежегодник 2007. М.: Росстат. 2007.

60. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. Под ред. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. М.: Наука, 2004.
61. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
62. Сидорова В.А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // Социологические исследования. 2004. № 7, с. 83-94
63. Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях. Социология: 4М. 2011. №33.
64. Смирных Л.И. Нестандартные трудовые договоры и уровень жизни работников. Уровень жизни населения регионов России. 2011, №12.
65. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992.
66. Сурков С. В. Региональные адресные программы поддержки бедного населения: влияние финансовых и экономических институтов // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 187–204.
67. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства. // Общественные науки и современность. 2004. №4.
68. Тихонова Н.Е. Низшие классы в России: теоретические и методологические предпосылки анализа // Общественные науки и современность №4, 2010
69. Тихонова Н.Е. Особенности российского низшего класса // Общественные науки и современность №5, 2010
70. Тихонова Н.Е. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. / под ред. М.К.Горшкова, Н.Е. Тихоновой – М.: Наука, 2004. – 259 с.
71. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007
72. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. – М.: Летний сад, 2003.
73. Трахтенберг А. Д. Рунет как "публичная сфера": хабермасианский идеал и реальность // Политэкс // <http://www.politex.info/content/view/232/30/> Обращение к ресурсу 04.2011
74. Хабермас Ю. От критической теории к теории коммуникативного действия. // http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=9205&p_page=3 Обращение к ресурсу 04.2011
75. Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества. // Социологические исследования, 1994. №3
76. Чернина Н.В. Социальные проблемы безработных (Новосибирская область). // Социологические исследования. 1996. №11.
77. Шевяков А. Неравенство и бедность: причины и пути преодоления существующих диспропорций // ИНДЕКС №21 // <http://index.org.ru/journal/21/shev21.html>
78. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
79. Ярошенко С.С. «Бедность в постсоциалистической России» (2005)
80. Ярошенко С.С. 2010. Новая бедность в России после социализма // Laboratorium. 2010. №. 3. С. 42-72 (в т.ч. на сайте: <http://www.soclabo.org>)

81. Ярошенко С.С. Бедные люди: мир любви и сексуальности // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под ред. Здравомысловой Е., Роткирх А. и Темкиной А. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009
82. Ярошенко С.С. 2006. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социс. 2006. No. 7. С.34-42
83. Ярошенко С.С. 2006. Локальные контексты глобальной проблемы феминизации бедности // Глобализация и гендерные отношения: вызовы для постсоветских стран / Отв. ред. Л.Н. Попкова. Фонд Г. Белля: Издательство "Самарский университет"
84. Ярошенко С.С. 2005. Бедность в постсоциалистической России. // Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН
85. Ярошенко С.С. (в соавторстве с Оберемко О.А.) 2002. Трансформация социальной структуры // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт Социологии РАН
86. Ярошенко С.С. Бедные северного села трансформирующейся России. // Экономическая социология, 2001, №5.
87. Alkire, S. and Foster, J. E. (2009). Counting and Multidimensional Poverty Measurement (Revised and Updated). OPHI Working Papers 32, Queen Elizabeth House, University of Oxford.
88. Bendix R., Lipset S.M. "Karl Marx" theory of social classes // Class, status and Power. Social stratification in comparative Perspective. Ed.by R. Bendix, S.M. Lipset. L.: Routledge & Kegan Paul LTD, 1967.
89. Callan T., Nolan B., Whelan C. Resources, deprivation and the measurement of poverty//J. of Social Polisy. – 1993. - №22 (© Cambrige University Press).
90. EEC (1985) On specific community action to combat poverty (Council Decision of 19 December 1984) 85/8/EEC, Official Journal of the EEC, 2/24
91. Fassin D. Exclusion, underclass, marginalidad: Figures contemporaines de la pauvreté urbaine en France, aux Etats-Unis et en Amerique latine. // Revue française de sociologie, Vol. 37, No. 1 (Jan. - Mar., 1996) // <http://www.jstor.org/stable/3321945>. Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
92. Goldthorpe J. The economic basis of social class (conference on 'Frontiers of Social and Economic Mobility') // Center of the study of enequality, Cornell Univercity, March 27-29, 2003.
93. Goldthorpe J.H. Rent, Class Conflict, and class structure: A commentary on Sorensen. // An American Journal of Sociology. May 2000.
94. <http://www.kodeks.ru/noframe/com-pus-FullLegRF?d&nd=901973923&prevDoc=901747802>. Обращение к ресурсу 09.2010-02.2011
95. Lewis O. "Culture of Poverty," in On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences, ed. Daniel Patrick Moynihan (New York: Basic Books, 1968)
96. Loewenstein G. The New Underclass: A Contemporary Sociological Dilemma // The Sociological Quarterly, Vol. 26, No. 1 (Spring, 1985), pp. 35-48. // <http://www.jstor.org/stable/4106174> Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
97. Mack J., Lansley S. Poor Britain. - London: George Allen and Unwin, 1985

98. Massey D.S. Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass. // The American Journal of Sociology, Vol. 96, No. 2 (Sep., 1990), pp. 329-357 // <http://www.jstor.org/stable/2781105> Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
99. Myrdal G. Challenge to affluence. Random House. New York, 1963
100. Nathan R.P., Institutional Change and the Challenge of the Underclass. Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 501, The Ghetto Underclass: Social Science Perspectives (Jan., 1989), pp. 170-181. // <http://www.jstor.org/stable/1045657> Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
101. Ovcharova L., Popova D., Pishnyak A. I. New measures supporting families with children: improving living standards and raising birthrates? An analysis of the maternity and child support measures introduced in 2007 in the Russian Federation. M.: UNISEF, 2007
102. Oppenheim C., Harker L. Poverty: the Facts. L., 1996.
103. Ricketts E.R., Mincy R.B. Growth of the Underclass: 1970-80 // The Journal of Human Resources, Vol. 25, No. 1 (Winter, 1990), pp. 137-145. // <http://www.jstor.org/stable/145731> Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
104. Rolison, Gary L. "An Exploration of the Term Underclass as it relates to African Americans." // Journal of Black Studies // Volume 21, Number 3 (March 1991): 287-301.
105. Rowntree B., Kendall Мю How the Laborer Lives. London, Thomas Nelson and Sons, 1913.
106. Townsend P. Deprivation. - Journal of Social Policy, Volume 16, part 2, April 1987.
107. Townsend, P. Meaning of Poverty // The British Journal of Sociology, . 2010. 61. P.: 85–102.
108. Weber M., Class, Status, Party. / Class, Status and power. Social stratification in comparative Perspective. Ed.by R. Bendix, S.M. Lipset. L.: Routledge & Kegan Paul LTD, 1967.
109. Weber M., The distribution of Power: / Class, status, party. Classes, power and conflict. Classical and Contemporary debates. Ed. By Giddens A. and Held D. Macmilan education LTD, 1988.
110. Wilson W.J. Social Research and the Underclass Debate // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences, Vol. 43, No. 2 (Nov., 1989), pp. 30-44. // <http://www.jstor.org/stable/3824749> Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
111. Wilson W.J. The Underclass: Issues, Perspectives, and Public Policy. Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 501, The Ghetto Underclass: Social Science Perspectives (Jan., 1989), pp. 182-192. // <http://www.jstor.org/stable/1045658> Обращение к ресурсу 10.2009-03.2010
112. Wright E. Class, Exploration, and economics Rents: Reflections on Sorensen's "Sounder Basis". // American Journal of Sociology, Vol. 105, №6, May 2000.
113. Wright E.O. (ed.). The Debate on Classes. L.: Verso, 1990.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Список регионов, вошедших в исследование

1. Санкт-Петербург
2. Москва
3. Московская область
4. Республика Коми
5. Ленинградская область
6. Смоленская область
7. Тверская область
8. Тульская область
9. Калужская область
10. Нижегородская область
11. Чувашская республика
12. Пензенская область
13. Липецкая область
14. Тамбовская область
15. Республика Татарстан
16. Саратовская область
17. Волгоградская область
18. Кабардино-Балкарская Республика
19. Ростовская область
20. Краснодарский край
21. Ставропольский край
22. Челябинская область
23. Курганская область
24. Удмуртская Республика
25. Оренбургская область
26. Пермская область
27. Томская область
28. Новосибирская область
29. Алтайский край
30. Красноярский край
31. Владивосток
32. Амурская область

Приложение 2. Группировка регионов, выделенных в рамках абсолютного и относительного подходов к бедности

1. Группа.

Республика Коми: Усинск и Усинский р-н

Республика Коми: Сыктывкар

Объединены в регион "Республика Коми"

2 Группа.

Саратов и Саратовский р-н

Саратовская область: Вольский горсовет и Вольский р-н

Объединены в регион "Саратовская Область"

3 Группа.

Краснодар

Краснодарский край: Куцевский р-н

Объединены в регион "Краснодарский Край"

4 Группа.

Челябинск

Челябинская область: Октябрьское и Октябрьский р-н

Объединены в регион "Челябинская область"

5 Группа.

Алтайский край: Бийск и Бийский р-н

Алтайский край: Курьинский р-н

Объединены в регион "Республика Алтай"

6 Группа.

Красноярский край: Красноярск

Красноярский край: Назарово и Назаровский р-н

Объединены в регион "Красноярский Край"

Приложение 3. Частота использования терминов, касающихся проблемы бедности, в заголовках научных публикаций.

Таблица П 1

Частота использования терминов, касающихся проблемы бедности, в заголовках научных публикаций

Рассматриваемый журнал	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Власть	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0
журнал иссл. Социологии и социальной антропологии	0	0	1	0	0	0	0	2	1	0	0	1
исследования социальной политики	-	-	-	-	-	0	1	0	2	1	3	0
история и современность	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	0
Интер	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Общественные науки и современность	0	0	0	3	1	1	0	0	0	0	2	0
социологические исследования	1	1	2	0	2	2	6	2	2	1	1	0
социологический журнал	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	1
социологическое обозрение	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0
социология 4м	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0
экономическая социология	-	-	3	5	0	1	1	0	0	0	0	0
Все журналы	2	1	7	9	5	4	8	4	6	2	6	2

Таблица П 2

Общее количество публикаций, включающих в своих заголовках термины, касающиеся проблематики бедности

Рассматриваемый журнал	количество публикаций
социологические исследования	20
экономическая социология	10
Исследования социальной политики	7
Общественные науки и современность	7
журнал иссл. Социологии и социальной антропологии	5
социологический журнал	5
социология 4м	2
Власть	0

история и современность	0
Интер	0
социологическое обозрение	0

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Власть														
журнал иссл. Социологии и социальной антропологии			1					1						
исследования социальной политики								1	1	1	2	1		
история и современность											1			
Интер														
Общественные науки и современность				3		1					1	1		
социологические исследования	1	1	2	1	2	1	6	2	2	1	1		2	
социологический журнал	1			1								1		
социологическое обозрение														
социология 4м					1				1					
экономическая социология			1	5			1							

График П 1 - Совокупная таблица упоминаний терминов в заголовках (Где следующие заливки цветом соответствуют следующим сочетаниям в словах: коричневый – наличие слов, содержащих в себе «бедн» / «зщмуке», красное – «андеркл»/»undercl», оранжевое – «деприв»/»depriv», Желтое – «эксклюз»/»exclus»/«исключ»

Приложение 4. Полный список научных публикаций⁵⁵, посвященных проблеме бедности, вышедших в 1998-2009 гг.⁵⁶

1. Бутенко И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных // социологические исследования, 1998, №7.
2. Шурыгина И.И. Бедность и квартирный вопрос // социологический журнал, 1998, №3-4.
3. Волчкова Л.Т., Вера Николаевна Минина Стратегии социологического исследования бедности // социологические исследования, 1999б №1.
4. Бернер Э. Глобализация, несостоятельность рынка и стратегии самостоятельного решения жилищных проблем городской беднотой: уроки Филиппин (пер. с англ. О.В. Шипиловой) // журнал иссл. Социологии и социальной антропологии, 2000, №4.
5. Иноземцев В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // социологические исследования, 2000, №8.
6. Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования, 2000, №8.
7. Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Экономическая социология, 2000, №1.
8. P. Abrahamson Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность, 2001, №2.
9. Гордон Л.А., Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность, 2001, №3.
10. Шурыгина И.И. Культурные ресурсы и культурный капитал новых бедных // Общественные науки и современность, 2001, №5.
11. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал, 2001, №1.
12. Петрова Л. Е. «Новые бедные» ученые: жизненные стратегии в условиях кризиса // Экономическая социология, 2001, №1.
13. Причины и масштабы распространения (исследовательский проект) // Экономическая социология, 2001, №3.
14. Масштабы бедности женщин в Республике Беларусь: многокритериальная оценка // Экономическая социология, 2001, №4.
15. Рощина Я.М. «Бедность, этничность и пространственные изменения в Восточной и Центральной Европе» // Экономическая социология, 2001, №4.
16. Ярошенко С.С. Бедные северного села трансформирующейся России. // Экономическая социология, 2001, №5.
17. Линднер П. Репродукционные круги богатства и бедности в сельских прочности // социологические исследования, 2002, №1.

---

⁵⁵ В список вошли только те публикации, названиях которых присутствовали слова, содержащие в себе следующие сочетания букв: «бедн» / «povert», «андеркл» / «undercl», «Деприв» / «depriv», «экслюз» / «exclus» / «исключ» в хронологическом порядке.

⁵⁶ Список составлен в хронологическом порядке выхода в свет публикаций.

18. Сидорова Н.И. Налоговый потенциал в решении проблем бедности // социологические исследования, 2002, №10.
19. Сычева В.С. Бедность и ее измерение // Социология 4М, 2002, №14.
20. Тихонова Н.Е. Специфика семейного положения и семейных ролей женщин из бедных слоев городского населения бедных // Общественные науки и современность, 2003, №5.
21. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования, 2003, №6.
22. Осколкова О.Б. Бедные дети богатой Америки // Социологические исследования, 2003, №2.
23. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004, №3.
24. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования, 2004, №3.
25. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения ("социальное дно") // Социологические исследования, 2004, №4.
26. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003 // Социологические исследования, 2004, №7.
27. Сидорова В.А. Влияние адресной социальной политики на изменение уровня, глубины и остроты бедности // Социологические исследования, 2004, №7.
28. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Миграция бедности : масштабы, воспроизводство, социальный спектр
29. Костырко А.А. Влияние реформы жилищно-коммунального хозяйства на потребительские и трудовые стратегии бедных России // Экономическая социология, 2004, №2.
30. Самойлова Н.А., Стрижакова О.Н. Богатство и "бедность": контрасты полярных пространств города // Журнал исследований социологии и социальной антропологии, 2005, №4.
31. Чинакова Л.И. Об отличительных признаках бедности и нищеты // Социологические исследования, 2005, №1.
32. Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования, 2005, №7.
33. Раунд Д. Конструирование феномена "бедности" в постсоветской России // Исследования социальной политики, 2006 №3.
34. Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования, 2006, №7.
35. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования, 2006, №7.
36. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология 4М, 2006, №22.
37. Родионова Г. Сельская бедность в Таджикистане и проекты развития // Исследования социальной политики, 2007 №2.
38. Дергунова Н.В. Дискуссия о бедности // Социологические исследования, 2007, №10.
39. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Социальная политика: бедность, здоровье и качество // Исследования социальной политики, 2008 №3.

40. Тукумцев Б., Бедность и нищета работников промышленного производства // Исследования социальной политики, 2008 №3.
41. Овчарова Л., Бедность и экономический рост в России // Исследования социальной политики, 2008 №4.
42. Шипилов А.В., О бедности и богатстве (Некоторые факты из истории русской литературы) // Общественные науки и современность, 2008, №5.
43. Ярмиев М.З. Репрезентация бедности как социальной проблемы в российских СМИ // Социологические исследования, 2008, №4.
44. Елецкая М.А., Отношение к богатству и бедности современных россиян // Социологический журнал, 2009, №2

Эксклюзия

45. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000, №3-4.
46. Тихонова Н.Е., Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность, 2002, №6.
47. Ярошенко С.В. Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения // Социологический журнал, 2002, №3.
48. Шмидт В., Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Исследования социальной политики, 2004 №4.
49. Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социологические исследования, 2004, №7.
50. Шманкевич Т., Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности // Журнал исследований социологии и социальной антропологии, 2005, №4.
51. Шабаев Ю.П., Завьялова Л., Ковалев В.А. Социальное исключение и его преодоление: психосоциологический аспект // Журнал исследований социологии и социальной антропологии, 2006, №3.
52. Астоянц М., Политический дискурс о сиротстве в советский и постсоветский период: социальная интеграция или социальное исключение? // Исследования социальной политики, 2006 №4.
53. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Реформы и социальное исключение // Исследования социальной политики, 2007 №4.
54. Жуковская Ю.О Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал исследований социологии и социальной антропологии, 2008, №2.
55. Студенна М. Проблема социальной эксклюзии в постиндустриальном обществе на примере польских и украинских центров угольной промышленности // История и современность, 2009,

Депривация

56. Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социологические исследования, 2003, №7.

57. Балабанова Е.С., Балабанов А.С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы // Экономическая социология, 2003, №4.
58. Моррис Л. Понятие underclass'a проблемы // Экономическая социология, 2000, №1.
59. Coping behaviour in the post-communist Russia: social and economic strategies of the underclass (исследовательский проект) // Экономическая социология, 2000, №1.
60. Жвиташвили А.Ш., Андеркласс на Западе: дискуссии и реальность // Общественные науки и современность, 2008, №3.

Приложение 5. Контекст, в котором проблематика бедности фигурирует в посланиях Президента Федеральному Собранию.

Таблица П 3

Контекст упоминаний терминов с корнем «бедн» в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ

Год	Кол-во упоминаний	Точная цитата из текста послания.
1998	1	Пора переходить от слов к делу в вопросе об обеспечении настоящей адресности социальной помощи. Для этого появилась хорошая законодательная база - 1 января 1998 года вступил в действие Федеральный закон о прожиточном минимуме. Теперь есть четкий критерий того, что понимать под бедностью . Задача Правительства - дополнить этот Закон конкретными решениями по перестройке всей системы государственной социальной помощи так, чтобы бюджетные ресурсы были сосредоточены прежде всего на поддержке действительно нуждающихся.
1999	0	
2000	1	Нынешняя система социальной поддержки, основу которой составляют безадресные социальные пособия и льготы, устроена так, что расплывает государственные средства, позволяет богатым пользоваться общественными благами за счет бедных . Формально бесплатное образование и здравоохранение фактически платны и порой недоступны для малообеспеченных, детские пособия мизерны и не выплачиваются годами, пенсии скудны и не привязаны к реальному трудовому вкладу
2001	0	
2002	1	Наш ответ – конечно же, нет, еще раз нет. Для "головокружения от успехов" нет никаких оснований. Экономические проблемы России - накопленные в предыдущие десятилетия, десятилетия стагнации и кризисов - нигде не делись. Бедность хотя и отступила - только немножко отступила, - но продолжает мучить еще 40 миллионов наших граждан. В последние годы экономического роста нам удалось разве что не увеличить отставание от других стран.
2003	3	Хочу сказать - это не так. Мы стоим перед лицом серьезных угроз. Наш экономический фундамент, хотя и стал заметно прочнее, но все еще неустойчив и очень слаб. Политическая система развита недостаточно. Государственный аппарат малоэффективен. Большинство отраслей экономики неконкурентоспособны. При этом численность населения продолжает падать. Бедность отстывает крайне медленно. Международная обстановка остается сложной. Конкуренция в мировой экономике не снижается.<...> Еще раз подчеркну: Россия заинтересована в устойчивом и предсказуемом миропорядке. Только он способен обеспечить глобальную и региональную стабильность, и в целом политический и экономический прогресс. Будет способствовать борьбе с бедностью в мире - это одна из важнейших задач. <...> И потому в числе важнейших наших задач, я сегодня уже говорил об этом и повторю, считаю следующие: увеличение валового внутреннего продукта в два раза; преодоление бедности ; модернизацию Вооруженных Сил.
2004	4	Только от нас сегодня зависит, сможем ли мы стать обществом действительно свободных людей. Свободных – и экономически, и политически. Только от нас зависит успех решения первоочередных общенациональных задач. Задач, которые хорошо известны. Это – удвоение за десятилетие валового внутреннего продукта, уменьшение бедности , рост благосостояния людей и модернизация армии. Доступность услуг образования и здравоохранения, возможность приобрести жилье – помогут нам смягчить проблему бедности . Сейчас около 30 миллионов наших граждан имеют доходы ниже прожиточного минимума. Это – огромная цифра. Причем, большинство бедных в стране – это трудоспособные люди. Очевидно, что усилия государства и бизнеса должны быть направлены на дальнейшее увеличение занятости – особенно в регионах с застойной безработицей, на развитие малого и среднего бизнеса, на эффективное использование мер адресной социальной поддержки. Однако действительно надежную основу для долговременного решения социальных проблем, в том числе и борьбы с бедностью может дать только экономический рост.
2005	1	В то же время, реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х годов. А средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране. Из 18 ставок единой тарифной сетки 12 — ниже прожиточного минимума. То есть, для большинства работников бюджетных организаций риски попасть в зону бедности крайне высоки. И столь унижительное положение мешает людям эффективно и творчески работать.
2006	0	

2007	3	И хотя разрыв между доходами граждан еще недопустимо большой, но все-таки, все-таки в результате принятых в последние годы мер почти вдвое сократились масштабы бедности в России. <...> Но в тяжелые годы реформ многие, а если сказать по-честному - подавляющее большинство пенсионеров, фактически оказались за чертой бедности . Прежде всего из-за краха неприспособленной к рыночным условиям пенсионной системы. <...> Могу с уверенностью сказать, что там, где развивается малый бизнес, там меньше бедных и ниже показатели смертности.
2008	1	Теперь, собственно, о ценностях. Они хорошо известны. Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации - в системе международных отношений.
2009	0	

Таблица П 4

Контекст упоминаний терминов с корнями «малоим», «малооб» в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ

Год	Кол-во упоминаний	Точная цитата из текста послания.
1998	0	
1999	1	Не первый год говорится о реализации конституционной нормы, согласно которой арест и содержание под стражей возможны только по судебному решению. Остро стоит вопрос об оказании юридических, нотариальных и адвокатских услуг малообеспеченным гражданам. Однако работа над соответствующими законопроектами так и не доведена до конца.
2000	1	Нынешняя система социальной поддержки, основу которой составляют безадресные социальные пособия и льготы, устроена так, что расплывает государственные средства, позволяет богатым пользоваться общественными благами за счет бедных. Формально бесплатное образование и здравоохранение фактически платны и порой недоступны для малообеспеченных , детские пособия мизерны и не выплачиваются годами, пенсии скудны и не привязаны к реальному трудовому вкладу.
2001	0	Поэтому задача этого года - разработать государственные образовательные стандарты. Они должны стать основой для последующего введения нормативного подушевого финансирования предоставляемых образовательных услуг. Одновременно, в целях повышения качества образования, следует сформировать независимую систему аттестации и контроля качества образования. И разумеется, не менее важная задача - повысить доступность образования для учащихся из малообеспеченных семей путем выделения и введения адресных социальных стипендий.
2002	0	
2003	0	
2004	3	Вывод очевиден: старые методы и подходы – они и раньше-то не решали проблему, а сегодня – попросту не работают. Надо прекратить обманывать людей, вынуждая их годами и десятилетиями стоять в очередях на получение жилой площади. И обеспечить возможности ее приобретения на рынке для основной части работающего населения России, одновременно с этим – гарантируя предоставление малоимущим гражданам социального жилья. <...> Одна из самых серьезных проблем – это недоступность качественного образования для малоимущих . Обучение сопровождается дополнительными платежами, которые не каждый может себе позволить. Сокращение общежитий, маленькие стипендии не позволяют детям из малообеспеченных семей – особенно из отдаленных городов и сел – получить качественное образование.
2005	2	В течение трех столетий мы — вместе с другими европейскими народами — рука об руку, прошли через реформы просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом, вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим социальным завоеваниям. <...> В третьих, российское государство, если хочет быть справедливым, обязано помогать нетрудоспособным и малоимущим гражданам — инвалидам, пенсионерам, сиротам. С тем, чтобы жизнь таких людей была достойной, а основные блага были бы для них доступными.
2006	0	
2007	0	
2008	0	
2009	0	

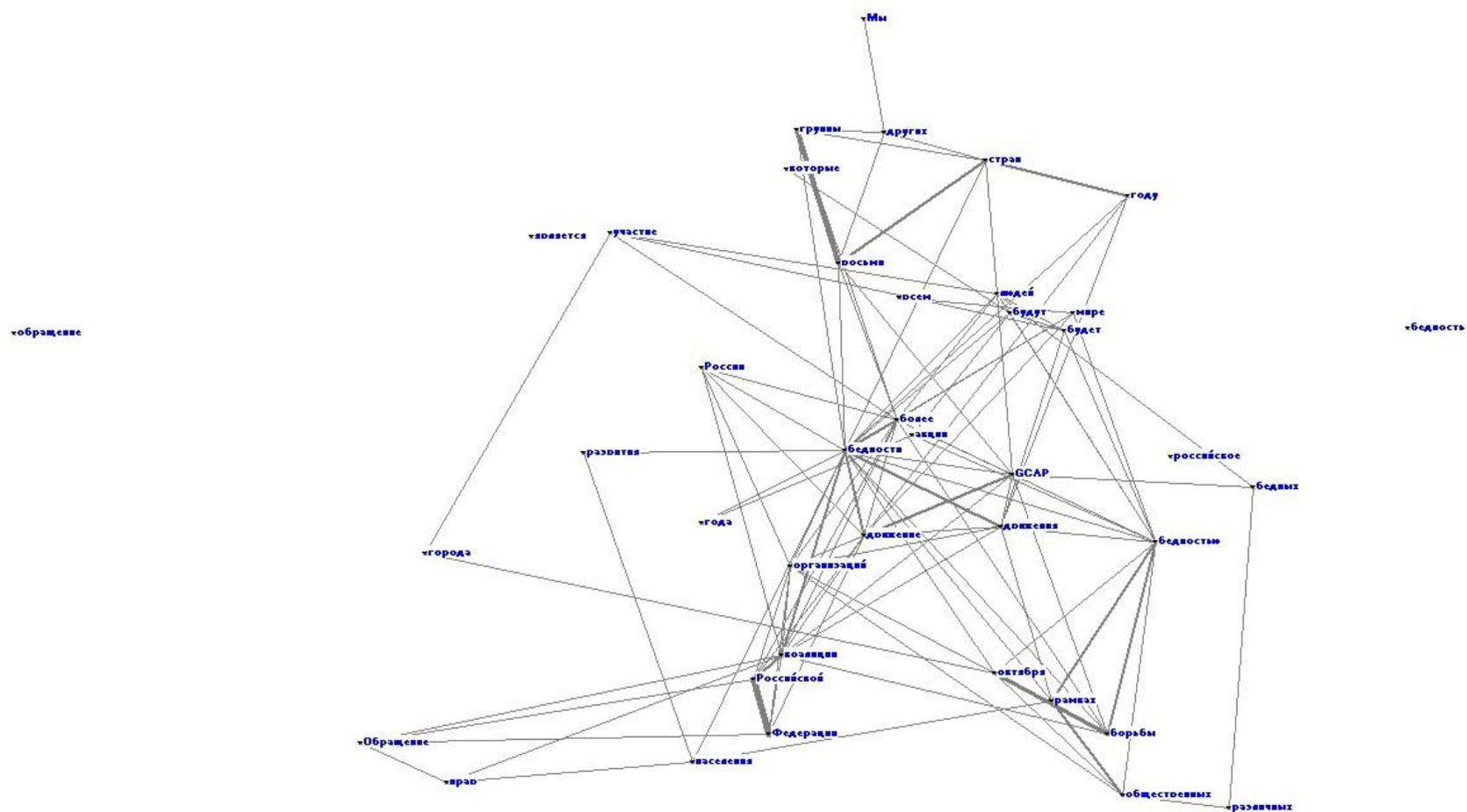
Контекст упоминаний словосочетания «прожиточный минимум» на основе поиска терминов с корнем «прожит» в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ

Год	Кол-во упоминаний	Точная цитата из текста послания.
1998	1	Пора переходить от слов к делу в вопросе об обеспечении настоящей адресности социальной помощи. Для этого появилась хорошая законодательная база - 1 января 1998 года вступил в действие Федеральный закон о прожиточном минимуме . Теперь есть четкий критерий того, что понимать под бедностью. Задача Правительства - дополнить этот Закон конкретными решениями по перестройке всей системы государственной социальной помощи так, чтобы бюджетные ресурсы были сосредоточены прежде всего на поддержке действительно нуждающихся.
1999	0	
2000	1	Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять, прежде всего, тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума . Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жены банкиров - без пособия по безработице.
2001	1	Да, за прошлый год нам удалось немного улучшить жизнь пожилым людям. Пенсии стали регулярно выплачиваться, они выросли в реальном выражении примерно на 28 процентов. И это был самый серьезный рост за последние несколько лет. В этом году должны сделать еще один шаг вперед - добиться того, чтобы средняя пенсия превзошла прожиточный минимум . Посмотрите, какие еще скромные у нас задачи.
2002	1	Год назад мы ставили скромную, но чрезвычайно важную задачу – добиться, чтобы средняя пенсия в стране превзошла, наконец, прожиточный минимум пенсионера. Сегодня, можно сказать, эта задача решена.
2003	2	Реальные доходы населения выросли на 32%. Средний размер пенсий еще три года назад составлял 70% от прожиточного минимума пенсионера, а в прошлом году он уже с ним сравнялся.<...> Во-первых, четверть российских граждан по-прежнему имеет доходы ниже прожиточного минимума. Четверть населения страны!
2004	2	Четыре последних года наша экономика развивалась в целом неплохими темпами. Несколько вырос уровень жизни людей. За этот период реальные доходы населения увеличились в полтора раза. Подчеркну – реальные доходы. На треть – уменьшилось число людей с доходами ниже прожиточного минимума . В прошлом году темпы роста нашей экономики составили 7,3процента. А в первые четыре месяца этого года – 8процентов.<...> Доступность услуг образования и здравоохранения, возможность приобрести жилье – помогут нам смягчить проблему бедности. Сейчас около 30миллионов наших граждан имеют доходы ниже прожиточного минимума. Это – огромная цифра. Причем, большинство бедных в стране – это трудоспособные люди.
2005	1	В то же время, реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х годов. А средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране. Из 18 ставок единой тарифной сетки 12 — ниже прожиточного минимума . То есть, для большинства работников бюджетных организаций риски попасть в зону бедности крайне высоки. И столь унижительное положение мешает людям эффективно и творчески работать.
2006	0	
2007	0	
2008	0	
2009	1	В первую очередь это касается пенсий. Их индексация проведена даже в большем размере, чем предполагалось. В последующие три года средний размер пенсий увеличится не менее чем в полтора раза. А уже в 2010 году все пенсионеры будут получать доходы не ниже прожиточного минимума . Вы знаете, как это важно для пожилых людей.

Рисунок П 2. - Связь между понятиями, шаг 1 (центры кластеров).

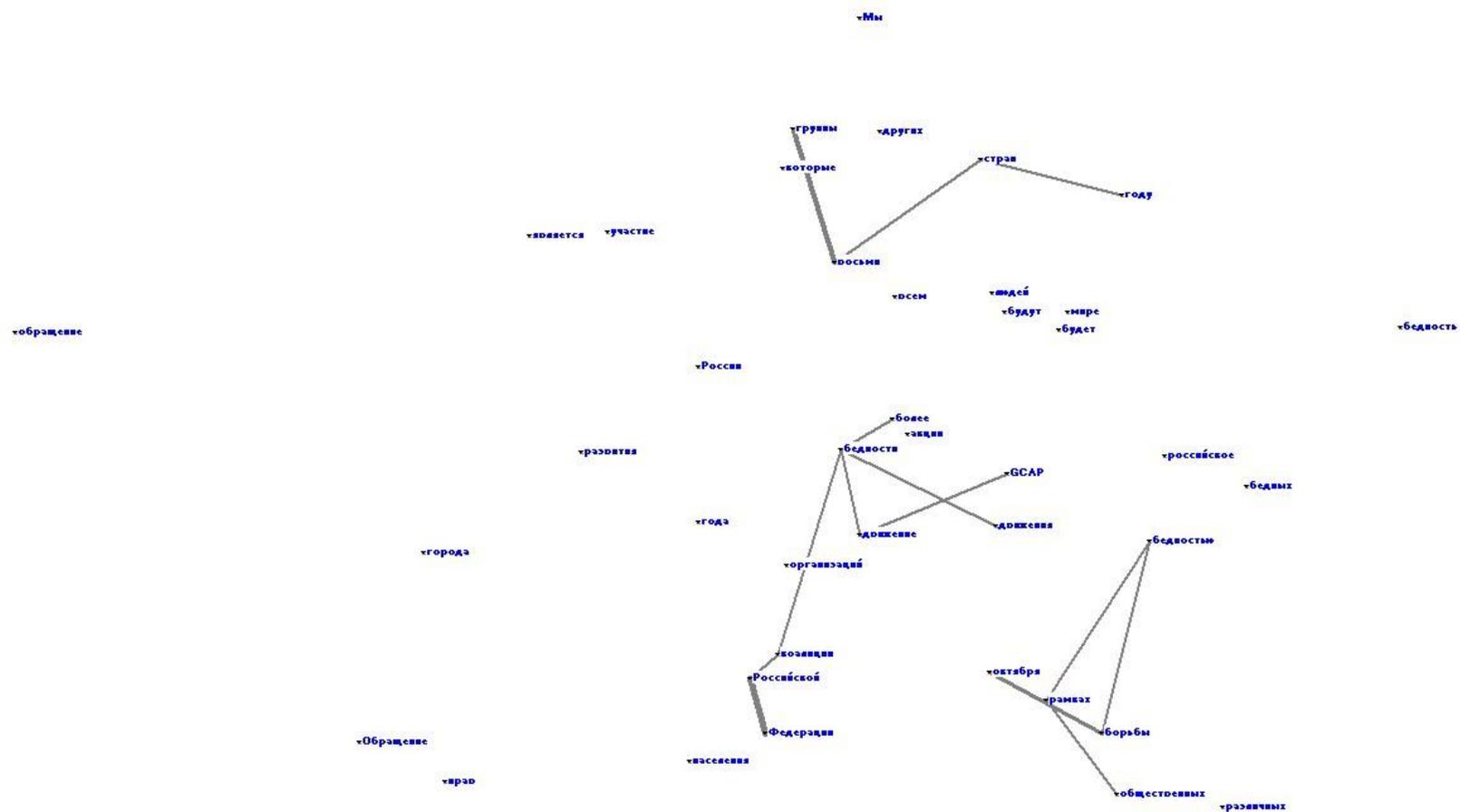
HAMLET II : network of words identified

Displaying minimum connectedness > 0,20

Рисунок П 3. - Связь между понятиями, шаг 2 (центры кластеров).

HAMLET II : network of words identified

Displaying minimum connectedness > 0,30

Рисунок П 4. - Связь между понятиями, шаг 3 (центры кластеров).